

ФГОУ ВПО «ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г.Р. ДЕРЖАВИНА»

Соседов Евгений Александрович

**Организационно-правовой опыт становления и
функционирования судебных органов Тамбовской губернии в период
НЭПа**

**12.00.11 –Судебная деятельность; прокурорская деятельность;
правозащитная и правоохранительная деятельность**

**12.00.01 – Теория и история права и государства;
История учений о праве и государстве**

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
Доктор юридических наук,
Профессор В.П. Федоров

Тамбов – 2014

Введение	3
I. Государственно-правовые основы формирования и развития системы судов в годы осуществления новой экономической политики	16
1.1 Генезис и историческое развитие судебной власти в условиях новой экономической политики	16
1.2 Концептуальные особенности становления системы судов в условиях осуществления судебной реформы периода НЭПа	40
1.3 Карательная политика государства в период становления НЭПа и её влияние на формирование системы судов Тамбовской губернии	53
II. Организационно-кадровые особенности деятельности судов Тамбовской губернии в условиях НЭПа и их влияние на становление российской судебной системы	83
2. Структурно-организационное устройство судебных органов Тамбовской губернии в период осуществления новой экономической политики	83
2.2 Организационно-институциональные особенности судебной деятельности в Тамбовской губернии в контексте реформирования судебной системы в годы НЭПа	106
2.3 Отечественный опыт становления и функционирования судебных органов Тамбовской губернии периода НЭПа и его роль в совершенствовании современной судебной деятельности	134
Заключение	143
Список использованной литературы	148

Введение

Актуальность темы исследования. Современная социально-правовая действительность обусловила необходимость обращения к идейно-теоретическому и практическому наследию предшествующих поколений, представляющему собой серьёзный пласт бесценного опыта, способствующего объективному определению дальнейших ориентиров развития российского общества и государства. Особый интерес в этой связи представляет анализ процессов реформирования, свойственных периоду осуществления новой экономической политики в советской России, как попытка выхода из кризисной ситуации посредством преобразования всех сфер общества и государства, включая систему судов.

Исключительная актуальность означенной темы подтверждается положениями, закреплённой в Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы», в соответствии с которыми судебная система как механизм государственной защиты имеет большое значение в любом правовом государстве. Исполняя роль общественного арбитра, она защищает одновременно все сферы деятельности, регулируемые правом. Система судебных органов обеспечивает незыблемость основ конституционного строя, охраняя правопорядок, единство экономического пространства, имущественные и неимущественные права граждан и юридических лиц, а также гарантирует свободу экономической деятельности¹.

Таким образом, исследовательский интерес к означенной проблеме опосредуется тем, что именно выяснение принципиальных особенностей становления и развития системы судов в отдельно взятый исторический период в рамках определенного региона, делает возможным проекцию означенных процессов на современную государственно-правовую

¹ Федеральная целевая программа «развитие судебной системы России на 2013-2020 годы»//Российская газета. – 2012. - № 866. – 2 октября 2012 года.

действительность. Подобный подход позволяет не только провести исторические параллели, но наметить перспективы дальнейшего развития, с учетом выясненной в процессе исследования специфики становления отечественной судебной системы.

Соответственно, обращение к проблемам судоустройства в отдельно взятом регионе, а именно в Тамбовской губернии, в период осуществления новой экономической политики, обусловлено тем, что успешное преобразование системы судов не представляется возможным в отрыве от исторической ретроспективы. Подобный исследовательский подход призван способствовать формированию целостной картины эволюции системы судов в период НЭПа в призме государственно-правовых реалий.

Учитывая тот факт, что современная правовая действительность характеризуется назревшей необходимостью судебных преобразований, обусловленных трансформациями в экономической сфере, целесообразным представляется обращение к означенному опыту создания, апробации и модификации органов государства, что в свою очередь призвано обеспечить укрепление современных демократических основ судопроизводства.

Степень научной разработанности проблемы. Отечественная правовая наука не однократно выбирала предметом исследования систему судов в различные исторические периоды. В частности исследовательское внимание привлекали сложные периоды осуществления государственно-правовых реформ, особое значение среди которых в современных условиях приобретает период осуществления новой экономической политики в двадцатые годы XX века. Представляя собой сложное государственно-правовое явление – суды Тамбовской губернии в означенный период не выступали в качестве предмета исследования государствоведов и правоведов, и анализ имевших место процессов проводился только в рамках работ, носивших обобщающий характер. Таким образом, специфические аспекты формирования и развития системы судов в Тамбовской губернии данного периода носят малоизученный характер.

По сути, речь идёт о том, что целостная картина эволюции Тамбовских губернских судов периода НЭПа, способная учесть специфические особенности, до сегодняшнего дня не оформилась. Спорный характер сохраняют вопросы соотношения государственно-правовых и политических основ процесса эволюции системы судов. При этом большинство работ затрагивает либо специфические особенности отдельно взятой системы судов, либо придерживается позиции общего исторического изложения событий, упуская необходимость юридической оценки означенных процессов.

Иными словами, определение целостной картины вышеозначенных процессов представляется возможным только посредством сочетания историко-правового подхода, предусматриваемого специальностью 12.00.01, а так же исследовательского подхода в рамках специальности 12.00.11, позволяющего рассматривать организационно-правовую специфику судебной деятельности и ее значение в отправлении правосудия.

Анализ научных трудов отечественных и зарубежных авторов позволяет подразделить все источники на несколько групп, особое место среди которых занимают труды советских исследователей, общественных и политических деятелей.

Принципиальное место занимают труды Н.В. Крыленко, М.Я. Лациса, В.И. Ленина, Е.Б. Пашуканиса, М.А. Рейснера, П.И. Стучки, Л.Д.Троцкого, Я.В. Эстрина и многих других, чьи воззрения носили исключительно тенденциозную, идеологическую окраску.¹

Особый характер имеют работы В.И. Ленина, в которых были заложены основы идей судопроизводства и обоснованы условия, делающие

¹ Курский Д.И. Избранные статьи и речи. 2- изд. М., 1958.

Крыленко Н. В. Реформа судостройства // ЕСЮ. 1922. № 27-28.

Лацис М.Я. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. - М.,1921.

Ленин В.И. НЭП и задачи политсоветов. Полн. Собр. Соч. Т.44. М.: Политиздат. 1974.

Пашуканис Е.Б. Марксистская теория права и строительство социализма/революция права. М., 1927. №3.

Рейснер М.А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л., 1925.

Стучка П.И. Старый и новый суд//Материалы НКЮ. Вып. II. М., 1918.

Эстрин Я.В. Сводоклад от криминалистической подсекции //Революция права. 1928. № 1. - С. 112-117.

необходимым реформирование системы судов в период осуществления новой экономической политики, а в дальнейшем трансформировавшиеся в основополагающие принципы судопроизводства и судоустройства. Обращая внимание на серьезную идеологическую составляющую означенных подходов, следует отметить необходимость его анализа для формирования целостной картины исследования.

Наряду с вышеуказанными трудами, широкий пласт исследований означенной проблемы составляют работы советских учёных 40-90 годов XX века. Учитывая тот факт, что, большинство работ советского времени, несомненно, было написано в идеологическом ключе, следует отдать должное их содержательной стороне, необходимой для выработки объективных и обоснованных выводов.

Достойной оценки заслуживают труды А.П. Вершинина, С.А. Гогунского, Д.С. Карева, М.В. Кожевникова, В.В. Кривоногова, посвящённые общим проблемам судоустройства и судопроизводства в исследуемый период.¹

Серьёзный вклад в исследование означенной проблемы внесли работы В.М. Курицына, посвященные выяснению организационно-структурной специфики деятельности судов в означенный период. В работах «Переход к НЭПу и революционная законность» и «Проблемы демократии и законности в первые годы НЭПа», «Становление социалистической законности» были даны оценки роли права, законности в становлении народного хозяйства и развитии демократии.²

¹ Вершинин А.П. Советское государство и право. 1989. № 8. С. 134-135.

Голунский С.А., Карев Д.С. Учебник по судоустройству. М., Юридическое издательство НКЮ Союза ССР, 1939.

Кожевников М.В. История советского суда. 1917-1956 годы. – М.: Государственное издательство юридической литературы. 1957.

Карев Д.С. Советское судоустройство. М., 1951.

Кривоногов В.В. Формирование социалистических принципов советского судоустройства (1917-1926 гг.). Свердловск. 1971.

² Курицын В.М. Переход к непу и революционная законность. М., 1971.

Курицын В.М. Проблемы демократии и законности в первые годы НЭПа// Вопросы истории. 1972. №4. С.56.

Курицын В.М. Становление социалистической законности. М.: Изд-во «Наука», 1983.

Российская наука права неоднократно определяла в качестве предмета исследования вопросы судоустройства и судопроизводства первых советских десятилетий. К числу фундаментальных работ целесообразно отнести исследования В.А. Букова, Т.П. Коржихиной, В.Н. Кудрявцева, В.В. Макеева, В.П. Портнова, Л.П. Рассказова, Т.Е. Серебряковой, М.М. Славина, А.И. Трусова и других, содержащих обширный фактический материал, ценные рассуждения и выводы, прочно вошедшие в отечественный научный дискурс.

Наряду с отечественными правоведами, проблемы формирования и эволюции судов в период НЭПа вызывали серьёзный интерес и со стороны зарубежных исследователей.

В частности, следует указать на работы Ю. Хаски, Д.Бюффа, посвятивших свои труды проблемам формирования судов данного периода как неотъемлемого элемента советской государственности в контексте государственных идеологических приоритетов. Особо следует отметить тот факт, что ряд проблем советского судоустройства и судопроизводства получивших своё отражение в трудах зарубежных исследователей отличаются недостаточной изученностью существующих архивных материалов. Подобное положение дел не способствует целостному и всестороннему анализу означенных проблем, что в свою очередь требует дальнейшего серьёзного исследования.

Особую группу источников составляют диссертационные исследования, посвященные организационно-правовым особенностям формирования и развития судебной власти, а так же судебной деятельности, выполненные по специальности 12.00.11. Пристального внимания заслуживают исследования Б.В. Сангаджиева «Институциональные характеристики судебной власти Российской Федерации: вопросы теории и практики»; В.М. Нестерова «Осуществление судебной власти мировыми судьями в РФ»; М.Ю. Кузнецова «Реализация контрольной функции судебной власти в Российской Федерации», посвященные выяснению

организационно-институциональной специфики функционирования судебной власти в Российской Федерации.

Наряду с выше указанными источниками, исходя из специфики объекта исследования, особую группу составляют диссертационные работы, посвящённые проблемам эволюции системы судов в период НЭПа. Следует обратить внимание на работы по специальности 12.00.01., в частности речь идет об исследованиях Е.В. Брыжинской «Формирование и развитие судебных органов Мордовии в 1917-1937 гг»; А. В. Бондаренко «Судебная система РСФСР в условиях НЭПа»; И.Л. Лезова «Советский суд в 1917-1940-х гг.», В.В. Максимова «Становление и деятельность правоохранительных органов советской провинции: 1917-1928гг. (на примере Курской губернии)»; П.С. Серопян «Становление и развитие судебных органов Кубани 1920-1941гг»; И.Я. Шахназарова «Концепция создания и становления советской судебной системы на региональном уровне: 1917-конец 20-х годов (на материалах Пензенской губернии)». Вышеозначенные исследования представляют серьёзный вклад в изучение проблемы судоустройства в период НЭПа, однако следует отметить, что комплексного историко-правового исследования эволюции судебной системы губернских судов в условиях НЭПа, до сих пор не проводилось.

Иными словами, институционально-организационная и историко-правовая специфика формирования и развития системы судов в определенный период развития российской государственности, а так же ее воздействие на совершенствование современной отечественной судебной деятельности до сих пор остается малоизученной.

Цель работы сводится к выявлению организационно-правовых особенностей становления, специфики формирования и функционирования судебных органов Тамбовской губернии в условиях осуществления НЭПа в призме совершенствования современной судебной деятельности.

Достижению данной цели способствует решение следующих **задач**:

1. Определить условия формирования новой системы судов в

Советской России в целом и в Тамбовской губернии в частности в контексте проводимой государством новой экономической политики;

2. Выявить имевшие место социально-политические, идеологические и правовые основания проводившегося с 1922 года судебного реформирования в государственном и губернском масштабе;

3. Выяснить концептуальные особенности судебной реформы периода НЭПа, а так же определить специфику ее проявления на уровне отдельно взятой губернии;

4. Дать оценку карательной политике государства в период становления НЭПа и установить особенности ее влияния на формирование системы судов Тамбовской губернии;

5. Рассмотреть организационно-структурное устройство системы судов Тамбовской губернии в условиях осуществления новой экономической политики;

6. Проанализировать кадровый состав судебных органов Тамбовской губернии и его роль в реформировании судебной системы в годы НЭПа;

7. Раскрыть значение институтов судебной системы, сформировавшихся в период НЭПа и определить их воздействие на современную российскую судебную деятельность в целом.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в ходе становления и функционирования системы судов Тамбовской губернии в условиях осуществления новой экономической политики 1922-1929 годов.

Предмет исследования составляет эволюция процессов, связанных со становлением и развитием судов Тамбовской губернии в период НЭПа.

Теоретическую основу диссертации составили труды отечественных и зарубежных учёных-правоведов, специалистов в области теории судебной власти, а так же теории и истории государства и права, посвящённые советской

системе судов, что в свою очередь способствовало выработке авторского видения проблемы.

В частности, речь идет о работах Л.А. Воскобитовой, Н.А. Колоколова, Л.В. Лазарева, И.Б. Михайловской, М.Н. Марченко, И.Л. Петрухина, В.М. Савицкого, Н.М.Чепурновой, посвященных рассмотрению теоретических проблем судебной власти. Принципиального внимания заслуживают исследования таких ученых как В. К. Бабаев, Н.В. Витрук, В.М. Жуйков, Н.Н. Полянский, Н.Н. Розин, М.С. Строгович и другие, чьи исследования посвящены анализу судебного права.

Особую группу составляют работы исследователей теории и истории судебных органов как элемента государственно-правового механизма. В частности, речь идет о трудах В.А. Букова, А.П. Вершинина, С.А. Гогунского, Д.С. Карева, М.В. Кожевникова, В.В. Кривоногова, Т.П. Коржихиной, В.Н. Кудрявцева, В.В. Макеева, В.П. Портнова, Л.П. Рассказова, Т.Е. Серебряковой, М.М. Славина, А.И. Трусова, и других исследователей.

Нормативной основой исследования являются Конституция РФ (гл. 7 «Судебная власть», ст. 118–128),ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1 «О Конституционном Суде Российской Федерации», ФКЗ от 28 апреля 1995 г. № 1 «Об арбитражных судах в Российской Федерации», Законом РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации».

Гражданский процессуальный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Кодекс об административных правонарушениях РФ и иные нормативно-правовые акты.

Эмпирическую основу исследования составили:

- 1) Материалы обобщения актов Губернских съездов судебных работников Тамбовской губернии по вопросам реализации судебной власти за 1922-1928 гг.;
- 2) Материалы обобщения Протоколов заседаний пленумов

Тамбовского Губ.суда за 1922-1928 гг.;

3) Материалы Государственного Архива Тамбовской области по вопросам организации и функционировании судебных органов тамбовской губернии за 1922-1928 гг.;

4) Материалы Государственного Архива РФ по вопросам реализации судебной власти за 1922-1928 гг.;

5) Материалы обобщения Протоколов совещания народных судей г. Тамбова за 1922 1928 гг.;

6) Материалы обобщения актов Совета Народных Комиссаров РСФСР и Народного Комиссариата Юстиции РСФСР по вопросам становления и функционирования судебных органов за 1922 – 1928 гг.

7) Статистические данные судебных органов государственного и губернского значения.

Научная новизна диссертационного исследования опосредуется темой, предметом, методологией и сводится к комплексному подходу, включающему в себя институционально-организационную и историко-правовую составляющие, посредством которого автором определяются особенности становления и функционирования системы судов Тамбовской губернии в определённых хронологических рамках (период осуществления НЭПа 1922-1929 гг.).

Автором раскрывается многоплановый характер судебной системы, опосредованный рамками конкретно-исторического подхода, предусматривающего временное (период осуществления НЭПа) и территориальное (Тамбовская губерния) секвестрование.

Посредством введенных в научный оборот архивных материалов и материалов судебной практики данного периода, автором устанавливаются специфические особенности процесса формирования многозвенной судебной системы в призме государственного строительства, конкретно осуществляемого в Тамбовской губернии, и определяется значение

означенного отечественного опыта в совершенствовании современной судебной деятельности.

Основные положения, выносимые на защиту

по специальности 12.00.11 –Судебная деятельность; прокурорская деятельность; правозащитная и правоохранительная деятельность:

1. Становление и функционирование системы судов в Тамбовской губернии в 1922-1929 гг. представляется неотъемлемой частью общегосударственного процесса, при этом имеющего специфические институционально-организационные черты, опосредованные аграрным статусом и длительное время сохранявшимися активными протестами крестьянства, что наложило серьезный отпечаток не только на процесс формирования системы судов, но и на структуру, особенности функционирования, специфику судебной деятельности как инструмент политического воздействия на противников существовавшего государственного устройства.

2. Правовую базу деятельности судов и судоустройства в Тамбовской губернии в период осуществления новой экономической политики, как и в стране в целом составлял нормативно-правовой акт, пришедший на смену революционному правосознанию, но сохранявший классовый характер и представлявший собой часть идеологизированного государственного аппарата, находившегося в прямой зависимости от осуществляемой государственной политики, строящейся на основе принципов революционной целесообразности и партийной необходимости.

3. Специфические особенности организации и функционирования судебных органов периода НЭПа в рамках отдельно-взятой Тамбовской губернии позволяют говорить о возможности совершенствования современного правоприменительного механизма, с учетом отечественного опыта. Организованная таким образом судебная система призвана способствовать установлению единообразного применения законов и судебной практики, исправлению допускаемых судебных ошибок,

укрепления законности в деятельности судов, что в свою очередь опосредует изменения во всей государственно-правовой жизни общества.

4. Отечественный опыт судебной деятельности позволяет пересмотреть организационно-правовые основы судебной системы в контексте современных преобразований, что призвано способствовать формированию новых форм организации судопроизводства, уточнению принципов судебной деятельности путем обеспечения открытости, доступности и как следствие повышению эффективности деятельности судов.

По специальности 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве:

5. Судебная система Тамбовской губернии периода НЭПа функционировала в условиях реального сращивания судебной и исполнительной ветвей власти, под определяющим влиянием партийно-идеологического фактора. «Советизация» и «очиновничивание» судов, обусловленные стремлением устранить политически ненадежное крестьянство Тамбовщины от участия в отправлении правосудия, закрепили практику партийного выдвиженчества, результатом которой стало неустойчивость структуры судебной системы, серьезная текучесть кадров, отказ от привлечения к работе старых специалистов, невысокий образовательный уровень судей, недостаточный стаж работы, низкая профессиональная дисциплина и как следствие стабильно высокий уровень судебных ошибок, подрывавший не только авторитет суда, но и принцип законности в целом.

6. Процесс создания судов Тамбовской губернии, в ходе реформы 1922-1929 гг., тесным образом связан с конкретной исторической обстановкой и выступает в качестве действенного элемента формирования правовых устоев государства. Организованная таким образом судебная система предоставляла возможности для установления единообразного применения законов и судебной практики в масштабах губернии, соблюдение принципа законности при рассмотрении уголовных и гражданских дел, утверждение основ состязательности в судебном процессе,

однако при этом она была не свободна от влияния советско-партийной номенклатуры, обеспечивавшей формирование карательной политики Советского государства.

7. Представляя собой один из принципиальных этапов становления и развития отечественной судебной системы, период НЭПа, вызывает особый интерес как попытка осуществить посредством преобразований в судебной сфере изменения во всей государственно-правовой жизни общества. Закрепив сверх-централизованную систему судов, во многом сохранившую свою форму и сегодня, судебная реформа 1922-1929 гг., заложила основы практики судоустройства, просуществовавшие в нашей стране длительное время. Имевшие место преобразования системы судов Тамбовской губернии, не ликвидировали господство принципа политико-идеологической целесообразности.

Общетеоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что представленные в работе выводы дополняют и систематизируют знания в области становления и функционирования судебных органов, а так же судебной деятельности в Тамбовской губернии периода НЭПа. Полученные в процессе диссертационного исследования выводы могут быть использованы в дальнейших исследованиях заявленной проблемы, а так же при подготовке и проведении курсов лекций, методических и учебных пособий по проблемам правоохранительных органов, истории государства и права, теории государства и права, а так же в законодательном процессе по реформированию судебной деятельности Российской Федерации.

Результаты исследования и их апробация. Основные научные положения, результаты и выводы, сформулированные в диссертационном исследовании, были изложены в докладах на конференциях, проводившихся в Тамбове. Материалы исследования использовались автором в процессе проведения лекционных и семинарских занятий по дисциплине «Правоохранительные органы» в Тамбовском Государственном

Университете им Г.Р. Державина, а так же в практической деятельности Тамбовского областного суда и Арбитражного суда Тамбовской области при выработке методических рекомендаций по выявлению и устранению судами причин и условий, препятствующих эффективной судебной деятельности.

Материалы и результаты исследования нашли отражение в *десяти* статьях, шесть из которых опубликованы автором в рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ и рецензируемых изданиях, а так же в *трех* авторских монографических изданиях.

Структура и объем диссертационной работы были обусловлены целью и основными научными задачами исследования. Диссертация включает в себя введение, две главы, разбитые на шесть параграфов, заключение и списка использованной литературы. Структурно-логическая составляющая диссертационной работы согласуется с предметом и целью исследования. Объем диссертации соответствует требованиям ВАК.

Глава I. Государственно-правовые основы формирования и развития системы судов в годы осуществления новой экономической политики.

§ 1. 1 Генезис и историческое развитие судебной власти в условиях новой экономической политики.

Осознавая необходимость преобразований в судебной системе как одной из основ государственного строительства, современное общество переживает всплеск исследовательского и практического интереса к проблеме формирования судов в период осуществления новой экономической политики. Подобная обусловленность проявляется в том, что именно этот период позволяет наиболее ярко проиллюстрировать степень влияния процессов реформирования судебной системы на развитие всего государственного устройства, что приобретает особое значение в современных социально-правовых условиях.

Завоевав государственную власть, а затем, пройдя период революции и гражданской войны, новое правительство большевиков, никогда не имевшее исторического опыта управления страной в условиях мирного строительства, смогло во время политического кризиса весной 1921 года выработать экономическую политику, позволившую положительно воздействовать на экономику.

В условиях чрезвычайно сложного внутреннего положения, Советская республика переживала жесточайший экономический кризис, отбросивший страну на несколько десятилетий назад, что в свою очередь не могло не сказаться на составе населения, испытывавшем процесс деклассирования, ставившего под угрозу всю социальную базу Советской власти.

Не случайно большевики говорили об это времени как о самом большом внутреннем политическом, социально, экономическом кризисе

Советской России. В частности, большевики констатировали «общий кризис», по сути, «кризис революции»¹.

Сложившаяся в советском государстве в послеоктябрьский период ситуация, привела к тому, что из-за людских потерь и утраты территорий, население России сократилось до неполных 137 млн. человек. При этом в стране насчитывалось 4,5 млн. инвалидов войны. Было уничтожено свыше четверти национального богатства. Города обезлюдели. В частности, население Петрограда уменьшилось с 2 млн. до 700 тыс. жителей. Выпуск промышленной продукции составлял седьмую часть довоенной. Без движения стояли затопленные или разрушенные шахты Донбасса, нефтяные промыслы Кавказа. Большая часть промышленности была парализована².

Зревшее в недрах общества недовольство политикой военного коммунизма, находило всё более резкие формы проявления. В частности, не желавшее мириться с продразверсткой крестьянство протестовало против сложившегося социально-экономического положения, что постепенно переростало в стихийные выступления, охватывавшие целые губернии. Причём такое недовольство советской политикой большевики считали величайшей опасностью для нового строя, которую невозможно было устранить простым применением силы.

Ярко характеризуют имевшие место в тот период настроения, материалы, изложенные в донесениях с мест, в частности в которых говорилось о том, что «если до весны никаких решительных шагов. не предпримем, то можем оказаться перед попыткой крестьянского реванша»³.

По сути, речь идёт о том, что политический кризис поразил и коммунистическую партию. Потрясены были самые основы ее власти. Вождь социалистической революции, партия оказалась во главе страны, изолированной от остального мира, в которой, как указывал Ленин,

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. М.: Политиздат. 1975. – с.282.

² Боффа Д. История Советского Союза. НЭП. Мятежи от Тамбова до Кронштата. М.: Международные отношения. 1990. – С.153.

³ Генкина Э.Б. Государственная деятельность В.И. Ленина (1921-1923 гг.) М., 1969. – с.81.

«экономических основ для действительного социалистического общества еще нет», а «культурный уровень крестьян и рабочей массы не соответствовал задаче» перехода к такому обществу. Перед «огромным большинством крестьянства» было «не только меньшинство, но и значительное меньшинство пролетариата», который к тому же подвергся и продолжал подвергаться «такому сверхчеловеческому напряжению», «таким бедствиям, лишениям, голоду, ухудшению своего экономического положения, как никогда ни один класс в истории»¹.

Таким образом, потребность в изменении внутривластного курса Советского государства после окончания гражданской войны была вызвана приобретшим тотальный характер кризисом, затронувшим экономические, политические и социальные отношения.

В этом смысле осуществление новой экономической политики определяло в качестве первоочередных государственных задач не только налаживание гражданского оборота и обеспечение правовых гарантий предпринимательской деятельности, но и предоставление гражданам личных гарантий от произвола со стороны государственных органов и от посягательств со стороны преступного мира.

Несмотря на эту колоссальную работу, утверждение революционной законности наталкивалось на серьезные трудности. Главное препятствие - все та же острота политической борьбы, как внутренней, так и международной. В частности, В.И. Ленин, выступая в процессе разработки новых кодексов, потребовал «расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу)», распространив это на лиц, участвующих в деятельности других партий. Он заявил также, что было бы «обманом» обещать ликвидацию «террора», и выразил пожелание, чтобы соответствующие политические преступления были юридически сформулированы «как можно шире», предоставляя «революционному

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 42. М.: Политиздат. – 1974. – с.32.

правосознанию» решать вопрос, в каких пределах применять установленные меры ¹.

Так возникла дилемма между правопорядком и правосознанием, длительное время сохранявшая своё влияние развитие советской юридической мысли.

Подобная постановка вопроса находила свое отражение и в превращении чрезвычайных революционных органов в постоянные институты. Особое место в этой связи отводилось судебной системе, призванной выступить в качестве правового гаранта осуществлявшихся в период НЭПа преобразований.

Примечательно, что в начале двадцатых годов имели место две системы судебных органов, а именно общие суды, состоящие из народных судов, губернского совета народных судей и Высшего судебного контроля в лице Наркомюста, а так же революционные трибуналы в крупных центрах, а также Верховный революционный трибунал при ВЦИК, являвшийся судом первой инстанции по наиболее сложным делам и кассационной инстанцией для всех революционных трибуналов ².

То же самое произошло с цензурой. В июне 1922 г. было образовано Главное управление по делам издательств и публикаций (Главлит) с задачей надзора за всеми публикациями, особенно частных издательств, вновь нарождавшихся при НЭПе ³.

Мучительный переход к новой экономической политике отразился, наконец, и на самой коммунистической партии. Ее отождествление с государством продвинулось еще дальше. В эти месяцы многократно утверждалось большевиками, что функции партии и государства не должны смешиваться; практически же разграничить их не получалось.

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. М.: Политиздат. 1975. – с.189-190.

² Шахназаров И.Я. Концепция создания ми становления советской судебной системы на региональном уровне: 1917 – конец 1920-х годов (на материалах Пензенской губернии). Дисс. ...к.ю.н. Пенза. 2003. – с.75.

³ Курицын В.М. Проблемы демократии и законности в первые годы НЭПа// Вопросы истории. - 1972. - №4. - С.56.

Таким образом, сущность реформы можно свести к двум основным направлениям. Это утверждение принципа законности и создание сети правоохранительных органов, основной функцией которых стала бы защита прав граждан. Советское законодательство в данный период все настойчивее занимает место основного источника права.

Обосновывая необходимость утверждения принципа законности, большевики определяли зависимость в соответствии с которой, чем больше государство входит в условия, которые являются условиями прочной и твёрдой власти, чем дальше идёт развитие гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твёрдый лозунг осуществления большей революционной законности.

В качестве основных черт законности В.И.Ленин указывал, что необходимо действовать: 1) в строгом соблюдении законов советского государства; 2) в непрременной ответственности за нарушение законов; 3) в единстве законности для всех федераций советских республик; 4) во взаимосвязи законности и культурности¹.

Подобное опосредование не снимало имевшие место затруднения и сохраняло дискуссионность вырабатываемой новой политики. Особо следует отметить тот факт, что в самом руководстве партии и государства не было единства в понимании сущности НЭПа. Ставились под сомнение или вообще отвергались возможности новой политики как методики и плана строительства социалистического общества. При этом не следует упускать из виду, что многими коммунистами введение подобных новшеств переживалось достаточно остро. Допуск капиталистических элементов в народное хозяйство, свободного товарообмена рассматривался как попираание революционных идеалов. Резко отрицательную позицию в отношении новой экономической политики занимали Л.Троцкий, Л.Каменев, Г.Зиновьев, Е.Преображенский и многие другие видные деятели большевистской партии того времени.

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. М.: Политиздат. 1975. – с.53.

В частности в 1923 году, в своей брошюре «Новый курс» Л.Д. Троцкий указывал на тот факт, что НЭП имеет, бесспорно, вынужденный характер, по сути своей не свойственный большевизму¹.

В свою очередь, Е.Преображенский определял категории рынок, то есть НЭП и социализм как несовместимые понятия².

В сложившихся условиях многие лидеры партии считали необходимым сделать уступку крестьянству. Новая экономическая политика рассматривалась ими главным образом с точки зрения тактики, а не долговременного стратегического курса, как некая передышка. Продолжительность нового курса зачастую связывалась с перспективами мировой революции, в ходе которой устранялась надобность в новой экономической политике, и у советского строя появлялась возможность непосредственного строительства социализма.

В свою очередь сторонники нового курса, учитывая сложившуюся не только политическую, но и экономическую ситуацию, полагали и подчеркивали, что НЭП вводится всерьез и надолго. А это означало не просто смену тактики, а коренной поворот в идеологии построения социализма. Именно с этих позиций, характеризуя необходимость новой экономической политики, В.И.Ленин отмечал, что нормальные отношения должны быть таковы, чтобы пролетариат держал в своих руках крупную промышленность с ее товарами и удовлетворял крестьянство, не только давая ему средства к жизни, но и облегчая его положение, делая его лучше, чем при капитализме³.

Такое понимание позволяло определить в качестве основных направлений НЭПа замену продразверстки продналогом и введение свободной торговли, а так же передачу в частную собственность мелких и средних предприятий, производящих товары народного потребления. Особое

¹ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. – с.322.

² Ноув А. О судьбах НЭПа// «Вопросы истории». № 8. 1989. С. 172-173.

³ Ленин В.И. Доклад о замене развёрстки натуральным налогом. М.: Издательство политической литературы. 1970. – с.62-63.

значение в этой связи приобрела необходимость реформирования судебной сферы, как основы формирования новой экономики.

Показательно, что в свою очередь, проведение судебной реформы 1922 года, по мнению исследователей, было обусловлено изменившимися социальными условиями, наличием большого массива несистематизированного нормативного материала и в то же время существенных пробелов в законодательстве, что приводило к широкому и зачастую не вполне корректному применению аналогии. Был взят курс на укрепление так называемой «революционной законности»¹.

Особо следует отметить, что под революционной законностью стали понимать тот правопорядок, который признавался «верховными органами пролетарской диктатуры» целесообразным и общеобязательным. Правосознание стало рассматриваться в качестве ведущего принципа правотворчества, положенного в основу законодательства².

Иными словами революционная законность представляла собой установленный и определенный государством правопорядок, комплекс правил, что связывалось с необходимостью разработки системы соответствующих норм, призванных сформировать своеобразную основу судебной власти.

Соответственно руководящая и направляющая деятельность партии большевиков была призвана оказывать определяющее влияние на развитие и укрепление социалистической законности.

В этом смысле следует указать на проводившуюся с 1922 года кодификацию, в ходе которой, несмотря на противодействие отдельных работников юстиции, видевших в ней олицетворение «буржуазного понимания закона»³, были приняты кодексы практически во всех важнейших отраслях права.

¹ Смыкалин А. Судебная реформа 1922 г. // Российская юстиция. - 2002. - № 4. - С. 39.

² Макеев В.В., Серебрякова Т.Е. Развитие советского государства и права в годы НЭПа (1921-1929 гг.). Учебная лекция. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 1999. – с.19.

³ Стучка П. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. М, 1931. – с.207.

Другой сферой особого внимания государства стали частноправовые отношения. Еще летом 1921 года губернские отделы юстиции в издаваемых циркулярах указывают на необходимость готовности судей к большому наплыву гражданских дел в связи с изменением экономического курса государства. Нижестоящим судам предлагалось провести ряд мероприятий, которые могли способствовать скорейшему приспособлению судов к новым условиям: «систематизация всего законодательства в области экономической политики, выделение особых «судей-цивилистов» для ведения исключительно гражданских дел» и т. п.¹.

Организационная работа, проводимая в данной сфере, требовала серьезного законодательного регулирования.

Кроме того, в 1922 году принимается и вводится в действие первый советский Гражданский Кодекс, ставший основным документом, регулирующим общественные отношения в имущественной сфере.

В целом, нормы ГК также носили классовый характер и являлись своего рода компромиссом, с одной стороны узаконивая предпринимательскую деятельность, а с другой - ставя ее в жесткие рамки дозволенного. Гражданский Кодекс разрабатывался в расчете на его использование лицами, принадлежавшими к числу «новой буржуазии», то есть рассматривался как акт «буржуазного права», защита которого со стороны государства не означала отхода последнего от принципов классовой борьбы. Тем не менее, первоначальный текст ГК стал важным подспорьем укрепляемой в стране законности и повлиял на деятельность судов.

По существу, концепция власти согласно марксистско-ленинской философии не предполагала самостоятельного суда как отдельной ветви власти. Поэтому наделение судей широкими полномочиями первоначально не обсуждалось. По сути, речь шла о том, что суд есть государственное

¹ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 5. Д. 52. Л. 211.

учреждение, а правосудие, следовательно, - вид государственной деятельности. Иными словами, не признавались суды внеклассовые¹.

Своеобразным продолжением данных суждений могут служить воззрения Н.В. Крыленко, являющиеся своего рода официальной позицией правящей большевистской партии.

В частности, высказывались суждения о том, что с целью приучить наше население идти к народному судье по всякому поводу, как оно идет к учителю; надо сделать из народного судьи авторитетную фигуру, к которой можно было бы идти жаловаться и на местную администрацию. Такая постановка вопроса и такая обрисовка роли народного судьи, советскому партийному деятелю представлялась в корне неправильной и оценивалась как извращение или, вернее, забывание основных принципов строения всей нашей советской системы вообще.

Крыленко отмечал, что отнюдь не обязательно, из народного судьи делать такого третьего представителя сельской интеллигенции, к которому население привыкло бы идти с жалобами по всем своим делам, в том числе и с жалобами на волисполком, - надо сделать так, чтобы население по всем своим нуждам привыкло идти именно в волисполком, как свой орган, в орган своей власти. Предложение о том, что нужно добиться того, что население шло по этим вопросам к судье – это отрывка теории разделения властей, теории о верховенстве судебной власти над административной. ... В силу этих соображений мы боремся принципиально против стремления сосредоточить у народного судьи совершение ряда юридических действий и актов, не носящих характера споров по гражданским и уголовным делам. ... Советская система строит суд как ячейку, где избранные населением, в лице местных советов, регулируемые и управляемые государственной властью народные судьи вместе с народными заседателями рассматривают все вопросы, которые встают перед ними при разрешении конкретных дел

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. М.: Политиздат. 1975. – с.120.

[20,С.60]¹.

Таким образом, идеологи большевизма мотивировали необходимость преобразований в системе судов тем, что «по мере того, как основной задачей власти становится не военное подавление, а управление, - типичным проявлением подавления и принуждения будет становиться не расстрел на месте, а суд»².

В этой связи, с переходом на мирную работу по восстановлению народного хозяйства В.И. Лениным ставится задача «осуществления большей революционной законности»³.

Придавая особое значение формированию законности на периферии, одним из важнейших актов этого периода, направленным на укрепление советской законности и органов юстиции, представляется декрет ВЦИК от 25 августа 1921 года «Об усилении деятельности местных органов юстиции».

Основное содержание данного акта сводилось к тому, что твердое установление Советского строя на всем пространстве РСФСР и переход к мирному строительству настойчиво требуют, чтобы деятельность всех органов Советской власти и должностных лиц была строго согласована с действующими законоположениями, чтобы советскими органами и всем населением было ясно усвоено, что проведение в жизнь революционной законности является одной из самых насущных потребностей Советской республики»; предлагалось обратить особое внимание на деятельность органов юстиции, поднять их авторитет.

Подтверждая необходимость преобразований, в данный период предпринимаются попытки создать центральные органы руководства судебной системы, поскольку последняя в годы гражданской войны не имела

¹ Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. Теоретический и практический комментарий к Основам судостройства, судопроизводства и материального уголовного права СССР. Часть первая. Основы судостройства. М.-Л.: 1927. – с.60.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 22. М.: Политиздат. 1974. – с.460.

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 27. М.: Политиздат. 1974. – с.140.

единого руководящего центра, надзорные и кассационные функции были децентрализованы. Одной из попыток преодолеть указанные недостатки можно считать разработку и утверждение ВЦИКом и Совнаркомом РСФСР 10 марта 1921 году Положения о Высшем судебном контроле¹.

Согласно Положению о Высшем судебном контроле от 10 марта 1921 года, на Наркомат юстиции РСФСР возлагалось: общий надзор за деятельностью всех судебных органов РСФСР и дача им руководящих указаний и разъяснений по действующему советскому праву; рассмотрение вступивших в законную силу приговоров и признание их неправосудными при наличии соответствующих оснований; разрешение вопроса о возобновлении судебных дел по вновь открывшимся обстоятельствам.

Высший судебный контроль имел право отменять вступившие в законную силу приговоры и направлять уголовные дела на новое рассмотрение в соответствующие судебные органы.

Причём органу государственного управления - Наркомату юстиции предоставлялось право непосредственно влиять на рассмотрение судами конкретных судебных дел. Этот административный орган получил право отменять судебные приговоры и решения, противоречило принципам правосудия. Такое положение не могло сохраняться длительное время, так как приговоры суда с точки зрения принципов правосудия могли отменяться только судебным органом. Однако наделение Наркомата юстиции РСФСР правами высшего судебного контроля не превращало его в высшее судебное учреждение и носило в большинстве своём декларативный характер.

Достаточно подробно проблемы необходимости преобразований в данный период рассматривал В.М. Курицын отмечавший, что во время гражданской войны органы юстиции на местах фактически подчинялись губернским и уездным исполкомам. В военных условиях это было необходимо, ибо именно губисполкомы, пользовавшиеся фактически

¹ СУ РСФСР. 1921. № 15. Ст. 97.

чрезвычайными полномочиями, осуществляли на местах общее руководство борьбой с контрреволюцией, координируя в сложной и быстро менявшейся обстановке гражданской войны деятельность органов ВЧК, военных сил, милиции, губернских ревтрибуналов и нарсудов.

Необходимость вмешательства исполкомов в судебные дела диктовалась также слабостью кадров работников юстиции, засоренностью их старыми, буржуазными юристами, недостаточностью коммунистической прослойки и соответственно недостаточным авторитетом нарсудов. Однако практика непосредственного вмешательства исполкомов в судебные дела, по мнению исследователя, продолжала существовать и после окончания гражданской войны, когда в этом уже не было необходимости, что не способствовало укреплению авторитета суда ¹.

По сути, речь идёт о том, что с переходом к мирному социалистическому строительству, к новой экономической политике должен был несколько измениться сам характер судопроизводства. Больше не было необходимости в упрощениях порядка судопроизводства, наблюдавшихся в условиях гражданской войны.

В качестве следующего этапа эволюции судебной системы в период НЭПа представляется принятие 23 июня 1921 года ВЦИКом декрета «Об объединении всех революционных трибуналов Республики» ², а в дальнейшем ликвидация ВЧК и образование Государственного политического управления, которое занималось пресечением и расследованием контрреволюционных и наиболее тяжких государственных преступлений с обязательной передачей дела в суд ³.

В силу высказанных соображений, изменение политической обстановки и тем самым задач советского суда устраняло причины раздвоения советской судебной системы на множество самых разнообразных

¹ Курицын В.М. Переход к непу и революционная законность. М., 1971. – с.108-109.

² СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

³ Книга приказов Тамбовского Губсуда за 1923 год. Приказ № 14 от 5 февраля 1923 г./ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 11, л. 13-13 об.

революционных трибуналов и на систему народных судов. Дела, относящиеся к компетенции народных судов, приобретали первостепенное политическое значение.

Прежде всего, это относилось к гражданским делам, которым в период военного коммунизма не придавалось существенного значения. С переходом к НЭПу отношение к этой категории дел стало иным. Существенно изменялась степень общественной опасности отдельных видов уголовных преступлений. В результате этого в 1922 г. встал вопрос об объединении обеих ветвей советской юстиции.

Таким образом, система судебных учреждений РСФСР в 1922 году состояла из народного суда, губернского суда и Верховного суда РСФСР.

Основным звеном советской судебной системы стал народный суд, компетенция которого была значительно расширена. Он рассматривал уголовные и гражданские дела с участием двух народных заседателей, за исключением небольшой категории дел, которые народный судья мог рассматривать единолично.

Кассационной инстанцией по делам, рассмотренным народным судом, стал губернский суд. Он также был судебным центром губернии с функциями судебного управления в отношении народных судов губернии. Члены губернского суда избирались на один год губернским исполнительным комитетом и утверждались НКЮ РСФСР.

Судебная реформа 1922 г. упразднила советы народных судей и губернские революционные трибуналы, а их функции были переданы вновь учрежденным губернским судам.

При подготовке проекта Положения о судоустройстве возникал вопрос об участии в составе губернского суда при рассмотрении дел по первой инстанции народных заседателей или рассмотрении дела в постоянном составе судей без их участия. Было принято решение рассматривать такие дела с участием народных заседателей.

Данное решение, по убеждению советских правоведов, мотивировалось, во-первых, желанием иметь суд первой инстанции, построенный на единых принципах, во-вторых, в соответствии с требованиями партийной программы привлечь большее число трудящихся к участию и в губернском суде¹.

При этом народными заседателями могли быть избраны все трудящиеся обою пола, не лишённые избирательных прав. Они избирались из расчёта 200 человек на участок народного суда. Уездная комиссия в составе одного из членов уездного исполкома, помощника прокурора и одного из народных судей распределяла количество подлежащих избранию между предприятиями (50%), селениями и волостями (35%) и воинскими частями (15%).

В свою очередь, Верховный трибунал был реорганизован в Верховный суд РСФСР. В его компетенцию входило осуществление надзора за судебной деятельностью всех судов республики. Он рассматривал кассационные жалобы и протесты по делам, разрешённым губернскими судами, и был судом первой инстанции по важнейшим уголовным и гражданским делам. Члены Верховного суда РСФСР избирались непосредственно ВЦИК. В автономных республиках создавались отделения Верховного суда РСФСР или главные суды.

Особо следует отметить тот факт, что Положение о судоустройстве РСФСР 1922 года предусматривало создание военных трибуналов, и некоторых особых органов для рассмотрения отдельных категорий дел. Так, для рассмотрения земельных споров создавались земельные комиссии, в состав которых входили и народные судьи; для рассмотрения споров между государственными организациями – государственные арбитражные комиссии.

Кроме того, необходимо учесть, что Положение о судоустройстве

¹ Кожевников М.В. История советского суда. 1917-1956 годы. – М.: Государственное издательство юридической литературы. 1957. – с.141-142.

РСФСР 1922 г. предусматривало создание специфических органов, которые, как отмечает А. Смыкалин, воплощали в себе функции судебных и административных органов. Трудовые сессии народных судов, земельные комиссии и арбитражные комиссии, по его мнению, «можно назвать органами специальной юрисдикции»¹.

Давая оценку происходившим процессам, Д.С. Карев отмечал, что в 1922 году произошло объединение судебных органов в одну систему, создавалась единая система судебных учреждений – народный суд, губернский суд, Верховный суд РФ².

Подобным же образом оценивает судебную реформу 1922 г. Т.Н. Добровольская, считающая ее сущностью упразднение революционных трибуналов и установление единой трехзвенной судебной системы³.

Полемизируя с высказанными Д.С. Каревым и Т.Н. Добровольской суждениями о том, что в результате судебной реформы 1922 года сложилась единая система судебных учреждений РСФСР, В.П. Портнов и М.М. Славин считают подобные выводы недостаточно аргументированными. Исследователи утверждают, что единства судебной системы не получилось, впрочем, законодатель к этому и не стремился. Подчас он действовал импульсивно, подчиняясь неумолимой логике обстоятельств. Между тем для создания стройной, хорошо организованной и эффективной системы суда требовалось время для глубоких размышлений, учета отечественного и зарубежного опыта. Всех этих условий тогда не существовало⁴.

Особый интерес вызывают суждения В.В. Кривоногова, полагавшего, что «принцип единого народного суда был трансформирован в принцип единой судебной системы, в соответствии с требованиями которого

¹ Смыкалин А. Судебная реформа 1922 г.//Российская юстиция. - 2002. - № 4. - С. 39.

² Карев Д.С. Советское судоустройство. М., 1951. – с.82.

³ Добровольская Т. Вклад В.И. Ленина в развитие советской судебной системы//Советская юстиция, 1970. № 7. С. 10-12.

⁴ Портнов В.П., Славин М.М. Становление правосудия Советской России (1917-1922 гг). М., 1990. – с.146.

параллельные системы народных судов и революционных трибуналов были объединены в единую систему судов»¹.

Таким образом, создание трехзвенной системы (народный – губернский – Верховный суд РСФСР) представлявшееся последовательным проведением в жизнь принципа единого народного суда, с точки зрения современной науки права, в действительности, означало отказ от идеи единства местного народного суда, так как народный суд перестал быть единым и не ему принадлежала заглавная роль в общей судебной системе.

Кроме того, как отмечают В.П. Портнов и М.М. Славин, появилось два вышестоящих звена, которые могли в качестве судов первой инстанции рассматривать уголовные и другие дела, временно создавалась и чрезвычайная юстиция, которая не имеет ничего общего с демократическим и гуманным правосудием в его марксистской трактовке².

В качестве очередного этапа судебной реформы представляется возможным определить принятие 29 октября 1924 года Основ судостроительства СССР и союзных республик³, способствовавших принятию в ноябре 1926 года нового положения о судостроительстве РСФСР⁴.

С учётом изменений, произошедших в административно-политическом делении страны, действовали две системы судов: губернская - народные и губернские (в автономных республиках главные) суды и в районированных краях и областях – народные, окружные и краевые или областные суды.

Особо следует отметить тот факт, что для рассмотрения некоторых категорий дел ввиду их особой сложности или необходимости для их разрешения специальных знаний и навыков, а также для рассмотрения дел о преступлениях, представляющих особую опасность для военной мощи

¹ Кривоногов В.В. Формирование социалистических принципов советского судостроительства (1917-1926 гг.). Свердловск. 1971. – с.13.

² Портнов В.П., Славин М.М. Становление правосудия Советской России (1917-1922 гг). М., 1990. – с.146-147.

³ СЗ СССР. 1924 г., № 23, ст. 203.

⁴ СУ РСФСР. 1926. № 85. Ст. 624.

СССР, наряду с единой системой судебных учреждений действовали специальные суды: по делам о воинских и некоторых других преступлениях – военные трибуналы; по делам земельным – земельные комиссии; по делам о спорах об имущественных правах между государственными органами – Высшая арбитражная комиссия и местные арбитражные комиссии.

Для рассмотрения дел, связанных с нарушением Кодекса законов о труде (в главных городах автономных республик, краев, областей и округов – особые сессии народного суда по трудовым делам. Они состояли из народного судьи и двух членов: одного – избранного Губпрофсоветом и другого – назначенного губернским отделом труда.

В момент принятия закона предполагалось, что специальные суды будут функционировать временно. Однако военные суды существуют до настоящего времени.

В свою очередь, земельные комиссии, хотя и состояли при исполкомах, но фактически действовали в судебном, процессуальном порядке и являлись своеобразными административно-судебными органами¹.

Созданные в округах окружные суды обладали в основном правами губернских судов. Краевой (областной) суд руководил работой окружных судов, а через них и всеми судами края (области), и действовал как суд первой инстанции по делам краевого (областного) значения. Краевые и областные суды не являлись кассационной инстанцией для окружных судов. Как для областных и краевых судов, кассационной инстанцией для окружных судов являлся Верховный суд РСФСР.

Народные суды избирались по новому Положению губисполкомами и горсоветами в городах – по представлению Губсуда. Народные заседатели избирались на общих собраниях трудящихся. Списки избранных народных заседателей препровождались соответствующему народному суду, который

¹ Курицын В.М. Становление социалистической законности. М.: Изд-во «Наука», 1983. – с.108.

посылал их на утверждение в комиссию по разверстке при уездном или районном исполкоме.

Особое значение имеет тот факт, что реформа судопроизводства по сути означала возрождение института адвокатуры, в котором 80 % имели дореволюционный стаж работы. При этом коммунистам следовало воздержаться от подобной деятельности, что было чётко определено положениями особого циркуляра ЦК «О вступлении коммунистов в коллегии защитников» от 1 ноября 1922 года. При этом разрешалось вступать в коллегии защитников лишь в том случае, если это будет санкционировано партийной организацией не ниже губкома. Коммунистам строго запрещалось вести дела по защите буржуазных элементов в их спорах с рабочими и социалистическими организациями, защищать в уголовном судопроизводстве ряд обвиняемых. Кроме того, защитникам-коммунистам было запрещено защищать интересы буржуазии в спорах с рабочими.

Стремясь найти определённые рычаги воздействия на адвоката, государство ввело практику дисциплинарных трибуналов. Формально трибуналы от государства не зависели и занимались лишь вопросами нарушения профессиональной этики. Однако вскоре они превратились в простой способ запретить неугодному адвокату профессиональную деятельность.

Кроме того, следует учесть, что адвокаты являлись лицами свободной профессии и как следствие не имели права на бесплатную медицинскую помощь, были исключены из системы социального страхования, платили высокие налоги, оплачивали коммунальные услуги по коммерческим тарифам.

Давая идеологическую оценку подобной практике, правоведы указывали, что заслуживает самого энергичного осуждения такое отношение к адвокату, которое деградирует её в собственных глазах, которое низводит её на уровень простого ремесла и которое ставит адвоката рядом со всякими другими лицами, продающими свои услуги.

Стремясь свести процесс реформирования судебной системы в предсказуемое русло, советское государство в конце двадцатых годов сделало попытку передать функции судебной защиты профсоюзным организациям. Взгляды профсоюзных активистов сильно отличались от взглядов адвокатов старой школы. Защитники от профкома больше симпатизировали обвинителю, чем подзащитному, и никогда не брались за дела людей, считавшихся враждебными обществу. Однако в силу ряда объективных причин профсоюзы не смогли заменить собой коллегии адвокатов, поэтому эксперимент с правозащитной деятельностью профсоюзов продолжения не имел.

В данный период в Москве состоялся диспут, нужен ли защитник советскому суду, то есть в защите нуждался сам институт защиты.

Период сворачивания НЭПа был ознаменован тем, что в конце 1920-х годов юридические издания пропагандировали необходимость отмирания всех правовых институтов. Однако, отказаться от состязательного процесса все-таки не решились, однако возникла новая блестящая идея: заставить прокурора и адвоката играть в одни ворота.

В этой связи важным представляется анализ роли прокуратуры в реформировании судебной системы. Упраздненная в 1917 году прокуратура передала некоторые свои функции коллегиям обвинителей, создававшимся при ревтрибуналах. Однако период НЭПа обусловил необходимость создать специальный орган надзора за соблюдением советских законов которым была призвана стать прокуратура.

Вопрос о ее создании был поднят на IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции в январе 1922 года. В частности НКЮ разработал проект закона об учреждении прокуратуры как централизованного органа, главная задача которого - общий надзор за законностью. Критики во ВЦИКе выступали против централизации и независимости прокуратуры от местных Советов, за двойное подчинение прокуроров - губисполкомам на местах и в центре - прокурору республики.

При этом предлагалось также ограничить деятельность прокуратуры работой в судах, как это было в дореволюционной России.

Кроме того, противников прокуратуры поддержала комиссия ВЦИК и комиссия ЦК РКП(б). Однако В.И. Ленин считал вопрос о принципах создания советской прокуратуры настолько важным, что предложил вынести его на решение Политбюро, которое в свою очередь рекомендовало отвергнуть принцип двойного подчинения прокуратуры и установить подчинение местной прокурорской власти только центру.

В этой связи в мае 1922 года было принято Положение о прокурорском надзоре, в соответствии с которым на прокуратуру возлагалось: осуществление надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных организаций и частных лиц путем возбуждения уголовного преследования и опротестования нарушающих закон постановлений; непосредственное наблюдение за деятельностью следственных органов, дознания в области раскрытия преступлений, а также за деятельностью ГПУ; поддержание обвинения на суде; наблюдение за правильностью содержания заключенных под стражей.

Кроме того, прокуроры губерний и областей и их помощники назначались, увольнялись, перемещались и отстранялись от должности прокурором республики. Прокуроры губерний и областей находились в непосредственном подчинении прокурора республики (им являлся нарком юстиции). В НКЮ был создан отдел прокуратуры. Прокуратура автономных республик была подчинена и подотчетна прокурору РСФСР. Опыт РСФСР использовали другие республики. При образовании СССР союзной прокуратуры не учреждалось. Только при Верховном Суде СССР состояли прокурор Верховного Суда СССР и его заместитель, назначаемые Президиумом ЦИК СССР.

В целом от правовой системы, сформировавшейся в данный период теперь требовалось, чтобы она легко реагировала на постоянно меняющиеся

партийные установки. Поэтому принятые при НЭПе законы постепенно переставали действовать, заменяясь многочисленными подзаконными актами. Вновь, как и во времена военного коммунизма, заговорили о том, что судопроизводство должно быть простым и понятным даже управляющей государством кухарке. В частности П.И. Стучка отмечал, что считает бессмыслицей требовать от граждан обязательного подчинения законам, которые им непонятны, и величайшим лицемерием говорить о справедливости в государстве, где знание всех законов обязательно (ибо их незнанием отговариваться не разрешается), а в то же время эти законы настолько сложны, что их понимать и верно толковать могут только специалисты-юристы¹.

В силу высказанных соображений, новая экономическая политика, направленная на укрепление союза с российским крестьянством, во многом показала свою эффективность. Однако при устанавливаемом социально-политическом механизме обнаружились серьёзные внутренние социально-экономические проблемы. С середины 20-х годов намечается процесс сужения сферы рыночных отношений, происходит усиление централизации экономической жизни и административных методов хозяйственного руководства. К концу 20-х гг. руководство партии и страны оказалось перед выбором: или дальнейшее отступление от коммунистических постулатов в экономической сфере и углубление НЭПа, или курс на победу социализма. В этих условиях был выбран второй, сталинский путь отказа от НЭПа. Решение этих радикальных политических и экономических задач проходило в сложной международной и внутривнутриполитической обстановке, в условиях острой политической борьбы внутри самой ВКП(б).

Главной причиной провала НЭПа явилось стремление совместить несовместимое: сохранить сущность власти диктатуры пролетариата в условиях однопартийности и администрирования всех сторон жизни с

¹ Стучка П.И. Тезисы о реформе УПК ///Революция права. 1928. № 1. С. 120.

товарно-денежными отношениями и частной собственностью хотя бы и в ограниченном виде.

Однако, объясняя необходимость преобразований, большевистское руководство чётко указывало на необходимость расширения вмешательства государства в «частноправовые отношения». «Мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично правовое, а не частное»¹.

Подобный подход позволял воспринимать судей как обыкновенных служащих, обязанных выполнять волю и политику партии. В частности, Н.В. Крыленко прямо заявлял, что «судья должен понимать, что такое государственный капитализм, а другими словами понимать общую политику социалистического государства и свою роль в осуществлении этой политики. Отсюда вытекает и обратный вывод, - судья, который не понимает этой нашей политики, не может иметь места, и судья, решающий какое-либо дело не в соответствии с духом этой политики, - должен уйти»².

Допуская необходимость политического контроля со стороны государства, большевики указывали, что признали и будут признавать лишь государственный капитализм, а государство – это сознательные рабочие, коммунисты»³.

Вместе с тем, сложившиеся в ходе революции и гражданской войны представления о «революционной законности» не претерпели особых изменений. Они определялись главным образом соответствием юридических актов партийной политике и идеологии. При этом даже не обсуждался классовый характер образования и функционирования органов юстиции. При НЭПе трактовка революционной законности связывалась с вводимым государственным капитализмом, «ведущим к социализму».

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44. М.: Политиздат. 1974. – с.398.

² Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. Теоретический и практический комментарий к Основам судостроительства, судопроизводства и материального уголовного права СССР. Часть первая. Основы судостроительства. М.-Л.: 1927. – с.17.

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44. М.: Политиздат. 1974. – с.397.

Ярким подтверждение подобного подхода является точка зрения В.И. Ленина, высказанная в письме к наркому юстиции Курскому и сводящаяся к тому, что в условиях НЭПа «не следует перенимать (вернее, не дать себя надувать) тупоумным и буржуазным старым юристам, кои перенимают старое, буржуазное понятие о гражданском праве, а создавать новое», «применять не *ius in bonis* (свод законов римского права) к «гражданским правоотношениям», а наше революционное правосознание»¹.

Современные исследователи в этой связи отмечают, что переход к новой экономической политике привёл к изменению характера деятельности судебных органов, в частности была весомо уменьшена сфера их деятельности. Это обстоятельство вносило определённые коррективы в их работу, что в свою очередь сказывалось на формировании карательной политики в целом².

По сути речь идёт о том, что переход к НЭПу, обусловивший реорганизацию судебных органов, обусловил сведение основной их функции к обеспечению политической безопасности государства³.

Иными словами, провозглашенное в соответствии с марксистской доктриной отмирание государства и права по мере построения коммунизма, тем не менее, в процессе судебного реформирования на практике выражалось во всемерном укреплении государственности и права.

Учитывая не приходящий исторический опыт подобных процессов, современная оценка судебной реформы и судебной системы советской России периода НЭПа с официальных позиций, сводится к тому, что суд был и остается чисто государственным органом правосудия, чья сущность слегка закамуфлирована безмолвствующими народными заседателями⁴.

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44. М.: Политиздат. 1974. – с.398.

² Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в советском государстве (1917-1941 гг.). – Уфа, Уфимская высшая школа академии МВД. 1994. – с.198.

³ Смыкалин А. Судебная реформа 1922 г.//Российская юстиция. - 2002. - № 4. - С. 39.

⁴ Концепция судебной реформы в РСФСР. Принята постановлением Верховного Совета РСФСР № 1801-1 от 24 октября 1991 г. – «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1991, N 44, ст. 1435.

Таким образом, в государственных «судебных местах» не была обеспечена общественная функция правосудия - оно оказалось в безраздельной власти государства, где народному правосознанию не было места в судебных залах.

§ 1.2 Концептуальные особенности становления системы судов в условиях осуществления судебной реформы периода НЭПа

Обращаясь к теоретической подоплёке судебной реформы периода НЭПа, следует указать, что существовало несколько определяющих направлений означенного процесса. В частности, первоначальные проекты судебной реформы, предложенные наркоматом юстиции и Д. И. Курским, сводились к постепенной ликвидации системы трибуналов и сохранению народного суда в качестве единственного судебного органа.

Сама по себе идея была не нова: ее уже выдвигали меньшевики, а среди большевиков - годом раньше - Троцкий. Ленин, однако, рассматривал ее в более широком контексте, что придало ей более глубокий смысл, значение радикального поворота. Вопрос этот был для него, прежде всего, политическим, ибо, по существу, речь шла об отношениях между рабочими и крестьянами, то есть между двумя главными классами. Отношения эти следовало «подвергнуть новому или..., пожалуй, более осторожному и правильному дополнительному рассмотрению и известному пересмотру». Судьбы революции зависели от того, будет ли между этими двумя социальными силами борьба или соглашение: «Только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах»¹.

Существовавшие дискуссии подтверждали старую большевистскую идею, о том, что партия - «авангард» пролетариата, единственная сила, способная «объединить, воспитать, организовать» рабочий класс и массы трудящихся, «противостоять» их «колебаниям» и «предрассудкам». Эта роль должна выполняться партией и после установления «диктатуры пролетариата»; более того, одно «немыслимо» без другого².

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.43. М.: Политиздат. 1974. – с.57-58.

² Десятый съезд РКП (б). Стенографический отчёт. М., 1963. – с.275.

Размышления о НЭПе незаметно отодвинули на второй план постулат марксизма о мировой пролетарской революции как условии социализма. Все внимание стало приковано к внутренним делам России, из чего позже выросла концепция «построения социализма в одной стране».

Стремясь определить основные причины судебной реформы исследователи отмечают, что во время гражданской войны органы юстиции на местах фактически подчинялись губернским и уездным исполкомам. В военных условиях это было необходимо, ибо именно губисполкомы, пользовавшиеся фактически чрезвычайными полномочиями, осуществляли на местах общее руководство борьбой с контрреволюцией, координируя в сложной и быстро менявшейся обстановке гражданской войны деятельность органов ВЧК, военных сил, милиции, губернских ревтрибуналов и нарсудов. Необходимость вмешательства исполкомов в судебные дела диктовалась также слабостью кадров работников юстиции, засоренностью их старыми, буржуазными юристами, недостаточностью коммунистической прослойки и соответственно недостаточным авторитетом нарсудов. Однако практика непосредственного вмешательства исполкомов в судебные дела продолжала существовать и после окончания гражданской войны, когда в этом уже не было необходимости. Такая практика не способствовала укреплению авторитета суда.

Иными словами, все это обусловило судебную реформу, суть которой заключалась в том, что вместо двух обособленных судебных систем была создана единая стройная трехзвенная система: народный суд – губернский суд – Верховный Суд республики. Причём архиважным представлялся запрет органам управления вмешиваться в судебные дела¹.

Учитывая тот факт, что создание трехзвенной системы (народный суд – губернский суд – Верховный суд РСФСР) было призвано последовательно провести в жизнь и развить принцип единого народного суда. Однако по мнению правоведов, в действительности переход к трехзвенной системе

¹ Курицин В.М. Переход к НЭПу и революционная законность. М.: Изд-во «Наука». 1972. – с.108.

судов в определенной мере означал отказ от идеи единства местного народного суда, ибо народный суд отныне перестал быть единым и не ему принадлежала заглавная роль в общей судебной системе. Появилось два вышестоящих звена, которые могли в качестве судов первой инстанции рассматривать уголовные и другие дела, временно создавалась и чрезвычайная юстиция, которая не имеет ничего общего с демократическим и гуманным правосудием в его марксистской трактовке ¹.

Иными словами, политика партии была приравнена к «непоколебимой железной линии», от которой нельзя было отойти без того, чтобы не сыграть на руку ее врагам. Подобный подход был свойственен и процессу реформирования судебной системы того периода.

Стремясь к централизации государственных институтов, большевики выработали проект судебной реформы, также предполагавший создание прокуратуры с «двойным» подчинением, был отвергнут. Была реализована концепция судебной реформы, предложенная Н. В. Крыленко, предложившего предельно централизованную судебную систему, не признававшую «несменяемости судей, независимости судей и надклассового содержания их решений» ².

Кроме того, Народный комиссариат юстиции РСФСР, выдвигал предложения, которые сводились к созданию нового института прокуратуры, адвокатуры, а также к некоторому усилению значения губернского совета народных судей за счет сохранения губернских отделов юстиции. Однако, на IV съезде деятелей юстиции РСФСР 26 января 1922 г. предложения НКЮ были подвергнуты резкой критике и был выдвинут ряд предложений: об упразднении всех чрезвычайных ведомственных и иных самостоятельных судов; об установлении порядка, при котором избранные и утвержденные губисполкомами судьи могли быть отозваны лишь по суду

¹ Портнов В.П., Славин М.М. Становление правосудия Советской России (1917-1922 гг). М., 1990. – с.146-147.

² Крыленко Н. В. Реформа судостройства // ЕСЮ. 1922. № 27-28.

или по решению дисциплинарных коллегий суда, об увеличении полномочий советов народных судей¹.

Проекты судебной реформы, предложенные Наркоматом юстиции и Д.И. Курским, сводились к постепенной ликвидации системы трибуналов и сохранению народного суда в качестве единого судебного органа. Однако такой суд не отвечал интересам партии большевиков о централизации власти, поэтому такой проект судебной реформы был отвергнут.

Была реализована концепция судебной реформы, предложенная Н. В. Крыленко, который, идя навстречу чаяниям власти, предложил предельно централизованную судебную систему, не признававшую «несменяемости судей, независимости судей и надклассового содержания их решений»².

По сути, речь идёт о том, что произошло слияние общей и политической юстиции, и к руководству вновь созданными губернскими судами пришли, как правило, бывшие председатели и члены революционных трибуналов. Губернские суды сохранили за собой «трибунальную подсудность» по первой инстанции. Народный суд был поставлен в жесткие рамки, контроль за ними осуществлялся губернскими судами. По словам Н. В. Крыленко, «задача поставить народный суд должна быть признана сейчас основной политической задачей момента. Губсуд, как первый и основной рычаг всей судебной системы, непосредственно надзирающий и управляющий народными судами, должен взять на себя, на свои плечи, целиком эту работу»³.

В целом, две идеи красной нитью проходили через дискуссии о развитии советского уголовного процесса в 20-е годы прошлого века: 1) губернский суд должен быть исключительным судом расправы над

¹ Кожевников М.В. История советского суда. 1917-1956 годы. – М.: Государственное издательство юридической литературы. 1957. – с.129.

Голунский С.А., Карев Д.С. Учебник по судостроению. М., Юридическое издательство НКЮ Союза ССР, 1939. – с.172.

² Крыленко Н. В. Реформа судостроения // ЕСЮ. 1922. № 27-28. – с.4.

³ Крыленко Н.В. Тезисы доклада на V Всероссийском съезде деятелей советской юстиции//Еженедельник советской юстиции. 1924. № 12-13.

контрреволюционерами – «нельзя либеральничать с классовыми врагами»¹, 2) умаление значения процессуальной формы, как чисто технических правил, сведение их к такому минимуму, который будет доступен каждому: «реформа недостаточна ... в смысле упрощения ... мы будем стоять перед еще большим упрощением, которое приведет к тому, что наши законы будут действительно усвоены массами»².

Примечательно, что народный суд предполагалось поставить в жесткие рамки путем осуществления контроля за ним со стороны губернских судов. По словам Н.В. Крыленко, задача поставить народный суд под контроль должна быть признана сейчас основной политической задачей момента. Губсуд как первый и основной рычаг всей судебной системы, непосредственно надзирающий и управляющий народными судами, должен взять на себя, на свои плечи, целиком эту работу³. В свою очередь, губернские суды сохранили за собой подсудность по первой инстанции дел, ранее рассматривавшихся трибуналами. Под контролем губернского суда оказались народные суды. Как указывал Н. В. Крыленко, «задача поставить народный суд должна быть признана сейчас основной политической задачей момента. Губсуд, как первый и основной рычаг всей судебной системы, непосредственно надзирающий и управляющий народными судами, должен взять на себя, на свои плечи, целиком эту работу»⁴.

В этой связи советские деятели уточняли, что Губернский суд, рассматривающий дела в кассационном порядке, являющийся скорее ревизионно-ведомственным аппаратом, чем судом, как таковым, конечно не может быть построен на принципе случайного состава. Кассационный, ревизионный и надзорный суд – это суд, где вопросы техники и технической подготовленности решают все, и построение этого суда на принципе участия в деле лишь постоянных членов является только планомерным и

¹ Курицын В.М. Становление социалистической законности. М.: Изд-во «Наука», 1983. – с.72.

² Крыленко Н. В. Реформа судостроительства // ЕСЮ. 1922. № 27-28.

³ Крыленко Н.В. Реформа советского уголовного процесса: доклад на заседании Комакадемии //Революция права. 1928. № 1. – с.296.

⁴ Там же.

правильным отражением существа тех функций, которые лежат на этом контрольно-ревизионном суде¹.

Исходя из представленной позиции, Губернский суд, безусловно, должен был быть признан, по его процессуальным особенностям, исключительным судом. К его прерогативам в этом отношении должны относиться: право расстрела, которое не существует для народных судов, право в известных случаях слушать дело без защиты и обвинения, право суда отказаться от заслушивания прений сторон... - эти ограничения прав подсудимых делают их по существу их практики судами исключительными, в обычном понимании этого слова.

По выражению Н.В. Крыленко, губернские суды явились ничем иным, как прямыми наследниками революционных трибуналов².

Собственно судебная реформа началась с принятия 11 ноября 1922 года ВЦИКом постановления об утверждении Положения о судеустройстве РСФСР, в соответствии с которым «в целях ограждения завоеваний пролетарской революции, обеспечения интересов государства, прав трудящихся и их объединений на территории РСФСР действует единая система судебных учреждений»³.

Исходя из положений означенного нормативного акта, новая совокупность судебных учреждений должна представлять единую систему. Подобный подход, по мнению современных исследователей, является неудачной, что объясняется теоретическим планированием создания единой системы судебных учреждений и практическим существованием двух систем судов (общие суды и военные трибуналы) вместо трех систем,

¹ Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. Теоретический и практический комментарий к Основам судеустройства, судопроизводства и материального уголовного права СССР. Часть первая. Основы судеустройства. М.-Л.: 1927. – с.73.

² Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. Теоретический и практический комментарий к Основам судеустройства, судопроизводства и материального уголовного права СССР. Часть первая. Основы судеустройства. М.-Л.: 1927. – с.68.

³ СУ РСФСР. 1921. № 49. Ст. 262.

действовавших до реформы (единый народный суд, ревтрибуналы, военные трибуналы)»¹.

Вышеозначенные процессы представляют собой своего рода подготовительный этап реформирования судебной системы, способствовавший продолжению поисков наилучшей организации советского правосудия, позволивший внести соответствующие коррективы в организацию судебных органов РСФСР².

Таким же образом характеризуется судебная реформа 1922 года с точки зрения Т.Н. Добровольской, считающей ее сущностью упразднение революционных трибуналов и установление единой трехзвенной судебной системы³.

Особое внимание следует обратить на формировавшуюся систему правосудия, своеобразной основой которого был призван стать в частности Уголовный Кодекс РСФСР 1922 года⁴.

Исследовательские оценки означенных процессов достаточно разнообразны. В частности это касается правовой характеристики статьи 49 УК РСФСР, предусматривавшей наказание для лиц, заведомо не совершивших противозаконных действий, но относящихся к категории «социально опасных».

Некоторые учёные считают такого рода положения не свойственными для современного понимания правосудия. Кроме того, имеет место мнение, в соответствии с которым будучи привязанной к конкретно-историческому моменту ее принятия, норма эта должна быть признана вполне целесообразной, направленной на наиболее полное удовлетворение государственных интересов в условиях классовой борьбы и роста преступности».[64,С.72]

¹ Портнов В.П., Славин М.М. Становление правосудия Советской России (1917-1922 гг). М., 1990. – с.148.

² Портнов В.П., Славин М.М. Становление правосудия Советской России (1917-1922 гг). М., 1990. – с.146.

³ Добровольская Т. Вклад В.И. Ленина в развитие советской судебной системы//Советская юстиция, 1970. № 7. С. 10-12.

⁴ СУ РСФСР. 1922. №15. Ст.153.

Анализируя сущность подобных подходов, современные учёные пытаются заключить, что это еще раз показывает, насколько расходятся оценки политики властей в области судебного строительства у историков и юристов¹.

В контексте регулирования имущественных отношений одним из основополагающих нормативных актов являлся ГПК РСФСР, принятый в 1923 году. Давая оценку существовавшему в то время процессуальному законодательству исследователи отмечают его не совершенность. В частности, речь идёт о том, что судебная практика например не соответствовала действовавшему законодательству. При этом, широко распространялось представление о возможности, и даже необходимости отступления от указаний закона при вынесении решений, в контексте существовавших политических установок и требований революционного времени.

Другим определяющим для формирования концепции реформирования системы судов в данный период был призван стать УПК РСФСР как источник призванный закрепить в позитивном праве процессуальной формы уголовного преследования лица, обвиненного в совершении преступления, что являлось некоторой гарантией от внесудебной расправы и произвола со стороны государственных органов. Иными словами, УПК РФ был призван определить стадии уголовного процесса, основания для возбуждения и прекращения дел, порядок судебного заседания.

Своеобразным синонимом судебного произвола выступала практика применения трибуналов. По мнению В. А. Букова, трибуналы должны были служить в качестве противовеса обычным судам и являться органами, на которые можно было бы опереться в борьбе с контрреволюцией².

По убеждению современных исследователей, Ленин изначально не видел разницы между трибуналами и обычными судами, хотя, видимо,

¹ Шахназаров И.Я. Концепция создания ми становления советской судебной системы на региональном уровне: 1917 – конец 1920-х годов (на материалах Пензенской губернии). Дисс. ...к.ю.н. Пенза. 2003. – с.78.

² Буков В. А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. М.,1997. – с.247.

именно трибуналы представлялись ему настоящими «пролетарскими» судами. Но он был единственным, кто придерживался этой точки зрения ¹. П. И. Стучка утверждал, что революционный трибунал «не есть суд над политическими преступниками, но является особой организацией борьбы против контрреволюционных сил».

Д. И. Курский считал, что трибунал является органом «политической борьбы». Для Н. В. Крыленко трибуналы являлись «орудием расправы», органом «самообороны революции», призванными также бороться и с уголовной преступностью.

Один из авторов декрета № 1 М. А. Рейснер писал: «...Трибуналы были созданы именно в целях применения «мер насилия». Здесь было не до права и не до его толкования... Трибуналы не суть обычные народные суды, но чрезвычайные органы, которые и работают при помощи различных чрезвычайных вспомогательных учреждений, вроде Чрезвычайной Комиссии»².

Таким образом, большинство юристов считало, что суд является органом правосудия, а трибунал - орган политической расправы, где проблема вины, доказательств не имеет никакого значения, уступая место политической целесообразности ³. Но к концу Гражданской войны уже никто не видел разницы между судом и трибуналом. Отчасти это стало возможным благодаря законодательной регламентации деятельности трибуналов, что придало им судебную форму.

В 1922 году, после упразднения органов ВЧК, трибуналы стали обладать правом производства бессудных расстрелов и правом заключать в концлагеря сроком до пяти лет лиц, ведущих паразитический образ жизни, и нарушителей трудовой дисциплины ⁴.

¹ Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. Изд 2-е, исправл. и дополн. – Санкт-Петербург, Юридический центр Пресс, «Наука». 2002.

² Рейснер М. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. М.; Л., 1925.

³ Буков В. А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. М., 1997. – с.263.

⁴ Декреты советской власти. Т. 7. М., 1974. – с.355.

Н. В. Крыленко так характеризовал систему трибуналов: «Трибунал составлялся фактически путем назначения. Председатель его избирался губисполкомом, однако на деле он представлялся к назначению Верховным трибуналом и был с момента назначения несменяем. Над всеми трибуналами стоял и управлял ими самостоятельно и полновластно Верховный трибунал, объединявший в лице своего пленума все коллегии. Верховный трибунал осуществлял надзор как кассационный, так и общий. Ему предоставлялось право отмены приговора, вынесенного любым трибуналом. Он ведал личным составом трибунальских работников, их назначением и перемещением. Верховный трибунал имел право толкования законов и направления карательной политики. Сам он был фактически независим от Наркомюста. Военные и военно-железнодорожные трибуналы являлись его органами и были ему подотчетны и подконтрольны...»¹.

Компетенция трибуналов была практически неограниченной, так как они могли принимать к рассмотрению любые дела, в которых будут усмотрены «признаки опасности для РСФСР или порядков, в ней установленных»².

Другим принципиальным моментом, позволяющим охарактеризовать сущность вышеозначенной концепции представляется проблема места и роли революционного правосознания, перешедшего в период НЭПа в практическую плоскость. Такого рода опосредованность объясняется тем, что именно в данный период определялось, сформируется ли устойчивая правоприменительная практика, без которой государство не могло рассчитывать всерьез на реализацию планов по выходу из кризиса.

В этой связи проблема была вынесена Наркомюстом на рассмотрение губернских Съездов и Совещаний деятелей советской юстиции, проходивших в декабре 1921 - январе 1922 года, цель которых, главным

¹ Крыленко Н.В. Судостроительство РСФСР. М., 1924. – с.144-145.

² Декреты советской власти. Т. 7. М., 1974. – с.354.

образом, состояла в формулировании мнений мест по поводу основных мероприятий предполагаемой судебной реформы.

Своеобразным рефреном рассмотрения означенного вопроса является положение в соответствии с которым основным руководством в деятельности судьи должна стать закрепленная в писаных нормативных актах воля государства; нарушение же буквы закона должно вести к отстранению судьи от должности с применением к нему юридических санкций.

Примечательно, что позиция губерний по поводу руководящих основ деятельности судебной системы вскоре была одобрена центром. IV Всероссийский Съезд деятелей юстиции вынес решение, что именно закон должен отныне основным источником права. Одним из способов решения этой задачи и стала кодификация 1922-1923 годов.

Ко времени проведения реформы действовали:

- народный суд в составе постоянного судьи,
- народный суд в составе постоянного судьи и двух очередных народных заседателей,
- народный суд в составе постоянного народного судьи и шести очередных народных заседателей,
- камера народного судьи при ЧК,
- дежурная камера народного суда,
- особые сессии народного суда, действовавшие под председательством члена президиума совета народных судей или уездного бюро юстиции и при участии народных заседателей для рассмотрения наиболее важных дел, подсудных народному суду,
- губернские Советы народных судей (кассационная инстанция для рассмотрения жалоб на приговоры и решения народного суда) и находящиеся при них особые сессии народного суда,
- губернские трибуналы,
- военные трибуналы,
- военно-транспортные трибуналы,

- единый Верховный трибунал при ВЦИК,
- Высший судебный контроль при Наркомате юстиции.

В качестве органов судебного управления и органов надзора за исполнением законов действовали:

- в республике - Наркомат юстиции,
- в губерниях - губернские отделы юстиции,
- в уездах - уездные бюро юстиции.

В силу высказанных соображений, проведение судебной реформы в период НЭПа было обусловлено изменившимися в стране социальными условиями (новая экономическая политика), наличием большого массива несистематизированного нормативного материала и пробелов в законодательстве, что приводило к широкому и зачастую не корректному применению аналогии, причём был взят курс на укрепление так называемой «революционной законности».

Вместе с тем предложения о порядке реформирования судебной системы прозвучали на губернских Съездах и Совещаниях деятелей юстиции. Юристы практически всех российских губерний, характеризуя общее положение дел в судах, выделяли три основные проблемы, без решения которых, по их мнению, никакая судебная реформа не смогла бы дать надлежащих результатов. Особо следует отметить, что на первое место ставилась проблема материального обеспечения судов. Делегаты губернских Съездов неоднократно отмечали в своих выступлениях, что недостаточно высокая оплата работы судей ведет к взяточничеству, что несовместимо с принципом законности. Кроме того, проблемой, стоявшей перед советской юстицией в данный момент, был недостаточный авторитет народного суда в массах, в первую очередь, по причине постоянного вмешательства в деятельность судов местных властей. Следующей проблемой, рассматривавшейся на губернских Съездах в качестве первоочередной, представлялось обеспечение судебных органов квалифицированными кадрами.

Примечательно в этой связи, что принцип «единого народного суда» был признан всеми региональными съездами и совещаниями единственно верным: «Единый народный суд, действующий в РСФСР, является сам по себе главным фактором приближения суда к населению», что оказало определяющее влияние на формирование концепции реформирования судебной власти в период НЭПа.

В целом, обсуждение основных принципов судебной на общегосударственном уровне было осуществлено на IV Всероссийском Съезде деятелей юстиции. Отражая партийную точку зрения, М. И. Калинин обращал внимание на необходимость серьезных изменений в сфере судоустройства и судопроизводства, указывая, что до настоящего момента существовал только один подход к праву: что бы ни стояло на пути укрепления советской власти, оно должно было быть уничтожено. Но теперь времена изменились. Нашей великой задачей является сделать так, чтобы народ почитал закон¹.

Кроме того, в свою очередь были сформулированы два принципа, ставшие впоследствии основой реформы, а именно:

-единство построения и организации судов, которому препятствует наличие системы революционных трибуналов, которую нужно ликвидировать;

-единство практики судебных учреждений, невозможное без единой кассационной инстанции, которую нужно создать.

Вышеозначенные положения в дальнейшем составили основу судебной реформы, получив чёткое выражение в основных нормативно-правовых актах того времени.

¹ IV Всероссийский Съезд деятелей советской юстиции. М., 1922. – с.95.

§ 1.3 Карательная политика государства в период становления НЭПа и её влияние на формирование системы судов Тамбовской губернии

Представляя собой своеобразную основу процесса судоустройства, карательная политика, осуществляемая государством, является одним из принципиальных условий реформирования судебной системы. Означенное соотношение носит опосредованный характер, так как именно наличие единообразной, устойчивой карательной практики судебных органов способствует преодолению кризисных явлений и выступает своего рода катализатором проводимых социально-экономических реформ.

Иными словами, в условиях резкого изменения государственного, экономического и общественного строя неизбежно претерпевает изменения карательная политика государства. Она наполняется новым содержанием не всегда отвечающим общественным ожиданиям ¹.

Ярким примером представленного подхода может служить процесс реформирования судебной сферы в период новой экономической политики, осуществлявшейся в Советской России в 1922 – 1928 годах. Новая экономическая политика провозгласила в качестве наиболее действенной меры, способствовавшей выходу России из кризисной ситуации, признание капиталистического способа производства, выразившегося в восстановлении товарно-денежных отношений, привлечении иностранных инвестиций, разрешении частной собственности и наёмного труда.

Показательно в этой связи то обстоятельство, что именно корыстная преступность становится основной сферой внимания законодателя. Такого рода обусловленность выражается прежде всего в том, что сокращение штатов, недостаток денежных знаков, введение платности услуг и целого

¹ Селезнева М.В. Стабильность карательной политики государства – залог успеха в борьбе с преступностью. //www. samoupravlenie.ru.

ряда налогов привели к небывалому увеличению корыстных преступлений - краж, разбоев, взяточничества¹.

Так, Декрет Совнаркома «Об ограничении прав по судебным приговорам» содержал подробный перечень составов уголовных преступлений².

Именно в этом документе впервые в советском законодательстве в числе уголовно наказуемых деяний упоминается кража. До мая 1921 года лица, совершавшие подобные правонарушения, привлекались к ответственности на основании революционного правосознания, а в некоторых случаях защитникам даже удавалось снять всякое обвинение с воров лишь на том основании, что советская власть не определила своего отношения к собственности как к охраняемому объекту.

В дальнейшем, в июне 1921 года ВЦИК и Совнарком совместно принимают Декрет «О мерах по борьбе с хищениями с государственных складов», устанавливающий повышенную уголовную ответственность за подобные деяния (хищение государственного имущества при отягчающих обстоятельствах наказывалось смертной казнью)³.

Проведение новой экономической политики определяло необходимость в условиях хозяйственно-экономической разрухи и социально-политической нестабильности, защитить подобные отношения со стороны государства, обеспечивая правовые основы предпринимательской деятельности и предоставляя гражданам соответствующие гарантии, особое место в реализации которых занимало именно судопроизводство.

Неотъемлемой частью означенного процесса призвано было стать организационное совершенствование системы судов, корректировка уголовного законодательства, что в свою очередь должно было способствовать формированию стабильной карательной политики государства.

¹ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 5. Д. 52. Л. 211.

² СУ РСФСР. 1921. № 51. Ст. 294.

³ СУ РСФСР. 1921. № 49. Ст. 262.

Таким образом, внешнее изменение форм классовой борьбы требовало пересмотра карательной политики советского государства, основные положения которой были определены еще Программой РКП(б), в марте 1919 года, где в разделе «В области судебной», подготовленном В.И.Лениным, говорилось о применении в широких размерах условного осуждения, введении как меры наказания общественного порицания, о замене тюрем воспитательными учреждениями и применении практики товарищеских судов¹.

В послереволюционный период усматривалась целенаправленное стремление упростить судопроизводство для того, чтобы сделать его доступным широким трудящимся массам, устранить волокиту в ведении дел. В этой связи большевистским руководством положительно оценивался отказ от принципа инстанционности в ходе строительства советской судебной системы. По мнению В.И. Ленина, «создав единый народный суд взамен бесконечного ряда прежних судов различного устройства, со множеством инстанций, советская власть упростила устройство суда, сделав его абсолютно доступным для населения и устранив всякую волокиту в ведении дел»².

Подобная обусловленность опосредовала тот факт, что требование единства судебной политики вытекали из одинаковых основных целей их деятельности. Не случайно, судебная политика, по убеждению Н.В. Крыленко, есть политика, которую проводит данная государственная власть, т.е. господствующий класс, через суд и при помощи суда. Исключительное право трудящихся на занятие судебных должностей, избираемость судей советами, зависимость от политики рабочего класса, направляющее руководство судебной политикой со стороны центральной регулирующей

¹ КПСС в резолюциях. Изд. 9. Т. 2. М., 1983. – с.47-48.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 38. М.: Политиздат. 1974. – с.430.

власти - таково изложение совокупности основных условий и принципов организации и работы наших судебных учреждений¹.

Представляя собой наиболее яркий пример социально-экономической действительности того времени, Тамбовская губерния оказалась в центре осуществлявшихся политических преобразований, что позволяет выделить принципиальные черты формировавшейся карательной политики, осуществлявшейся судебными органами на местах.

Будучи инструментом в руках государства и проводя политическую линию господствующего класса, суд периода НЭПа был призван скорректировать существовавшую карательную политику, так как по выражению Н.В. Крыленко, именно в этот период из рук государственной власти выпал руль по управлению судебной политикой².

О подходе советского государства в сфере уголовного судопроизводства, реализуемого в Тамбовской губернии 20-х годов прошлого столетия через Губернский суд и уездные судебные органы, свидетельствуют, архивные материалы и публичные выступления соответствующих должностных лиц, выражающие государственно-декларируемые концепции.

В частности, представляется необходимым сослаться на содержание выступления председателя Тамбовского губернского суда Брука на заседании пленума Губсуда в декабре 1924 года, в котором указывалось, что «самым главным моментом работы является карательная политика, на которой строится советское государство. В карательной политике самое главное целесообразность, и при этом надо иметь в виду классовый подход и уметь проявлять политическое чутье. Кроме того, не должно быть отрыва от партии и партийной работы»³.

¹ Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. Теоретический и практический комментарий к Основам судостройства, судопроизводства и материального уголовного права СССР. Часть первая. Основы судостройства. М.-Л.: 1927. – с.47.

² Крыленко Н.В. Судостройство РСФСР. М., 1924. – с.205.

³ Приложение к протоколу № 12 заседания пленума Губ.суда от 9, 11 декабря 1924 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 3, л. 106 об.

Государственный механизм строго контролировал соответствие провозглашённой карательной политике деятельности губернских судей, о чём в частности свидетельствуют материалы выписки из протокола № 38 заседания президиума Тамбовского Губкома РКП (б) от 25 февраля 1922 года, в которой было вынесено постановление, требующее зафиксировать опасность независимости от партии ¹.

Подобное воздействие партийной идеологии на деятельность судов ярко иллюстрирует точка зрения губернского прокурора Козловского, высказанная на совещании административных работников Тамбовской губернии в январе 1925 года, сводящаяся к тому, что преступления вообще тормозят развитие советской мощи, следовательно, необходимо принимать решительные меры к искоренению этого зла. Но это не дает права, и даже не рекомендуется, прибегать в подобных случаях к суровой мере наказания сразу, а нужно точно выяснить положение совершенного преступления, так и совершившего таковое. В подобных случаях не может иметь место чиновничье применение сухих статей закона, и этот уклон в сторону жестоких репрессий надо изжить. С преступностью нужно бороться и ее искоренять, но не путем жестоких репрессий, а путем поднятия культурного и воспитательного уровня массы. ... И лишь революционная законность может служить звеном связи с населением².

Означенная позиция представляется своеобразным ориентиром для функционирования судебной системы в целом, о чём свидетельствует высказанный прокурорским работником в заключительном слове призыв, считать 1925 год - годом ударной работы по проведению в жизнь революционной законности, где органы прокуратуры призваны упорно бороться с проявлением революционной целесообразности.

О полной зависимости судов от партийно-советских органов свидетельствуют и факты привлечения судебных работников к выполнению

¹ Материалы ГАТО. Ф. Р-1, оп. 1, д. 415, л. 28.

² Протокол губернского совещания административных работников Тамбовской губернии с 15 по 18 января 1925 г.//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 681, л. 142.

различных заданий, не имеющих никакого отношения к осуществлению правосудия, что отрицательно сказывалось на сроках разрешения судебных дел и качестве судебных решений. Судьи, и так слабо подготовленные, отвлекались от судебной работы и теряли навыки рассмотрения дел при отсутствии юридической подготовки.

Уполномоченный Губсуда по Козловскому уезду Типикин в мае 1926 г. обратился к председателю Губсуда с просьбой через Губком ВКП(б) «сделать указание Козловскому Укому» о замене народного судьи Филимонова, избранного председателем ревизионной комиссии Козловского городского единого потребительского общества, который «ведет работу по совместительству с работой народного судьи, на работу в ревкомиссии тратит ежемесячно по 10-12 рабочих дней, в результате в суде образовалась большая залежь дел»¹.

В частности из отчета Губсуда о работе в первом полугодии 1927 года, раздел общественная работа судей, следует, что председатель Губсуда Литвинов является членом губернской контрольной комиссии и Горсовета, кандидатом в члены губисполкома, руководителем делегатскими собраниями при 2-м райкоме ВКП(б). Судьи Губсуда являются членами бюро ячейки ВКП(б) Губсуда, ответорганизаторами среди женщин, юридическо-бытовой секции, один – членом Горсовета, работали в разного рода профсоюзных и общественных организациях (МОПР, Осоавиахим и др.), выступали с лекциями и беседами. По народным судам губернии 14 судей являлись членами волкомитетов, 11 – членами волисполкомов, 18 – сельсоветов, 8 – горсоветов, 12 – бюро ячеек ВКП(б), 19 работали по заданиям партийных органов, 2- по профессиональной линии, 15

¹ Письмо уполномоченного Губсуда по Козловскому уезду председателю Тамбовского губернского суда от 13 мая 1926 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 787, л. 29.

участвовали в перевыборах Советов, 5 – в кооперации, 8 – в газетах, клубах, МОПРе, Осоавиахиме, 24 – в юргруппах ¹.

Достаточно ярко означенный процесс анализировал уполномоченный Губсуда по Моршанскому району, отмечавший, что «на работу аппарата неблагоприятно отражался и отрыв работников на кампании: перевыборы Советов, хлебозаготовки, размещение займа, самообложение, посевкампании и др. В 1927 г. этот отрыв не носил еще массового характера. А в текущем году в перечисленных кампаниях участвовало более 50% ответработников. Причем некоторые из них вели эту работу по 3-4 месяца безотрывно» ².

Другим интересным аспектом представляются материалы отчета Губсуда о ревизии нарсудов, произведенной с 8 мая по 6 октября 1923 года, заведующему 1-м Отделом Наркомюста, члену коллегии НКЮ Бранденбургскому от 5 ноября 1923 года (предГубсуда Брук). В данном документе отмечается, что вмешательство Уисполкомов и отделов управления в работу нарсудей, как это имело место в Борисоглебском уезде, где Уисполком истребовал дела для просмотра, распределял по своему усмотрению вещественные доказательства, вызывал для объяснения судей и самовольно назначал ревизии. Такое явление, естественно, мешает укреплению революционной законности, дезорганизует работу судей и подрывает их авторитет в глазах местного населения

В целях устранения самовольного вмешательства Уисполкомов в деятельность нарсудов был издан совместно с Губисполкомом циркуляр № 70, которым судорганы ограждались от самовольного вторжения в их работу должностных лиц и учреждений губернии

Неоднозначный характер взаимодействия судебных органов с партийно-властными структурами подтверждает тот факт, что судебные

¹ Копия отчета для НКЮ Тамбовского Губсуда о работе судебно-следственных учреждений за вторую половину 1926 г.//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 1680, л. 39.

² Тезисы к отчетному докладу уполномоченного Губсуда по Моршанскому уезду о деятельности судебно-следственных органов уезда за время с 1 января 1927 г. по 16 июня 1928 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 839, л. 41.

органы в некоторых случаях не стеснялись обращаться за помощью к партии, хотя это было, даже в то время, абсолютно непроцессуально.

В частности, в январе 1928 года председатель Губсуда Литвинов В.М. обращается в Губком партии со странным для любого юриста ходатайством, касающимся судьбы жителей г. Козлова Носкова, Гришина и Копылова приговоренных к расстрелу по ст. 59-3 УК РСФСР. Литвинов констатировал, что Губсуд со своей стороны считает, «поскольку указанные лица являются особо социально опасными, неоднократно судились, отбывали наказание с побегом из мест заключения, применение к ним каких-либо послабительных мер или амнистии, как не дающим надежды на исправление, не только нецелесообразно, но и недопустимо и необходимо, чтобы Губернский Комитет ВКП(б) со своей стороны вышел с ходатайством в ЦК ВКП(б) о том, чтобы последний поставил перед Верховным Судом и ЦИК СССР вопрос о необходимости утверждения приговоров в отношении всех троих осужденных к высшей мере наказания бандитов ¹.

Вышеуказанное соотношение партийных органов и судов, как проявление взаимного воздействия судебной и исполнительной властей, представители большевистской партии стремились обосновать исходя из сущности Советов, изначально создававшихся как орган пролетарской диктатуры, орган власти на местах, выявляющий волю трудящихся масс. Отталкиваясь от данных положений идеологи большевизма констатировали, что судебная работа и судебные органы не могут строиться иначе советов, а тем паче они не могут строиться на началах, прямо противоположных тем, на которых построены советы. В этой связи Н.В. Крыленко отмечал, что избираемость судей означает одновременно и сменяемость судей также советами, которые их избрали, между тем как основным началом буржуазной системы суда является известный принцип судебной несменяемости, которым так кичится либерально-буржуазная наука.

¹ Письмо председателя Тамбовского Губсуда Литвинова В.М. в Тамбовский губком ВКП(б) от 16 января 1928 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 830, л. 16-16 об.

Независимость суда, по его мнению, выражается в несменяемости судей, которых не могли сместить ни органы, назначавшие их, ни органы, избравшие их, - таков был старый фетиш буржуазной науки права. В этой связи, избираемость судей и затем их сменяемость советами явилась по убеждению большевиков, еще одним выражением принципа единства государственной власти Советской республики и еще одним выражением принципа единой государственной власти Советской республики и еще одним декларативным отрицанием того принципа разделения властей, который в свою очередь выставляла и которым также гордилась буржуазная наука¹.

Стремясь найти определённый баланс судебной и исполнительной властей, в этот период выдвигается предложение установить право каждого гражданина обжаловать незаконные решения органов управления и незаконные действия должностных лиц в суде. Другим возможным способом разрешения сложившейся ситуации, представлялась выдвинутая в 1922 году идея создания так называемых административных судов, в соответствии с которой целесообразным представлялось не создавать специальный орган надзора за законностью – прокуратуру, а предоставить всем гражданам право обжаловать незаконные действия органов местной власти и должностных лиц в специальные «административные суды.

Вышеозначенные подходы встретили решительные возражения со стороны большинства руководящих работников госаппарата, ссылавшихся на слабость, недостаточную авторитетность и неподготовленность к такой роли народных судов. Кроме того, говорилось о том, что в условиях острой классовой борьбы этим правом воспользуются в первую очередь НЭПманы и буржуазные элементы (как более образованные и располагающие услугами опытных адвокатов), чтобы потоком неосновательных и кляузных жалоб

¹ Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. Теоретический и практический комментарий к Основам судостройства, судопроизводства и материального уголовного права СССР. Часть первая. Основы судостройства. М.-Л.: 1927. – с.41-42.

парализовать работу местных органов власти ¹.

Противопоставляя подобным суждениям ленинское понимание судебной системы, советские государственные деятели констатировали, что их суд не есть нечто отдельное от государственной власти. Он не есть орган, независимый от государственной власти, а представляет собой орган той же единой Советской власти, как и всякий орган государственного управления и поэтому не может быть построен иначе, как на началах зависимости от нее и сменяемости ею.

В этой связи отмечалось, что роль проводника линии центральных органов большевистской партии выполняли губернские, областные и другие комитеты РКП(б) – ВКП(б). Ни один вопрос, имеющий значение для губернии, края, области не получал разрешения без санкции соответствующего парткома. Таким образом, губернские и местные советы на деле выполняли идеологические установки компартии и акты центральных органов власти.

Оценивая сформировавшуюся судебную систему с господствовавших большевистских позиций, Н.В. Крыленко представлял её как «крупнейший шаг вперед, поскольку она сознательно отказалась от фетишистского преклонения перед принципом единого народного суда и, наоборот, во главу угла, в качестве исходного, определяющего тезиса своей практической политики, поставила утверждение, что для определенных категорий дел она строит различные суды, стремясь проводить лишь один принцип в их практической работе, а именно, построить их так, чтобы они в максимально возможной степени сделались доступными для населения» ².

В контексте означенного подхода, одним из принципов, на которых основывалось государственное строительство в советской России представлялось отрицание «качественного отличия судебного аппарата от

¹ Курицин В.М. Переход к НЭПу и революционная законность. М.: Изд-во «Наука». 1972. – с.113.

² Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. Теоретический и практический комментарий к Основам судостроительства, судопроизводства и материального уголовного права СССР. Часть первая. Основы судостроительства. М.-Л.: 1927. – с.36.

всякого другого аппарата в нашей государственной организации; если суд – такой же орган государственного управления, как и всякий другой – совет или наркомат, если он является таким органом, который обязан проводить определенную политику государственной власти, судебную политику, ... если, наконец, суд в этой политике должен отражать и проводить определенный директивы этой государственной власти, то должен существовать орган, который следил бы за проведением этой политики, который отвечал бы за ее содержание перед центральными органами, который, наконец, участвовал бы в выработке этой политики. Таким органом является народный комиссар юстиции, входящий в состав правительства республики и обязанный ответственностью перед ним за деятельность всех судов в определенном, а не в каком-либо ином направлении»¹.

Учитывая выше изложенное, период осуществления новой экономической политики можно назвать временем революционной идеализации. В качестве подтверждения представляется возможным привести высказывания ответственных партийных, советских и прокурорских работников Тамбовской губернии, призывавшие отказаться от «революционной целесообразности», нередко граничащей с нарушениями закона и влекущей за собой самоуправство и произвол» и предлагавшие бороться за проведение в жизнь принципа «революционной законности»².

Рассматривая карательную политику судебных органов Тамбовской губернии в целом, в период с 1923 года до июля 1928 года, когда Тамбовская губерния была реорганизована и вошла в состав ЦЧО, представляется возможным охарактеризовать её как либеральную, даже в рамках действовавших в тот период времени Уголовного и Уголовно-Процессуального кодексов.

¹ Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. Теоретический и практический комментарий к Основам судостроительства, судопроизводства и материального уголовного права СССР. Часть первая. Основы судостроительства. М.-Л.: 1927. – с.77-78.

² Материалы ГАТО. Ф. Р-1, оп. 1, д. 691, л. 124 об. – 134.

В частности, либерализм проявлялся в значительном количестве лиц, оправданных по приговору суда, а также и в периодически объявлявшихся общих амнистиях, и в амнистиях частных, в назначении наказания, либо не связанного с лишением свободы, либо к небольшим ее срокам.

Особого разговора заслуживает вопрос качества судебной работы народных судов Тамбовской губернии. В имеющихся архивных документах по этому вопросу за различные годы второго десятилетия прошлого века имеется достаточно данных. Если о качестве работы самого Губернского суда сведения давались дозированно, то качеству работы народных судей уделялось достаточно места в различных докладах и отчетах.

Сразу следует отметить, что качество судебной работы судей губернии в исследуемом периоде было низким. Это становится понятным, если обратиться к приведенным выше в исследовании данным о социальном и профессиональном составе судейского корпуса, его образовательном уровне, частой (ежегодной) сменяемости судей, да и материальном положении судебных органов и судей, не способствовавших стремлению задерживаться в судейском кресле.

Интересным является суждение члена Губсуда Прохорова, высказанное на одном из заседаний пленума Губсуда о том, что «он сам во время ревизий наблюдал нежелание судей даже читать кодексы». И все же очевидно, что это относилось к отдельным судьям-временщикам. Большинство же судей добросовестно выполняли свои обязанности, несмотря на громадный объем судебной и околосудебной работы, возлагаемой дополнительно на них, о чем сказано выше.

Тем не менее, брак в работе народных судей был большим. Так, в 3-м квартале 1924 года, кассационным отделением уголовного отдела Губсуда было пересмотрено 1630 уголовных дел, из них отменено 426 приговоров народных судов или каждый четвертый из обжалованных (26,1%). Гражданско-кассационным отделением Губсуда в указанный период по рассмотренным 658 гражданским делам отменено более половины

обжалованных решений – 52,28% и прекращены производством 3,65% гражданских дел. Всего брак в судебной работе по гражданским делам составил 55,93%. При этом в 4-м квартале 1924 года из 2257 рассмотренных в кассационном порядке дел уголовно-кассационное отделение Губсуда отменило в порядке ст. 418 УПК РСФСР (за отсутствием состава преступления с прекращением производства по делу) – 111 дел, ст. 419 УПК (за нарушением правил о подсудности) – 105 дел, ст. 420 УПК (по иным основаниям) – 136 дел, а всего 352 приговора или 15,6%, т.е. каждый шестой приговор.

В этом же квартале число отмененных в гражданско-кассационной коллегии Губсуда решений к числу всех рассмотренных дел составляло 22,9% или покаждому пятому гражданскому делу.

В 1923 г. народными судами было рассмотрено 50967 уголовных дел, отменены приговоры по 4947 из них, что составляло 9,7%, в 1924 г. из приговоров по 56870 уголовным делам отменены 2082 или 3,7%. Соответственно в 1923 г. из 26089 решений по гражданским делам отменялись 1259 или 4,7%, в 1924 г. из 29349 – 1048 или 3,6%.¹

При этом интересно высказывание члена Губсуда Свиридова от имени уголовно-кассационного отделения на пленуме Губсуда в декабре 1924 г.: «Иногда приговор не отменялся не потому, что он совершенен, а потому что процент отмененных приговоров слишком велик и, если не было вопиющих нарушений, приговор оставлялся в силе». Больше таких высказываний не встречалось, но, видимо, указанный подход к оценке судебных решений имел место и в дальнейшем.

Оценивая качество деятельности судебных органов губернии в апреле 1925 г. «по объективным основаниям», Губсуд привел следующие данные за 1924 год и 1-й квартал 1925 г. В 1-м квартале 1924 г. было отменено и прекращено уголовных дел – 13,6% от обжалованных,

¹ Материалы ГАТО. Ф. Р-524, оп. 1, д. 716, л. 60 об-63.

гражданских – 50,3%; во 2-м квартале 1924 г. – соответственно 49,9% и 33%; в 3-м квартале – 33% и 44%; в 4-м – 30,7% и 28,6%. В первом квартале 1925 г. было отменено и прекращено рассмотренных в кассационном порядке Губсудом 19,6% уголовных и 27,5% гражданских дел от всех обжалованных судебных решений. От общего количества оконченных производством дел отмененные и прекращенные судебные решения в 1-м квартале 1925 г. составляли 3,27% по уголовным и 2,2% по гражданским делам.

Как отмечено в той же справке, к обжалованным судебным решениям количество отмененных приговоров и решений, а также прекращенных в кассационном порядке дел в среднем составляет 35%. По уездам эти показатели выглядели следующим образом: по Кирсановскому уезду – 79%, Моршанскому – 40,8%, Борисоглебскому – 39,7%, Тамбовскому – 28,6%, Козловскому – 25,1%, Липецкому – 19,6%.

Удручающими выглядят показатели народных судов Кирсановского уезда – отменялось три четверти вынесенных судебных решений по гражданским и уголовным делам.

В 4-м квартале 1925 г. было отменено, в том числе с прекращением производства по делам, 29,7% решений по уголовным и 67,7% по гражданским делам от общего числа обжалованных и рассмотренных в этом периоде.

В пояснении к этим данным председатель Губсуда указал, что «по отношению ко всему числу поданных в Губернский суд кассационных жалоб по уголовным и гражданским делам народных судов процент отмененных приговоров и решений и прекращенных в кассационном порядке дел за отчетный период по всей губернии равняется 50,5%. В 1-м квартале этот показатель равнялся 35%, во 2-м – 36,3%, в 3-м – 32,68%. Наихудшие показатели были у народных судов Борисоглебского уезда – 65,15%, Моршанского – 59,2% и Кирсановского – 55,56%, наилучший показатель – в Козловском уезде составил 40,71%».

Показатели отмененных приговоров и решений и прекращенных в кассационном порядке дел от общего числа рассмотренных дел за период с 1923 г. по 1925 г. выглядели следующим образом: по уголовным делам: в 1923 г. из рассмотренных 50967 дел отменено, в том числе с прекращением 4945 судебных решений или 9,7%, в 1924 г. из 56870 – 2173 или 3,83%, в 1925 г. из 38933 – 1052 или 2,7%, в 2006 г. из 33867 – 1286 или 3,79%; по гражданским делам: из 1923 г. - из 26089 отменены 1249 или 4,8%, в 1924 г. из 29347 – 1061 или 3,6%, в 1925 г. из 45876 – 1635 или 3,56%, в 1926 г. из 55677 – 1908 или 3,43%.

На совещании в НКЮ РСФСР в апреле 1926 г. председатель Губсуда Брук доложил, что средняя отмена приговоров и решений нарсудей в 1925 г. от числа поданных кассационных жалоб составляла 25% для уголовных и 48,82% для гражданских дел.

В этой связи на заседании пленума Губсуда в мае 1926 г., обсуждая резолюцию ревизионного совещания при НКЮ РСФСР от 28 апреля 1926 г., заведующий уголовным отделом Тамбовского Губсуда Прокопчик заявил, что «совещание НКЮ признало работу Губсуда в 1925 г. удовлетворительной, линию карательной политики как в Губсуде в целом, так и в народных судах в целом правильной, что подтверждается количеством утвержденных приговоров, которые выше среднереспубликанских показателей. Оставлено в силе приговоров нарсудов Тамбовской губернии 82%, а средняя цифра по Республике – 74%»¹.

Таким образом, отменено, в т.ч. с прекращением каждое второе дело, что свидетельствует о крайне низком качестве выносимых судебных решений по уголовным делам.

Анализировались и причины отмены приговоров, но суждения в имеющихся архивных документах содержатся слишком краткие. Например. в отчете Губсуда за 1926 год указано: «Переходя к недочетам по уголовным

¹ Протокол № 16 заседания пленума ТГС от 21.10.26 г./ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 542, л. 84-89 об.

делам, мы наблюдаем частое нарушение процесса и, в частности, не всегда полное исследование дела. Кроме того, иногда неправильно применяется норма уголовного кодекса, как, например, лесник, застреливший при обходе лесокрада, обвиняется в преступлении как за убийство, между тем деяние лесника должно было разрешить в плоскости должностных преступлений».

В отчете за 1926 год констатировано, что количество отмененных судебных решений в 1-м полугодии 1926 г. составляло: по приговорам - 30,9%, по решениям – 35,6%, во 2-м полугодии соответственно 29,4% и 39,9% ¹.

В 1927 г. из рассмотренных в кассационном порядке уголовно-кассационным отделением Губсуда 4590 уголовных дел «оставлено в силе» 3680 или 80,17%, отменено с направлением дел на новое рассмотрение – 535 или 11,66%, отменено с прекращением производства по делу – 375 судебных решений или 8,17%. Всего было отменено приговоров 910 приговоров или 19,83%. Однако в этом же отчете указано, что «из оставленных в силе» изменено 886 приговоров или 24%.

Таким образом, в 1927 году было отменено и изменено 1796 приговоров, что составляет от всех рассмотренных в этом году в кассационном порядке приговоров 39,12%. Это очень большой процент брака, работы судов вхолостую.

В том же году из 6665 рассмотренных в кассационном порядке гражданско-кассационным отделением гражданских дел оставлено без изменения 4678 судебных решений или 70,19%. Отменено полностью 1756 решений или 26,35% от рассмотренных, отменено с прекращением производства по делу – 97 или 1,45%, отменено в части – 134 или 2,01%.

Интересна в контексте рассматриваемого вопроса имеющаяся в областном архиве справка запасного судьи Губсуда Бобылева о количестве и качестве рассмотренных судами губернии в 1925/26 году налоговых дел.

¹ Копия отчета Тамбовского Губсуда о работе судебно-следственных учреждений за вторую половину 1926 г. в НКЮ/ГАТО, Ф. Р-1, д. 1680, л. 39 об.-40.

Отмечено, что из рассмотренных всего 193 таких дел разрешено правильно только 56 или 29%, то есть только каждое третье, а два – незаконно.

При этом следует учесть, что общереспубликанская норма в 1925 году составляла 26,2%, то есть судебная политика Тамбовской губернии не была исключением.

Другим показателем, характеризующим карательную политику периода НЭПа, может являться анализ основных видов наказания, применяемых судами Тамбовской губернии в 1925-1926 годах¹.

Виды наказаний:	1 полугодие 1925 г.	1 полугодие 1926 г.	Общереспубл. норма
условное л/свободы	1174 (18,3%)	1137 (14,62%)	22,7%
до 6 мес. л/свободы	1229 (19,14%)	2183 (28,21%)	15,3%
до 1 года л/свободы	276 (4,3%)	418 (5,4%)	5%
до 2 лет л/свободы	96 (1,5%)	126 (1,6%)	3,7%
до 5 лет л/свободы	19 (0,3%)	24	3%
до 10 лет л/свободы	1	1	0,8%
принудит. работы	878 (13,5%)	1057 (15,59%)	15,8%
имущ. взыскания	2612 (40,7%)	2709 (34,84%)	29,8%
обществ. порицан.	132 (2,05%)	109 (1,4%)	-
проч. наказания	4	13	3,8%

Приведённые данные позволяют определить, что либеральный подход к назначению наказания не был исключением для Тамбовской губернии, а был явлением, характерным для всей РСФСР периода НЭПа.

Придавая принципиальное значение проблемам назначения наказания, и их воздействию на формирование карательной политики в целом, судебные органы Тамбовской губернии, периодически обсуждали их на заседаниях пленума Губсуда и совещаниях судей.

В частности, в начале 1925 года на очередном заседании пленума Губ.суда речь шла о карательной политики судебных органов губернии. В докладе запасного судьи Губсуда Суркова о деятельности судебно-следственных учреждений Моршанского уезда указывалось, что «взятая нарсудами классовая линия» в целом верна, но имеются недостатки. В качестве примера было приведено решение «по делу по обвинению

¹ Материалы ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 1261, л. 75-76.

чернорабочих в краже четырех пучков лыка с железнодорожной платформы обвиняемые приговорены к принудительным работам на 2 месяца, хотя кража ничтожна и совершена по нужде»¹.

Однако имели место мнения, о недопустимой либерализации карательной политики. В частности, народный судья Дежурной камеры г. Моршанска Коновалов говорил о некоторой несогласованности карательной политики народных судов и Губсуда, обвинив последний, что он «проявляет слишком большую мягкость и в некоторых случаях проявляет непонимание внешних условий»².

Резюмируя высказанные на пленуме точки зрения, было предложено нарсудам губернии обращать главное внимание на вопросы карательной политики. «Именно успеть взять правильную линию в этом отношении и не избирать слишком суровых наказаний, т.к. главный контингент обвиняемых по уголовным делам в настоящее время – рабочие и крестьяне. Часто суды не учитывают всех обстоятельств дела и назначают наказания, не соответствующие содеянному. Необходимо индивидуализировать наказание, широко применять ст. 36 УК, внимательно учитывать нужду и темноту. Только такой подход ведет судей к правильному пониманию карательной политики и закона»³.

Провозглашая особую значимость единой судебной практики, способствующей смягчению карательной политики, высшие судебные инстанции направляли на места соответствующие директивы, требующие своеобразного «одобрения» на местах.

В частности, одним из вопросов февральского 1925 года пленума Губсуда являлась «проработка» директивного письма уголовно-

¹ Приложение к протоколу № 1 заседания пленума Губсуда от 16-17.01.25 г./ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 357, л. 15.

² Приложение к протоколу № 1 заседания пленума Губсуда от 16-17.01.25 г./ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 357, л. 16.

³ Приложение к протоколу № 1 заседания пленума Губсуда от 16-17.01.25 г./ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 357, л. 16.

кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР от 14 января того же года за № 1, которое было направлено во все губернские суды России.

Определяя степень его важности, председатель Губсуда Брук, подчеркнул, что «в этом письме – коренная ломка нашей прежней карательной политики. До сих пор судьи все опасались, что они слишком мягко наказывают, и не учитывали при этом тех условий, которые толкнули на преступление». Он призывал прокуратуру «принимать меры к прекращению дел в тех случаях, когда это возможно, не доводя их до суда»¹.

Определяя в качестве первостепенной цели исправление лица совершившего противоправное деяние и предупреждение преступности, заместитель председателя Губсуда Прокопчик утверждал, что «карательная политика не имеет в виду возмездия». В этой связи следует особо «ценить свободу человека». Мотивируя собственную точку зрения, тамбовский судья указывал, что если украл по нужде и несознательности, надо давать не годы, а месяцы. Места лишения свободы страшно переполнены, что вынуждает ходатайствовать о частных амнистиях. Следующий момент, на который, по его мнению, нужно обратить внимание, - это осторожное применение правопоражения. Не следует применять его так широко. Высылка тоже должна быть применяема с большой осмотрительностью и главным образом к лицам, чуждым классовой принадлежности, но не к рабочим и крестьянам, для которых она создает лишнюю почву для преступлений»².

Своеобразной идеологической канвой могут служить воззрения П.И. Стучка, констатировавшего, что цель социалистической революции состоит в упразднении права, в замене его новым социалистическим порядком,

¹ Приложение к протоколу пленума Губсуда от 11-12 февраля 1925 г. за № 2/ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 967, л. 33-41; Ф. Р-524, оп. 1, д. 357, л. 56-57 об.

² Приложение к протоколу пленума Губсуда от 11-12 февраля 1925 г. за № 2/ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 967, л. 33-41; Ф. Р-524, оп. 1, д. 357, л. 56-57 об.

причём пролетарская совесть, сверяющая себя с большевистскими директивами, законнее любого закона ¹.

Примечательной в этой связи является идеологическая подоплёка вышеозначенного подхода, свойственного карательной политике всего советского государства, а именно принципиальной идеологизированности, позволяющей строить судебную систему на основе «революционной целесообразности», а отнюдь не законности.

Допустимость, а в определённых случаях обязательность подобного политического контроля со стороны государства в условиях многоукладности экономики, представлялась руководителям большевистской партии непреложной истиной ².

Распространение судебного усмотрения, построенного на основе «классовой близости» и «классовой чуждости», порождало в судебной среде и более ортодоксальные подходы, отрицавшие необходимость либерализации карательной политики. Например, судья Тамбовского Губсуда Прохоров, настаивал на возможных перегибах, сопровождающих снижение наказания и применение более мягких мер, обосновывая это тем, что, население еще слишком малоразвито, чтобы такие меры привели его к осознанию преступности» ³.

Идеологическое вмешательство в судопроизводство вызвало к жизни практику указаний местных партийных и советских органов, не способствовавших формированию единой карательной политики государства.

Авторы советского периода в назначении судей губернскими исполнительными комитетами при контроле НКЮ видели дополнительные гарантии их независимости. «Избрание и освобождение от должности народных судей не местным исполкомом, а губернским, а также контроль

¹ Стучка П. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига. 1964. – с.256.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44. М.: Политиздат. 1974. – с.398-399.

³ Приложение к протоколу пленума Губсуда от 11-12 февраля 1925 г. за № 2/ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 967, л. 33-41; Ф. Р-524, оп. 1, д. 357, л. 56-57 об.

Наркомюста за правильностью отзыва судей способствовали укреплению авторитета суда, гарантировали независимость судей от местных влияний»¹.

Однако фактически инициатива назначения местных народных судей исходила от местных советско-партийных органов, кандидатуры согласовывались и утверждались губернским комитетом партии и уже затем передавались на рассмотрение и утверждение губисполкома.

При этом судьи воспринимались руководителями партии и государства как обыкновенные служащие, обязанные выполнять волю и политику партии. Н.В. Крыленко прямо заявлял, что «судья должен понимать, что такое государственный капитализм, а другими словами понимать общую политику социалистического государства ... и свою роль в осуществлении этой политики. Отсюда вытекает и обратный вывод, - судья, который не понимает этой нашей политики, не может иметь места, и судья, решающий какое-либо дело не в соответствии с духом этой политики, - должен уйти»².

В качестве примера можно привести точки зрения уполномоченного Губсуда по Моршанскому уезду Прошина, народных судей Марченко и Родионов, которые характеризуя реальное положение дел, говорили, о том, что уездные исполкомы Советов, будучи недовольными мягкой политикой народного судьи, могут «не представить его вновь к утверждению», «нарсудье приходится считаться с местной властью, благодаря связи с ней», что «письмо обязывает дать уточненные директивы, согласуя их с Губкомом и Губисполкомом».

Стремясь преодолеть подобные тенденции, советское правительство требует твёрдого проведения революционной законности и дисциплины в трудовые массы. Своеобразное обоснование данных директив на местах в

¹ Кожевников М.В. История советского суда. 1917-1956 годы. – М.: Государственное издательство юридической литературы. 1957. – с.135.

² Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. Теоретический и практический комментарий к Основам судостроительства, судопроизводства и материального уголовного права СССР. Часть первая. Основы судостроительства. М.-Л.: 1927. – с.17.

частности выразилось в требовании что, «каждый судебный работник должен помнить, что суд есть орган не только классовой борьбы за общественный порядок, не только орган расправы – государственного управления, но и проводник революционной законности ...»¹.

Усиление карательной функции судебных органов Тамбовской губернии нашло свою оценку со стороны руководства НКЮ РСФСР, Верховного Суда РФ, о чём свидетельствуют материалы резолюции по итогам объединенного совещания в апреле 1927 года.

В частности, было отмечено, что «в карательной политике Губсуда и народных судов, начиная с 1924 года, все время замечается повышение процента безусловного лишения свободы и понижение условных приговоров, причем та и другая категория мер социальной защиты превышают средние нормы по Республике. Наряду с некоторой жестокостью карательной политики в 1926 г. замечается ослабление применения мер репрессий по такой ударной категории дел, как растраты, а именно: условные приговоры во 2-м полугодии в нарсуде выросли с 23,6% до 35,4%, а в Губсуде – с 14,3% до 18,2%. Сроки же лишения свободы всех категорий понизились, или остались без перемен и лишь в одном случае в Губсуде (от 6 месяцев до 1 года лишения свободы) повысились на 3,1%.

Кроме того, в народных судах во 2-м полугодии 1926 г. начали довольно часто применяться принудительные работы по делам об умышленном убийстве (14,2%), что также не может быть признано нормальным еще и потому, что принудительные работы в губернии организованы слабо. Имущественные взыскания в нарсудах в течение трех последних лет, хотя и снижаются, но все еще остаются выше республиканской нормы (35,1%, а по Республике – 31,1%)².

¹ Протокол № 16 заседания пленума ТГС от 21.10.26 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 542, л. 84-89 об.

² Копия резолюции объединенного совещания Управления прокуратуры Республики, Отдела судебного управления Народного Комиссариата Юстиции, Верховного Суда РСФСР от 20 апреля 1927 г. по докладу о деятельности Тамбовского губернского суда и о работе прокуратуры Тамбовской губернии//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 1678, л. 15-15 об.

Подобная практика колебаний в карательной политике, выражающейся с одной стороны в общей жестокости, а с другой – в необоснованном ослаблении там, где бы этого происходить не должно, свидетельствовало о том, что суды в данный период представляли собой неотъемлемую часть исключительно идеологизированного государственного аппарата, находящегося в прямой зависимости от осуществляемой государственной политики.

Ярким подтверждением означенных суждений может служить точка зрения, высказанная на очередном расширенном пленуме Губернского суда временно исполнявшего обязанности председателя Губсуда Егоровым, сводящаяся к тому, что одной из отличительных черт советского уголовного законодательства от законодательства буржуазного является та гибкость и эластичность законодательства, которая изложена в наших кодексах. Эта эластичность позволяет нам в зависимости от видов и значения преступлений применять действующие законы, чтобы они в полной мере отражали нашу общую линию политики в данный момент. ... Иногда по совершенно аналогичным преступлениям в зависимости от времени и проводимой в это время политики назначались совершенно различные наказания ¹.

На этом же заседании пленума приведены данные, отражающие в призма решений Верховного Суда РСФСР пока еще гуманную позицию власти. Так, отмечено, что случаи отмены приговоров за мягкостью были, но очень немногие. Верховным Судом РСФСР ст. 437 УПК РСФСР, предусматривающая полномочия высшего судебного органа страны в случае назначения несправедливого наказания, применялась очень редко, всего лишь по 2% дел. За мягкостью Верховным Судом в 1926 г. было отменено 5-6 приговоров Губсуда».

¹ Протокол № 17 расширенного заседания пленума Тамбовского Губсуда от 25 августа 1927 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 715, л. 271-275 об.

В заключение пленум Губсуда признал, что «карательная политика судебных учреждений в основном правильная. За 1926 г. наблюдается в отдельных случаях искривление линии по трем направлениям: а) вынесение суровых приговоров к лишению свободы за маловажные деяния – за кражу галош, растрату 5-10 рублей и т.п.; б) превышение по отдельным народным судам мер социальной защиты, общая пестрота применяемых мер социальной защиты по делам одной и той же категории, что влекло частое изменение УКО наказания в сторону их снижения. ... Наблюдается послабление репрессий по делам имущественного характера в отношении государственного и кооперативного имущества и назначение суровых наказаний в отношении личного имущества ¹.

В дальнейшем, например в ноябре 1927 года, Губсуд продолжал считать, что «был перегиб палки в сторону жестокости, но теперь это изжито. ... Отклонений от правильной карательной политики, в общем, нет, но отдельные казусы есть и их надо изжить и исправить» ².

Классовую правильность карательной политики судебных органов губернии и соответствие ее проводимой в тот период политике большевистской партии подтверждали и партийные органы губернии. Например, коллегия Тамбовской РКК в сентябре 1927 г. признала, что «классовый подход к работе соблюдается, что подтверждается просмотром по выбору 40-45 дел в каждой из обследуемых камер судов» ³.

Своеобразной канвой подобной классовой политики могут служить высказывания Н.В. Крыленко, считавшего, что нет никакой принципиальной разницы между судом и расправой. Либеральная болтовня, либеральная глупость говорить, что расправа это - одно, а суд - другое. Ничего

¹ Протокол № 17 расширенного заседания пленума Тамбовского Губсуда от 25 августа 1927 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 715, л. 271-275 об.

² Протокол № 25 расширенного заседания пленума Тамбовского Губсуда от 24 ноября 1927 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 716, л. 145, 146 об-147.

³ Копия постановления коллегии Тамбовской РКК от 29 сентября 1927 г., протокол № 63, по докладу инспектора Боброва об обследовании прохождения дел в судебно-следственных органах с целью ускорения и упрощения расследования в разборе дел и соблюдения классовых интересов//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 839, л. 17-19.

подобного. Суд есть та же расправа, а расправа есть тот же суд... Суд есть упорядоченная форма расправы ... уложенная в определенные нормы ¹.

Таким образом, представляется возможным установить, что в данный период преобладала репрессивная трактовка уголовного правосудия. Оно рассматривалось как инструмент подавления противников советской власти.

Позднее, в середине двадцатых годов, в период расцвета НЭПа, принесшего своеобразную либерализацию советского режима, В.С. Ундерович уточняет, что задачей процессуального законодательства является обеспечить максимум классовой целесообразности в применении судом правовых норм и минимум возможных ошибок при этом применении ².

Учитывая тот факт, что карательная политика государства строится на основе действующего законодательства, принципиальный характер в этой связи приобретает проблема законодательной базы, сформировавшейся в период осуществления новой экономической политики.

В двадцатых годах прошлого столетия в Советской России была проведена огромная работа по принятию кодексов, определивших на многие годы систему правоотношений в стране. В их числе был принят и новый Уголовный кодекс РСФСР, введенный в действие с 1 июня 1922 года, который был заменен Уголовным кодексом в редакции 1926 г., вступившим в силу с 1 января 1927 года.

Примечательно, что и в УК 1922 г. (ст. 5), и в УК 1926 г. (ст. 1) было провозглашено, что их задачами являлась «правовая защита» («охрана» – в УК 1926 г.) пролетарского государства «от преступлений и общественно опасных элементов» (общественно опасных действий – преступлений) «путем применения к нарушителям революционного правопорядка наказания или других мер социальной защиты» («путем применения к лицам, их совершающим, мер социальной защиты» - УК 1926 г.).

¹ Крыленко Н.В. Судостроительство РСФСР. М., 1924. – с.16.

² Ундерович В.С. Основные вопросы нашего судопроизводства //Революция права. 1928. № 1. – с.47.

Одним из спорных моментов в юридической литературе является вопрос о том, носили ли Уголовные кодексы 1922 г. и 1926 г. позитивный характер, или они изначально являлись основой антинародной карательной политики 30-50-х годов прошлого столетия.

В частности положения ст. 7 УК 1926 г. о том, что меры социальной защиты применяются к лицам, представляющим опасность «по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности», могут явиться основанием для широких репрессий. Репрессивный характер новых законоположений в области уголовного права некоторые усматривают и из определения контрреволюционной деятельности, данного в ч. 2 ст. 58-1 УК 1926 г., как действия, непосредственно хотя и не направленного к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти, «тем не менее, заведомо для совершившего его, содержит в себе покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции».

Анализ некоторых норм Уголовных кодексов 1922 г. и 1926 г., их сравнение с действующим уголовным законодательством, и, прежде всего, с правоприменительной практикой судов Тамбовской губернии периода НЭПа позволяют сделать вывод о том, что указанные кодексы были достаточно демократичными.

В призме изложенных положений следует учесть, что сами по себе отдельные нормативные акты, как бы они не были изложены с точки зрения юридической техники, как правило, не могут считаться ни репрессивными, ни либеральными. Таковыми их делает правоприменение, которое, как это следует из архивных материалов, было подвержено влиянию государства, в том числе с помощью формирования идеологии, кадров.

Таким образом, законодательство данного периода носило классовый характер и ориентировалось на выполнение идеологической доктрины, но давало определенные гарантии и защиту прав гражданина¹.

¹ Угроватов А.П. НЭП и законность (1921-1929 гг.). – Новосибирск, 1997. – с.33.

С переходом на мирную работу по восстановлению народного хозяйства В.И. Лениным ставится задача «осуществления большей революционной законности»¹.

Особое отношение к проблеме законодательства при осуществлении карательной политики, по мнению партийного руководства обуславливалось тем, что «новые формы отношений, созданные в процессе революции и на почве проводимой властью экономполитики, должны получить свое выражение в законе и защиту в судебном порядке. Судебные учреждения Советской республики должны быть подняты на соответствующую высоту»².

Мотивируя подобный подход, В.И. Ленин отмечал, что по мере того, как основной задачей власти становится не военное подавление, а управление, - типичным проявлением подавления и принуждения будет становиться не расстрел на месте, а суд³.

В этой связи под революционной законностью стали понимать «установленный и определенный государством правопорядок, комплекс правил, что связывалось с необходимостью разработки системы соответствующих норм»⁴. Примечательно, что «партийный» курс периода осуществления НЭПа – это именно укрепление «революционной законности»⁵.

Стремясь определить основные эволюционные этапы данного процесса, следует отметить, что упрочение законности было процессом болезненным и трудным, однако именно в тот период закладывались правовые устои государства. С началом осуществления НЭПа прослеживались тенденции повышения роль суда и адвокатуры, сужения сферы государственного принуждения.

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 27. М.: Политиздат. 1974. – с.140.

² КПСС в резолюциях. Изд. 9. Т. 2. М., 1983. – с.471-472.

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 22. М.: Политиздат. 1974. – с.460.

⁴ Макеев В.В., Серебрякова Т.Е. Развитие советского государства и права в годы НЭПа (1921-1929 гг.). Учебная лекция. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 1999. – с.19-20.

⁵ Смыкалин А. Судебная реформа 1922 г.//Российская юстиция. - 2002. - № 4. - С. 39.

Несмотря на неоднозначное отношение к праву в начале 20 годов, руководство большевистской партии осознавали, что опираясь только на «революционную совесть» законности не установить. Поэтому о важности издания хороших законов говорилось почти в каждом выступлении партийных и советских руководителей

Однако, взгляды на право и законность как на уступки, связанные с НЭПом, как на юридические пережитки буржуазного строя, которые по мере развития социализма будут якобы ограничиваться и отмирать, проявлялись и в противопоставлении «революционной целесообразности» законности. Предпринимались попытки сочетать оба этих принципа. В частности, член коллегии НКЮ Я.Н. Бранденбургский писал: «Революционная законность не исключает революционной целесообразности, а должна комбинировать с ней, чтобы достичь той цели, которая перед ней поставлена развитием нашей революции»¹.

Однако с середины 20-х годов ситуация в стране стала меняться. И так как к этому времени в советской политической системе еще не оформились политические и правовые механизмы, которые обеспечивали бы верховенство закона и препятствовали бы установлению режима личной власти, стало возможным возникновение и упрочение административно-командных методов управления. Авторитарные методы руководства неизбежно связаны с ограничением демократии и грубыми нарушениями прав граждан.

В этой связи исследователи отмечают, что пренебрежение правом неминуемо влечет за собой деформацию государственного строя. Это стало возможным не только из-за «правовой незащищенности политической системы, но и в силу невысокой политической культуры всего общества, упрощенной трактовки социалистической идеологии, бюрократизации аппарата власти и т.п. Попирались важнейшие демократические ценности:

¹ Бранденбургский Я. Просто законность или революционная законность //Еженедельник советской юстиции. – 1922. - № 31-32. – С.1-2.

независимость судей, презумпция невиновности, принцип состязательности сторон, гуманизм»¹.

Таким образом, сложившиеся в ходе революции и гражданской войны представления о «революционной законности» не претерпели особых изменений. Они определялись главным образом соответствием юридических актов партийной политике и идеологии. При этом даже не обсуждался классовый характер образования и функционирования органов юстиции. При НЭПе трактовка революционной законности связывалась с вводимым государственным капитализмом, «ведущим к социализму».

В силу высказанных соображений представляется возможным говорить о карательной политике периода НЭПа как об элементе идеологически-обоснованной политики всего советского государства, где лояльное отношение к власти, а не профессионализм и законность, являлись условием деятельности советских судов. В этой связи стремление закрепить в качестве основных принципов карательной политики единство построения и организации судебной системы, а так же утверждение закона в качестве основного источника права, было призвано в начале реализации новой экономической политики обеспечить законность, освободив её от рамок революционной целесообразности. Подобные стремления имели половинчатый характер, выразившийся в возвращении к интуитивному пониманию права, обоснованному партийной необходимостью и целесообразностью, что в дальнейшем позволит перейти от свёртывания НЭПа, к формированию репрессивного аппарата, ставшего опорой сталинского режима.

По глубокому убеждению Е.Г. Гимпельсона, двадцатые годы двадцатого столетия в российской советской истории – время борьбы противоположных тенденций: в экономике – рыночной и антирыночной, в политике – либерализации и ужесточения советского режима, переплетение

¹ Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М., 1994. – с.341-342.

усиливающегося партийно-государственного диктата и революционного пафоса значительных масс народа, считавших, что они строят прекрасное будущее – социализм. Здесь – теоретико-идеологическая борьба по вопросам толкования ленинизма и как продолжение этого идейного и политического феномена – становление сталинизма»¹.

Однако, несмотря на непоследовательность судебной реформы периода НЭПа, ее основным достижением стало правовое обеспечение новой экономической политики в деле восстановления народного хозяйства. Утвердившееся единообразие судопроизводства оказало заметное влияние на активизацию всех секторов экономики страны.

¹ Гимпельсон Е.Г. НЭП. Новая экономическая политика Ленина-Сталина. Проблемы и уроки (20-е годы XX века). М.: Собрание. 2004. – с.3.

Глава II. Организационно-кадровые особенности деятельности судов Тамбовской губернии в условиях НЭПа и их влияние на становление российской судебной системы.

§ 2.1 Структурно-организационное устройство судебных органов Тамбовской губернии в период осуществления новой экономической политики.

Одной из определяющих характеристик формирования судебной системы Тамбовской губернии в период осуществления новой экономической политики является проблема организационного устройства судебных органов.

В соответствии с Положением «О судоустройстве РСФСР» от 1922 года, количество участков народного суда в губернии и границ участков определялось постановлением губернского суда и утверждалось губисполкомом и НКЮ РСФСР, который в случае несогласия с распределением районных участков имел право требовать установления определенного минимума участков народного суда для данной губернии.

По существу, первоначально после введения в действие Положения о судоустройстве районирование судебных участков народных судов в уездах основывалось на уже существующих судебных районах в том или ином уезде Тамбовской губернии. В дальнейшем в зависимости от экономических возможностей конкретного уезда создавались новые участки народного суда или сокращались существующие с перераспределением судебных полномочий между оставшимися.

Районирование судебных участков предварительно происходило на заседаниях пленума Губсуда и оформлялось соответствующими протоколами. Периодичность решения таких вопросов Губсудом была разной.

Например, в июле 1923 года на очередном заседании пленума Губсуда было принято решение об увеличении на два судебных участка числа «районов нарсудов Кирсановского уезда», ранее сокращенных с 9 до 6 решением Губисполкома. Также признана нецелесообразной организация Дежурной камеры в г. Липецке¹.

Иными словами, проблемы судоустройства в данный период представляли собой компетенцию как государственных, так и судебных органов. В частности, в феврале 1924 года на совещании судей города Тамбова было принято постановление о распределении города по четырем районам народных судей, при этом были указаны конкретные улицы, площади, хутора, закрепляемые в обслуживание того или иного участка².

В дальнейшем, вопрос районирования судебных участков города Тамбова был рассмотрен и одобрен пленумом Губсуда,³ а затем утвержден на заседании президиума Тамбовского Губисполкома⁴.

Таким образом, вопросы организационного устройства судов в Тамбовской губернии представляли собой проблемы, регулируемые как органами государственной, так и органами судебной власти.

Длительное время существовала определённая неразбериха в распределении контрольных функций во вновь сформированных судебных органах. В качестве примера могут быть приведены материалы копии циркуляра Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции и НКЮ от 4 июня 1924 года за подписями Зам. Наркома РКИ Лисицина, Наркома юстиции и Прокурора РСФСР Курского. Исходя из них, и в целях уточнения взаимоотношений между органами реорганизованной РКИ и органами советской юстиции и прокуратуры НККИ и НКЮ было разъяснено, что

¹ Протокол № 6 заседания пленума Тамбовского губернского суда от 9 июля 1923 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 1, л. 29.

² Протокол совещания народных судей г. Тамбова от 21 февраля 1924 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 13, л. 46-47.

³ Протокол заседания пленума Тамбовского Губсуда № 3 от 26 февраля, 2-3 марта 1924 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 167, л. 6-7 об.

⁴ Протокол № 47 заседания президиума Тамбовского Губисполкома от 16 апреля 1924 г.//ГАТО, Ф.Р-1, оп. 1, д. 640, л. 189.

осуществляя задачу улучшения аппарата советского суда и обслуживающих его органов (дознания, предварительного следствия, прокуратуры и мест заключения) органы РКИ вправе проводить соответствующие обследования деятельности судов и обслуживающих их органов, как для выявления методов их работы, соблюдения установленных процессуальных норм и сроков, так и для проверки правильности проведения классовой линии и результатов осуществления этими органами карательной политики.

Материалы обследования реализуются РКИ согласованно с руководителями обследуемых учреждений. Если разрешение вопросов не достигнуто, то это переносится в соответствующие вышестоящие органы.

Учитывая тот факт, что районирование судебных участков, их организация и содержание зависели от финансирования местными органами власти, необходимым представляется привести некоторые данные, характеризующие социально-экономическое положение Тамбовской губернии, и её уездов.

Поскольку экономическое положение Тамбовской губернии, в 20-х годах прошлого столетия было плачевным, количество судебных участков постоянно сокращалось, на что обращалось внимание, как местных, так и центральных органов власти.

При этом местные органы власти активно вмешивались в судебное строительство, по всей видимости, исходя из финансового положения губернии, давали указание Губсуду о принципах построения сети судебных учреждений.

Так, например, в сентябре 1924 года Губисполком предложил Губсуду установить твердую сеть судебно-следственных участков и там, где можно, увеличить ее, к началу нового 1925-1926 хозяйственного года закончить составление нового проекта районирования судебно-следственных участков ¹.

¹ Директивы V пленума Губисполкома 20-24 сентября 1924 г. Губсуду//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 797, л. 1-1 об.

В соответствии со статьями главы VII Положения о судеустройстве «О функциях губернского суда» организационно-контрольные функции Тамбовский губсуд осуществлял через свой президиум и пленум. В состав президиума Тамбовского Губсуда были включены председатель суда и его заместители. На основании ст. 48 Положения о судеустройстве 1926 года на президиум возлагались функции решения административных вопросов, возникающих в суде, и подготовке материалов на рассмотрение пленума Губсуда в предусмотренных Положением случаях.

В частности, вот как характеризует деятельность президиума Губсуда его председатель в отчете о работе за второе полугодие 1926 года: «Проведено 20 заседаний, в которых рассмотрено 290 вопросов, касающихся как повседневного управления, так и мероприятий, возникающих в организационно-хозяйственной практике судорганов губернии: районирование судебно-следственных участков и проработка штатов – 7; назначение, перемещение и отстранение судебных работников – 75; возбуждение дисциплинарного преследования – 10; уголовного преследования – 1; представление отпусков судработникам – 3; выдача выходного пособия и вознаграждения за сверхурочные работы – 6; командирование судработников на юридические курсы – 9; закрепление членов Губсуда и запасных судей по подразделениям Губсуда – 1; назначение выездных сессий – 2; изучение судебной работы, дача директивных указаний, заслушивание отчетов о работе отдельных подразделений аппарата Губсуда, нотконтор и т.д.»¹.

Подобные вопросы рассматривались на заседаниях президиума Тамбовского губернского суда в течение всего исследуемого периода 20-х годов прошлого столетия, о чём свидетельствуют Протоколы заседаний

¹ Отчет ТГС о работе судебно-следственных учреждений губернии за 2-ю половину 1926 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 576, л. 46 об.-49.

президиума Тамбовского Губсуда ¹. Такое постоянство в повестке дня, свидетельствовало о сохранении означенных проблем на протяжении всего периода НЭПа.

Полномочия пленума Губсуда при кворуме не менее половины «из всех наличных в данный момент челнов губернского суда» были определены в ст. 50 Положения о судеустройстве 1922 г. и в расширенном варианте в ст. 49 Положения о судеустройстве 1926 г.

При этом, заседания пленума Тамбовского Губсуда, в отличие от современного законодательства применительно к заседаниям президиумов областных и им равных судов, проводились периодически, по мере необходимости.

Так, в 1923 г. было проведено 16 заседаний пленума Тамбовского Губсуда, в 1924 г. – 12, в 1925 г. – 11, в 1926 г. – 22, в 1927 г. – 29, за полгода 1928 г. – 23 ².

Представленные архивные данные позволяют указать на возрастание нагрузки в деятельности президиумов в середине новой экономической политики и её спад в период свёртывания НЭПа, что свидетельствует о всё увеличивающейся роли партийно-бюрократических органов.

Особый характер приобретали в данный период проблемы нормирования нагрузки на одного судью. Примечательно, что попытки руководства губернского суда установить норму нагрузки на одного судью, исходя из количества населения, проживающего на судебном участке, потерпели неудачу. Президиум Тамбовского Губисполкома в сентябре 1924 года принял постановление об исключении из предложенной губсудом резолюции фразы о 30-тысячной норме населения на судебный район «и

¹ Протоколы №№ 1-9 заседаний президиума Тамбовского Губсуда за январь-март 1923 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 4.

Протоколы №№ 1-44 заседаний президиума Тамбовского Губсуда за 1927 год//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 720.

² Протоколы №№ 1-16 заседаний пленума Тамбовского Губсуда за февраль-декабрь 1923 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 1.

признать необходимым установить твердую сеть судебно-следственных участков и там, где нужно, принять меры к увеличению ее»¹.

Таким образом, отдельные участки народного суда в уездах обслуживали территории с проживавшим на них населением от 20-30 до 60-70 тысяч человек, что давало разную нагрузку на одного судью, причем в некоторых случаях разница была довольно значительная.

В качестве подтверждения подобных суждений представляется необходимым привести статистические данные, характеризующие количество жителей определённых волостей Тамбовской губернии на одного судью в частности в 1924 году.

Название волости Тамбовского уезда	Количество жителей
Лысогорская	59.307
Горельская	59.307
Больше-Липовицкая	43.892
Новосельская	43.892
Покровско-Пригородная	41.519
Сосновская	40.620
Покрово-Марфинская	40.620
Токаревская	37.948
Паново-Кустовская	45.783
Федоровская	45.783
Каменская	24.165
Коптевская	46.839
Знаменская	46.839
Сампурская	32.707
Рассказовская	47.695
Саюкинская	31.275
Бондарская	48.470
Пахотно-Угловская	48.470
Мордовская	30.360

Анализ представленных статистических данных позволяет установить значительных разброс в количестве жителей, приходящихся на одного судью, в зависимости от определённой волости Тамбовской

¹ Протокол № 111 заседания президиума Тамбовского Губисполкома от 19 сентября 1924 г.//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 640, л. 489-489 об.

губернии. Например, судья Лысогорской и Горельской волости был призван обслуживать 59.397 жителей, а соответственно судьи Каменской волости работали с населением составляющим 24.165 жителей¹.

Позже подобное положение дел сохранит означенную тенденцию. В частности, исходя из данных отчета Тамбовского Губсуда за 1926 год, общая месячная нагрузка по уездам на одного судью составляла: в Тамбовском уезде – 168 дел (54 уголовных и 114 гражданских); в Козловском – 153 (64 и 89); в Кирсановском – 180 (74 и 106); в Моршанском – 138 (60 и 78); в Липецком – 156 (74 и 82); в Борисоглебском – 220 (75 и 145). Причём, нормальной считается нагрузка в 100 дел»².

В свою очередь, в докладе члена Тамбовского Губплана Орловского в июле 1927 года было отмечено, что судебных участков в губернии 70, нормальной нагрузкой на участок нарсудьи считается 100 дел в месяц. Средняя месячная нагрузка на одного судью в месяц составляла: по Липецкому уезду – 220 дел (75 уголовных, 145 гражданских); Моршанскому – 180 (74 и 106); Тамбовскому – 168 (54 и 114); Кирсановскому – 156 (74 и 82); Козловскому – 153 (64 и 89); Борисоглебскому – 138 (50 и 78)³.

Вопрос о принципах районирования вызывал жаркие споры между руководством судебных органов и органов власти Тамбовской губернии. Предметом дискуссии являлась необходимость учитывать экономическое положение конкретного уезда, возможность размещения судебного участка в том или ином волостном центре.

В частности, на совещании в Тамбовском Губисполкоме в апреле 1925 года в ходе обсуждения доклада о районировании судебно-следственных органов губернии, представители власти критически отнеслись к предлагаемому Губсудом районированию, так как «оно

¹ Список районирования народных судов Тамбовской губернии на 1924 год//Ф. Р-1, оп. 1, д. 797, л. 2-9.

² Отчет Тамбовского Губсуда о работе судебно-следственных учреждений губернии за 2-ю половину 1926 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 576, л. 45.

³ Распределение нагрузки на один судебный участок (судью) на 20 июня 1927 г. (доклад-заключение члена Губплана Орловского)//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 1680, л. 32 об.

неравномерно обслуживает население, не учтена преступность по тому или иному уезду, многие судебные органы свои камеры имеют в городах, что создает неудобство для населения».

Возражая означенным доводам, председатель Губсуда Брук, отметил, что этот вопрос согласован с местными органами власти «и с бюджетными возможностями». Результатом дискуссии явилось решение в соответствии с которым, было принято представленное Губсудом районирование судебно-следственных органов губернии, исходя из бюджетных возможностей для текущего бюджетного года. В дальнейшем предлагалось районирование в корне изменить, положив в основу принципы целесообразности и равномерного обслуживания населения судебно-следственными органами, учтя при этом территорию, население, размеры преступности, бытовые условия и волостные единицы ¹.

Подобные рекомендации в процессе судоустройства в большинстве своём не были учтены, что было опосредовано социально-экономическими условиями развития Тамбовской губернии. В качестве яркого подтверждения означенных процессов представляется необходимым указать на материалы, проходившего в сентябре 1925 года в Тамбове седьмого съезда судебно-следственных работников и народных заседателей Тамбовской губернии, в соответствии с которыми, «до сего времени сельское хозяйство все еще не оправилось от голода и бандитизма. В связи с этим местному бюджету приходилось ломать сеть, которая у нас была. Если раньше имели 80 с лишним участков по губернии, то в прошлом году их уже 68. Попытки сохранить сеть судов не увенчались успехом, потому что Губисполком нашел хорошую поддержку во ВЦИКе в вопросе сокращения ².

Структурная нестабильность судебной системы Тамбовской губернии сохранялась и в дальнейшем. В частности в докладе на совещании в НКЮ

¹ Протокол совещания при Организационном отделе Тамбовского Губисполкома от 23 апреля 1925 года//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 967, л. 67

² Материалы 7-го съезда судебно-следственных работников и народных заседателей Тамбовской губернии от 19-21.09.1925 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 368, л. 20-21

РСФСР в июле 1926 года председатель Тамбовского Губсуда Брук отметил, что «сеть судебных участков в течение года изменялась три раза. На 1 января 1925 г. в губернии было 70 судебных участков (16 городских, 51 сельский и 3 смешанных); на 1 января 1926 г. – 75 (17 городских, 56 сельских и 2 смешанных); на 1 апреля 1926 г. – снова 70 (16 городских, 51 сельский и 3 смешанных)»¹.

Стремясь преодолеть подобные деструктивные явления, Совет Народных Комиссаров РСФСР в постановлении от 20 июля 1926 года признал необходимым в целях территориального приближения суда к населению дальнейшее плановое увеличение количества судебно-следственных участков до нормы: один народный суд на каждую волость и один народный следователь на две волости².

Вышеозначенные предписания центральных органов не получили своего осуществления в Тамбовской губернии, о чём свидетельствуют материалы объединенного совещания Управления Прокуратуры Республики, Отдела судебного управления НКЮ РСФСР, Верховного Суда РСФСР, проводившегося в апреле 1927 года, где особо рассматривался доклад о деятельности Тамбовского губернского суда. Поводом такого рода внимания послужило то, что в Тамбовской губернии «судебно-следственная сеть, будучи и без того недостаточной, уменьшилась в 1926 году на 5 участков нарсуда. Губсуду было предложено добиться увеличения судебно-следственной сети по расчету, который указан в резолюции СНК по докладу о работе НКЮ³.

Однако в апреле того же года секретариат президиума Тамбовского губисполкома отказал Губсуду в увеличении числа судебных участков

¹ Доклад предГубсуда Брука на ревизионном совещании при НКЮ РСФСР 28 апреля 1926 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 571, л. 32-32 об.; Ф. Р-524, оп. 1, д. 571, л. 32-32 об.

² Копия постановления СНК РСФСР от 20.07.26 г. «По отчетному докладу Народного Комиссариата Юстиции РСФСР»//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 587, л. 274-276

³ Резолюция объединенного совещания Управления Прокуратуры Республики, Отдела судебного управления НКЮ, Верховного Суда РСФСР от 20 апреля 1927 г. по докладу о деятельности Тамбовского Губсуда и работе прокуратуры Тамбовской губернии//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 1680, л. 5.

«ввиду того, что по бюджету текущего года увеличение судебной сети не предусмотрено и свободных средств на это нет»¹.

Таким образом, судебная сеть Тамбовской губернии к середине 1928 года, когда наметились зримые тенденции отхода от осуществлявшейся новой экономической политики, состояла из 78 участков и представляла собой достаточно пёструю картину. Яркой иллюстрацией подобного положения могут служить статистические данные, характеризующие сеть судебных учреждений Тамбовской губернии².

Уезд	Площадь (кв/км)	Численность населения уезда (человек)	Кол-во судебных участков	Средняя площадь судебного участка (кв/км)	Средняя численность населения участка (человек)
Тамбовский	10.328	565.794	15	686,5	37 387
Борисоглебский	8.514	468.082	14	608,2	33 434
Козловский	8.203	553.462	13	631,0	42 574
Моршанский	7.736	399.984	12	644,7	33 332
Липецкий	5.617	371.698	10	561,7	37 159
Кирсановский	6.342	317.989	8	792,8	39 749
г. Тамбов		70.093	6		11 682

Представленные данные позволяют заключить, что основные элементы судебной сети Тамбовской губернии в период свёртывания новой экономической политики имели неоднородный характер, что в свою очередь оказывало существенное влияние на функционирование судебной системы в целом.

В качестве подтверждения подобных рассуждений представляется возможным указать на тот факт, что средняя численность населения участка колебалась от 11 682 человек в г. Тамбове, до 42 574 человек на участках Козловского уезда. Иными словами, речь может идти о непродуманности судебной сети Тамбовской губернии в данный период, и о её не полном соответствии положениям, принятым центральными советскими органами.

¹ Письмо председателя Тамбовского губисполкома председателю Тамбовского Губсуда от 14 апреля 1927 г.//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 1680, л. 8.

² Сеть судебных учреждений Тамбовской губернии по состоянию на 1 июня 1928 г.//ГАТО, Ф. Р-524, п. 1, д. 851, л. 3.

В силу высказанных соображений, структурные особенности построения судебных органов Тамбовской губернии в период НЭПа наряду с принципиальными чертами, свойственными для всего советского государства и нормативно закреплёнными в действовавшем законодательстве, характеризовались определёнными отличиями, опосредованными социально-экономическими и политическими чертами, свойственными именно для Тамбовской губернии в данный исторический период.

Организованная таким образом судебная система была призвана предоставить наибольшие возможности для установления единообразного применения законов и судебной практики, хотя бы в масштабах губерний, исправления допускаемых судебных ошибок, укрепления законности в деятельности судов, однако не и влияния советско-партийной номенклатуры на направления судебной деятельности, влияние на и классовую линию и формирование карательной политики.

Результатами осуществления преобразований стали: создание многозвенной судебной системы, способной в достаточной степени гарантировать хотя бы формальное соблюдение принципа законности при рассмотрении уголовных и гражданских дел; формирование профессиональных кадров для работы в судебных учреждениях; появление системы правоохранительных органов; переход к пониманию права как системы позитивных норм, санкционированных государством и обеспеченных силой государственного принуждения.

Подобное обращение к рассмотрению особенностей структурного устройства судебных органов в определённом регионе в период реформирования судебной системы в 20 – е годы XX века, позволит создать наиболее целостную картину исследуемого явления и оценить опыт правовой жизни, обрести возможность развивать, совершенствовать отдельные элементы современной правовой системы, наполняя их новым правовым смыслом.

Особое место в обеспечении должного функционирования судебной системы занимает материальное обеспечение судов и судей, напрямую сказывающееся на деятельности конкретных судебных органов, и реализации стоящих перед ней задач.

Социально экономические трудности периода осуществления новой экономической политики, опосредовали исключительно скудное материальное обеспечение, как судебных органов, в стране в целом и в Тамбовской губернии в частности. До 1 июля 1922 года судебные органы Тамбовской губернии обеспечивались за счёт средств, выделяемых из бюджета государства Народным комиссариатом финансов РСФСР. Подобный способ распределения материальных средств, ставил суды губернии в прямую зависимость от органов исполнительной власти.

Таким образом, в до реформенный период, руководство судебной системы было возложено на органы Народного комиссариата юстиции РСФСР, его органы на местах – Губернский отдел юстиции и уездные бюро юстиции, через которые и осуществлялось материально-техническое обеспечение судов.

Подобные патронажные отношения оказывали влияние на авторитет судебных органов. Так, в докладе отдела юстиции Губернского исполнительного комитета 6-му съезду Советов Тамбовской губернии отмечалось, что «постановления судебных органов не имеют достаточного авторитета и потому часто не только игнорируются местными властями, но и совершенно незаконно отменяются.

Кроме того, в докладе указывалось, что такое отношение местной власти, опосредовало не соответствующее материальное обеспечение, например, по устройству помещений, подаче лошадей. При этом отмечается неаккуратное разассигнование центром нужных средств, что ведет, особенно на местах, к нежелательным, а иногда и печальным последствиям. Сотрудники судебных учреждений, не получая своевременно, иногда

месяцами, денежное содержание, стремились, вполне понятно, при первой возможности перейти в другие учреждения»¹.

Вызывали нарекания и помещения, в которых осуществлялось правосудие. В частности в Протоколе комиссии при Спасском уездном исполнительном комитете об обследовании уездного бюро юстиции и других судебных учреждений констатируется, что «судебные учреждения разбросаны по всему городу, и работа их протекает при условиях в высшей степени ненормальных. За отсутствием соответствующего помещения совещаться суду приходится почти публично, некуда помещать прикосновенных к делу лиц (нет помещения для свидетелей)².

Ярким подтверждением подобных суждений могут быть материалы резолюции 5-го Тамбовского губернского съезда судебных работников от 11-14 января 1922 года, указывавшие на недостаточность снабжения камер нарсудов помещениями, отоплением, освещением и канцелярскими принадлежностями, а также справочно-юридической литературой; полную материальную необеспеченность судебных работников, в особенности технических, всем необходимым³.

Таким образом, представляется возможным говорить об отсутствие должной независимости и самостоятельности судебных работников, следствием чего является вмешательство в деятельность судебных работников других органов власти, подрывающее авторитет и достоинство народного суда в глазах населения и местных органов власти

С 1 июля 1922 г. финансирование судебных органов на местах было передано местным органам исполнительной власти, причём финансовое положение последних центром не учитывалось. Это привело, во-первых, при смене финансирующих органов к организационным накладкам, а, во-вторых, ввиду слабого экономического положения как уездных органов власти, так и

¹ Материалы ГАТО. Ф. Р-1, оп. 1, д. 151, л. 11-13 об.

² Материалы ГАТО. Ф. Р-1, оп. 1, д. 300, л. 77-77 об.

³ Материалы ГАТО. Ф. Р-634, оп. 1, д. 3, л. 92.

Губисполкома, к снижению финансового обеспечения судебных органов губернии.

В этой связи, заместитель председателя Губисполкома Клокотин обращается в Наркомфин и Наркомюст Республики с телеграммой следующего содержания. «По сообщению Наркомюста с 1 июля судебные органы переводятся на местные средства. Сообщаем, что задолженность Губюста по май включительно заработной платы выражается в четыре миллиона пятьсот тысяч рублей в знаках 1922 года. Местный бюджет наш имеет большой дефицит, покрыть который возможно только дотацией, а посему Губисполком категорически заявляет, что теперь принять на содержание местного бюджета судебные органы невозможно. Кроме того, настаиваем на скорейшем отпуске дотации»¹.

Предположения тамбовских представителей судебной и исполнительной власти, оказались обоснованными и уже в сентябре 1922 года съезд судебных работников Тамбовского уезда Тамбовской губернии отмечает крайне нестабильное состояние судов и судей².

Означенное положение, пагубно сказывавшееся на деятельности судов, сохранялось длительное время. В подтверждение сказанного можно привести материалы отчёта Прокурора Тамбовской губернии Прокурору Республики о работе с 15 октября 1922 г. по 1 января 1923 г. сообщает, что «материальное положение народных судей находилось в крайне неудовлетворительном состоянии, а с переходом их на местные средства они совершенно не получали жалования. Нельзя признать, чтобы недостаточное урегулирование этого вопроса до настоящего времени зависело от невнимательного отношения к нему Губисполкома, но в распоряжении Уисполкомов не было достаточных местных средств для покрытия расходов на содержание судебных работников ...»³.

¹ Материалы ГАТО. Ф. Р-1, оп. 1, д. 461, л. 7.

² Материалы ГАТО. Ф. Р-1, оп. 1, д. 557, л. 11-11 об.

³ Материалы ГАТО. Ф. Р-1, оп. 1, д. 557, л. 11-11 об.

Подобное положение дел сохранялось во всех уездных судах губернии, о чём свидетельствуют архивные материалы. В частности, руководство Губернского совета народных судей в конце 1922 года неоднократно обращается к председателям Губернского исполнительного комитета и уездных исполнительных комитетов (Шацкого, Спасского, Кирсановского, Моршанского, Тёмниковского и других) с письмами такого содержания: «судебные работники уезда с переходом на местные средства, т.е. с 1 июля с.г. совершенно ничего не получают от местного УИКа, почему и служащие терпят нужду, а также приостанавливается их работа», «техперсонал уходит»; с просьбами «сделать распоряжение ... об удовлетворении судебных работников уездов»¹.

Стремясь разрешить означенную проблему, наряду с иными проблемами судоустройства данного периода, в январе 1923 г. в связи с принятием Положения о судоустройстве РСФСР в Тамбовской губернии на базе Губсовнарсуда и Губревтрибунала был образован Губернский суд и народные суды в уездах. Организационная деятельность по обеспечению работы судебных органов была возложена на Губернский суд и уполномоченных уездных судов за счёт средств, выделяемых из губернского и уездных бюджетов.

Подобные преобразования не принесли скорейшего результата, сохраняя проблемы не только с финансированием деятельности судебных органов губернии, но и с обеспечением их помещениями, пригодными для рассмотрения судебных дел. И это касалось не только какого-нибудь участка народного суда в глубинке, но и самого губернского суда.

Например, председатель Тамбовского губернского суда Носков в докладе в Народный комиссариат юстиции РСФСР по состоянию на 1 марта 1923 г. доносит, что «продуктивность работы Губсуда тормозится по следующим причинам. Помещение, отведенное Губсуду, совершенно не

¹ Материалы ГАТО. Ф. Р-5201, оп. 1, д. 121, л. 9, 11, 14, 16, 18 и др.

удовлетворяет его требованиям. Единственный приличный зал отведен для судебной коллегии Уголовного отдела, причем и в нем пришлось отгородить в углу совещательную комнату, за неимением специальной. Зал для кассационных коллегий есть ни что иное, как одна из половинок перегороденной комнаты, причем вторая часть этой комнаты занята Личной частью, бухгалтерией и хозотделением, почему во время заседаний кассационных коллегий по залу происходит хождение. Зал для судебных и кассационных заседаний коллегий Гражданского отдела один, почему и приходится вести заседания поочередно.

Помимо этого для членов Губсуда отдельных помещений не имеется, вследствие чего все подготовительные работы приходится исполнять или в канцелярии, где стучат машинки и ходят посетители, или в единственной совещательной комнате, когда нет заседаний. Губсуд имеет в своем распоряжении только 6 пишущих машин, которые пришли в совершенную негодность, и у Губсуда нет средств не только на приобретение новых, но и на починку старых. Представляя при сем краткий доклад об организации Губсуда, прошу обратить внимание на бедственное положение, которое приходится испытывать Тамбовскому Губсуду за отсутствием надлежащих кредитов на отправку почты, ремонт помещений и т.п.»¹.

Стремясь координировать деятельность по материальному обеспечению уездных судов, работники Губернского суда систематически осуществляли проверки судебной деятельности районных судей с выездом на места и составлением соответствующих отчетов. Из этих документов вырисовывается совершенно удручающая картина условий, в которых осуществлялось правосудие. В большей мере это можно отнести к пренебрежительному отношению советско-партийных органов к судам и судьям, поскольку создать более или менее приемлемые условия для функционирования судебной системы губернии было возможно.

¹ Материалы ГАТО. Ф. Р-524, оп. 1, д. 29, л. 4-6.

Прежде всего, следует говорить о совершенно неудовлетворительном обеспечении судов помещениями. Например, в акте ревизии народного суда 3-го района Липецкого уезда (судья Кушнарёв С.А.), проведённой запасным судьёй Губсуда Сурковым 22-23 сентября 1923 года отмечено, что «камера суда находится в здании Волисполкома, под камеру занята одна комната, в коей помещаются канцелярия, зал судебного заседания общий с земельным комитетом. Отдельной комнаты для совещания судьи и свидетелей нет. Помещение своему назначению не соответствует¹.

Подобное состояние дел имело повсеместный характер, например, в аналогичном документе по результатам ревизии 16-17 сентября 1923 года народного суда 2-го района Липецкого уезда констатируется, что «суд помещается в доме, находящемся в распоряжении Уздравотдела. Камера занимает 2 комнаты, остальная часть дома занята местными врачами. Помещение не соответствует своему назначению. Камера оборудована весьма скудно, имеется один стол малого размера и 2 стола самодельной работы во временном пользовании. Имеются 2 скамьи, стул, 2 ветхих кресла, 2 «шкапа» для дел. Последний аванс на канцелярские и хозяйственные нужды, на разъезды и вознаграждения народных заседателей был получен 5 мая с.г.»².

В свою очередь, по результатам проверки народных судов Липецкого уезда в докладе запасного судьи Суркова председателю Губсуда от 24 сентября 1923 года сообщается, что «камеры оборудованы скудно и некоторые почти без обстановки. За недостаточностью средств на канцелярские и хозяйственные расходы канцелярии судов находятся без необходимых принадлежностей: нет бумаги, чернил, повесток, бланков и т.п., помещения остаются подолгу с немывтыми полами»³.

¹ Материалы ГАТО. Ф. Р-524, оп. 1, д. 35, л. 7-11.

² Материалы ГАТО. Ф. Р-524, оп. 1, д. 35, л. 11а-15 об.

³ Материалы ГАТО. Ф. Р-524, оп. 1, д. 35, л. 29-30 об.

Такое же положение имело место и в других уездных народных судах губернии. В этой связи в отчете председателя Губсуда Брука от 5 ноября 1923 года о ревизии нарсудов, произведенной с 8 мая по 6 октября 1923 года, заведующему 1-м Отделом Наркомюста, члену коллегии НКЮ Бранденбургскому докладывается, что из «обревизованных» 73 районов нарсудов Тамбовской губернии отмечается «недостаток отпускаемых денежных сумм местными Уисполкомами на канцелярские и хозяйственные надобности нарсудей, вследствие чего последние испытывают крайне острую нужду в самых необходимых канцелярских предметах, и за отсутствием подходящих помещений и инвентаря отправляют правосудие в убогой обстановке, подрывая авторитет и достоинство суда.

За недостаточностью тех же средств не имеют возможности приобрести необходимую руководящую литературу. Полное отсутствие средств на передвижение в границах района является одной из причин, тормозящих правосудие и разгрузку дел. Как общее явление для всех нарсудов замечается отсутствие средств на уплату вознаграждения за явку в суд свидетелей и экспертов, что влечет отложение дел, вызывает волокиту в делопроизводстве¹.

Подобное положение дел, при всей глобальности задач, стоящих перед судебными органами в период осуществления новой экономической политики, сохранялось длительное время, о чём ярко свидетельствуют архивные материалы. В частности на расширенном заседании пленума Тамбовского Губсуда 22 сентября 1927 года судьёй Яковлевым было доложено о результатах ревизии судебных учреждений Липецкого уезда. В частности, отмечено, что «камеры нарсудов располагались в муниципализированных зданиях, за исключением камер 3 и 8 районов, находившихся в частных крестьянских домах. В судах 3, 6, 7 и 8 районов мебели очень мало, для вызываемых лиц скамеек совершенно не имеется, из явившихся в судебные заседания лиц некоторые сидят на окнах, а

¹ Материалы ГАТО. Ф. Р-524, оп. 1, д. 35, л. 184-184 об.

большинство стоят по несколько часов, а, утомившись, садятся и ложатся на пол»¹.

В октябре того же года на пленуме Губсуда доложены результаты ревизии судов Моршанского уезда, отмечено, что народный суд 10 района находится в неимоверно тяжелых условиях: под канцелярию отведена одна комната в здании Салтыковского ВИКа. Комната грязная, всего лишь одно окно и, безусловно, мала для работы сотрудников, инвентаря немного, и тот ветхий. В сельских районах, как правило, залы судебных заседаний находятся вне помещений канцелярий судов, проводятся в избах-читальнях и народных домах. Значительное количество инвентаря, находящегося в пользовании судов, принадлежит ВИКа, школам и другим учреждениям. «Общим недостатком всех судов является полное отсутствие портретов вождей пролетариата и лозунгов на стенах помещений»².

Степень важности проблемы материально обеспечения судов подтверждается например тем фактом, что в сентябре 1927 года вопрос об обследовании прохождения дел в судебно-следственных органах с целью ускорения и упрощения расследования «в разборе» дел и соблюдения классовых интересов рассматривался на коллегии Тамбовской РКК (протокол № 63). По результатам рассмотрения было предложено Губсуду «принять меры к предоставлению нарсудам более подходящих помещений...»,³ что свидетельствует о крайне неблагоприятном положении дел в этом направлении и их особой роли.

Наряду с проблемами подобного характера, особое значение в процессе реформирования судебной системы в период НЭПа приобрели вопросы финансирования деятельности судов.

Наиболее характерные черты финансового состояния судов Тамбовской губернии отражены в частности в докладе уполномоченного Губсуда по городу Тамбову и Тамбовскому уезду Фирсова о работе с 1

¹ Материалы ГАТО. Ф. Р-524, оп. 1, д. 715, л. 332 об-333.

² Материалы ГАТО. Ф. Р-524, оп. 1, д. 716, л. 60 об-63.

³ Материалы ГАТО. Ф. Р-524, оп. 1, д. 839, л. 17-19.

января по 1 октября 1923 года на VI съезде судебных работников Тамбовской губернии, где было отмечено «совершенно неудовлетворительно обеспечение судов. Например, по Тамбовскому уезду на канцелярские и хозяйственные расходы отпущено: в январе – 28% от сметы, в феврале и августе ничего, в марте – 27%, апреле – 43%, мае – 9%, июне – 8%, июле – 9%, сентябре – 17%. На путевое довольствие, вознаграждение свидетелей и экспертов отпущено: в январе – 50%, в феврале, марте и мае ассигнований не было, в апреле – 25%, июне – 16%, июле – 33%, августе – 67%, сентябре – 29%. На наем, оборудование и содержание помещений выделено: в январе – 35%, марте – 8%, мае – 20%, июне – 27%, июле – 26%, августе – 22%, сентябре – 33%¹.

В свою очередь, в акте ревизии уполномоченного Губсуда по Липецкому уезду Кучинского И.П., проведённой запасным судьёй Губсуда Сурковым 15 сентября 1923 года, отмечено, что кредит на канцелярские, почтовые, хозяйственные и разъездные расходы отпущен в недостаточном размере, а на оплату жалования – с опозданием на 1,5-2 недели. Причем кредит на канцелярские и хозяйственные нужды на июль, август и текущий месяц совершенно не отпущен, вследствие чего канцелярия находится в совершенно затруднительном положении. Кредит на вознаграждение свидетелям, экспертам и народным заседателям совершенно не отпускался².

Вышеозначенные финансовые проблемы были характерны для всего периода НЭПа. Например, в тезисах к отчётному докладу уполномоченного Губсуда по Моршанскому уезду о деятельности судебно-следственных органов уезда за время с 1 января 1927 года по 1 июня 1928 года отмечается, что работа судебного аппарата «все время протекала в неблагоприятных материальных условиях. ... Ассигнования на канцелярские, почтовые и хозяйственные нужды, а также командировочные расходы не отвечают

¹ Материалы ГАТО. Ф. Р-1, оп. 1, д. 682, л. 80-81.

² Материалы ГАТО. Ф. Р-524, оп. 1, д. 35, л. 1-2 об.

самым насущным потребностям. Отсутствуют средства передвижения, суточные и командировочные расходы»¹.

Отдельного разговора требует вопрос единообразия материального обеспечения судей и работников судебного аппарата губернии в 1922-1928 годах. Архивные документы всего исследуемого периода содержат множество обращений как нижестоящих судебных работников, так и руководства Губернского суда с просьбой о приведении финансово-материального положения судов к единой форме.

В качестве примера возможно проанализировать материалы доклада председателя губернского суда Брука в мае 1924 года на заседании президиума Тамбовского Губисполкома, предложившего отнести содержание народных судов на губернский бюджет, то есть речь шла о централизации и распределении через Губсуд кредитов на содержание народных судов. При этом предлагалось обратить внимание на разнообразность применяемых на местах норм заработной платы работникам судов. Президиум постановил предложение ПредГубсуда отклонить, как противоречащее бюджетному порядку, однако рекомендовал принять меры к введению однообразных ставок, не допуская ни в коем случае снижения таковых против предусмотренных сметой разрядов².

Подобное положение дел, сохранявшееся на протяжении всего периода осуществления новой экономической политики, имело ряд объективных причин, объяснявшихся экономическими трудностями в стране в целом, однако следует учесть, что само отношение государственных органов к обеспечению деятельности судов носило своего рода остаточных характер по сравнению с финансированием иных государственных сфер.

В качестве подтверждения целесообразно привести архивные сведения, содержащиеся в сборнике «Местный бюджет Тамбовской губернии на 1927-28 бюджетный год и исполнение бюджета за 1926-27

¹ Материалы ГАТО. Ф. Р-524, оп. 1, д. 839, л. 40 об-41.

² Материалы ГАТО. Ф. Р-1, оп. 1, д. 640, л. 284 об.

годы», в соответствии с которыми средние ставки зарплаты работников сетевых учреждений Тамбовской губернии в 1926/27 и 1927/28 г.г. были значительно выше чем у работников судов. Например, заведующие больницами получали 160 (губгород – 180 руб.); врачи – 80 – 125 руб. (губгород – 95 - 220 руб.); агрономы – 80 - 95 руб.; участковые ветврачи – 80 – 95 руб., при том, что заработная плата народного судьи составляла 77 рублей.

Для примера оклады в учреждениях местного бюджета, установленные Губисполкомом по предложениям губернского отдела труда в 1928 году составляли: юрисконсульта уездного исполкома – 165 рублей, уездного агронома – 140 рублей, председателя УИКа – 172 рубля, членов президиумов УИКа – 150 рублей; заведующего подотделом благоустройства - 245 руб., юрисконсульта – 120 руб.; старшего брандмейстера пожарной команды – 115 руб.; заведующего губернским архитектурным бюро – 172 руб. 26 коп.. научного сотрудника – 113 руб. В свою очередь, оклады по нарсудам на 1928 г. Устанавливались следующим образом: 1) по г. Тамбову: уполномоченный Губсуда – 120 руб., 8 должностей народных судей – по 77 руб., 8 должностей секретарей – по 45 руб., народные следователи – по 77 руб., делопроизводители – 40 руб.; 2) в уездных городах: уполномоченный Губсуда – 5 должностей по 120 руб., нарсудьи и нарследователи – по 77 руб., секретари – по 45 руб., делопроизводители – по 35 руб.; 3) в сельских местностях: народные судьи и – по 77 руб., секретари – по 40 руб., делопроизводители – по 30 руб¹.

Таким образом, очень слабое финансирование судов губернии в 20-х годах прошлого столетия, а порой и его отсутствие, при запредельной судебной нагрузке приводило к частой смене судей, оттоку

¹ Материалы ГАТО. Ф. Р-1, оп. 1, д. 1925, л. 25.

Материалы ГАТО. Ф. Р-1, оп. 1, д. 1925, л. 29-34.

квалифицированных кадров и без того небольшого аппарата судов, к браку в судебной работе, низкому авторитету судебных органов у населения.

§ 2.2 Организационно-институциональные особенности судебной деятельности в Тамбовской губернии в контексте реформирования судебной системы в годы НЭПа

Одним из определяющих факторов деятельности судов является их кадровое обеспечение. Кадровая политика государства в судебной системе данный период строится на основе принципа закреплённого XI съезде ВКП(б) в 1922 году и сводящегося к необходимости распоряжаться людскими ресурсами, как способе обеспечения государственной политики в целом¹.

Исходя из означенного принципа основу трудовой деятельности составлял политический опыт в противовес практическому или профессиональному. В частности должность судьи, была доступна лицу, отработавшему в органах юстиции или общественно-политических организациях 2-3 года².

Таким образом именно вопрос об усилении судов коммунистами-юристами находился в данный период в центре внимания губкомов партии³.

Анализируя численный состав судебных органов данного периода следует указать на статью 39 Положения о судоустройстве РСФСР 1922 года, в соответствии с которым губернский суд состоял из председателя губернского суда и двух его заместителей – одного по гражданскому, другого по уголовному отделу, двенадцати постоянных членов губернского суда, призываемых для участия в заседаниях губернского суда губернских народных заседателей и состоящих при нем учреждений, положенных по штату, количеством секретарей губернского суда и иных должностных лиц.

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. М.: Политиздат. 1975. – с.123.

² Какоурова Н.А. Карательно-репрессивный характер судебно-прокурорской системы и партийно-государственное влияние на формирование органов суда и прокуратуры в Восточной Сибири в 20-е гг. XX века. – <http://mion.isu.ru/pub/power/13.html>.

³ Курицын В.М. Становление социалистической законности. М.: Изд-во «Наука», 1983. – с.119.

Центральные органы, осуществлявшие управленческие функции на местах, регулировали кадровый состав Губ.судов. В качестве подтверждения, целесообразно обратиться к положениям препроводительного письма НКЮ РСФСР от 16 февраля 1923 года, содержащим сведения, предписывающие штатный состав Тамбовского губернского суда. Кроме того, в этом документе подробно приводится наименование и количество соответствующих должностей судей Тамбовского губернского суда и технического персонала, а всего 205 штатных единиц ¹.

Во исполнение означенного акта центральных органов власти и в соответствии с приказом председателя Губсуда № 25 от 28 февраля 1923 года было объявлено штатное расписание суда, «полученное из Наркомюста». В штате Губсуда были закреплены председатель суда, два его заместителя – «заведующие» гражданским и уголовным отделами, все 17-го разряда; по пять членов Губсуда в гражданском и уголовном отделах, по 16-му разряду; пять запасных судей Губсуда по 16-му разряду; а также части: личного состава, архивная, комендантская, секретариат уголовного и гражданского отдела, бухгалтерия, делопроизводители, машинистки ².

Контрольные функции центра носили постоянный характер, в частности в мае 1923 года Тамбовский губернский суд был «обревизован» сотрудниками аппарата НКЮ РСФСР. В акте ревизии отмечено, что губсуд организован по схеме НКЮ согласно утвержденному штату. «Наличный состав сотрудников – 119 человек, из них членов суда - 13, запасных судей - 4, старших следователей – 10 и прочих сотрудников – 92» ³.

Совершенствуя численный состав, губернский суд в конце 193 года отправляет в НКЮ РСФСР письмо, в котором просит утвердить штат

¹ Копия препроводительного письма НКЮ РСФСР от 16 февраля 1923 г. о штатах Тамбовского губернского суда//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 86, л. 3, 4-7.

² Книга приказов Тамбовского губернского суда за 1923 год. Приказ № 25 от 28 февраля 1923 г. по Тамбовскому Губсуду//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 11, л. 18-20.

³ Список должностей, необходимых для доукомплектования штата Тамбовского губернского суда, направленный Народному комиссару юстиции 18 октября 1923 г. за исх. № 24988//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 14, л. 10.

Тамбовского Губсуда, в котором предусматривалось 147 должностей. Помимо председателя Губсуда и двух его заместителей, штатное расписание планировало по 6 членов Губсуда и по два практиканта Губсуда в гражданском и уголовном отделах, секретариаты отделов, административно-хозяйственное управление, части общеканцелярскую, личного состава, архивную, информационную, комендантскую (7 красноармейцев), исполнительную, инструкторско-ревизионное отделение, бухгалтерию, 8 старших следователей¹.

В этой связи следует указать на тот факт, что численность лиц, входящих в штат Губсуда постоянно колебалась, о чём в частности свидетельствуют архивные материалы. Например, в 1924 году штаты Губсуда составляли в апреле – 128 штатных единиц,[148] причём в августе этого же года - 119 единиц².

В свою очередь, в начале 1926 года штатная численность Тамбовского губернского суда была стабильна и составляла 119 человек³.

Однако в дальнейшем, с учётом процесса реформирования губ.суда, состоявшего в передаче штатных единиц в организованно всего 89 штатных единиц⁴.

Таким образом, состав губернского суда был определен в ст. 40 Положения о судеустройстве РСФСР 1922 года и в ст. 39 Положения 1926 года. Он состоял из председателя суда, двух его заместителей – одного по гражданскому и одного по уголовному отделам и постоянных членов губернского суда. Причём, исходя из Положения о судеустройстве 1922 года, число членов Губсуда было определенным – 12. В свою очередь по

¹ Штат Тамбовского Губсуда, составленный согласно предписанию НКЮ от 27 октября 1923 г. за № 12/4291, представленный в НКЮ для утверждения 31 октября 1923 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 14, л. 12-14 об.

² Штаты Тамбовского губернского суда, утвержденные на заседании Центральной штатной комиссии от 11 июля 1924 г., присланные ИЗ НКЮ 25 августа 1924 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 86, л. 1-2.

³ Штаты губернского суда, утвержденные на 1925-1926 бюджетный год Совнаркомом РСФСР//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 560, л. 43-44 об.

⁴ Копия Твердых штатов Тамбовского губернского суда, установленных Народным комиссариатом рабоче-крестьянской инспекции РСФСР согласно постановлениям СНК РСФСР от 20 сентября 1927 г. и 20 февраля 1928 г. «О государственном нормировании заработной платы»//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 850, л. 29.

положению 1926 г. количественный состав членов Губсуда был обозначен «в числе, определяемом штатами». Очевидно, это было сделано для крупных губернских судов со значительным объемом работы, который требовал более двенадцати постоянных членов суда.

Вышеозначенные нормативные акты уточняли и число членов уголовного и гражданского отделов Губсуда. Если сначала их количество исходя из норм ст.ст. 52, 53 Положения 1922 года, было фиксированным и составляло по 7 человек в каждом отделе, включая «заведующего отделом» - заместителя председателя Губсуда, то впоследствии, в силу ст. 51 Положения 1926 года, состав отделов образовывался «из постоянных членов губернского суда в числе, определяемом штатами» В свою очередь гражданский и уголовный отделы Губсуда разделялись в соответствии с указанными законами о судеустройстве «на отделения судебное и кассационное».

Особо следует отметить тот факт, что в соответствии со статьями главы VII Положения о судеустройстве «О функциях губернского суда» организационно-контрольные функции Тамбовский губсуд осуществлял через свой президиум и пленум. В состав президиума Тамбовского Губсуда были включены председатель суда и его заместители. На основании ст. 48 Положения о судеустройстве 1926 года на президиум возлагались функции решения административных вопросов, возникающих в суде, и подготовке материалов на рассмотрение пленума Губсуда в предусмотренных Положением случаях.

В частности, вот как характеризует деятельность президиума Губсуда его председатель в отчете о работе за второе полугодие 1926 г. Проведено 20 заседаний, в которых рассмотрено 290 вопросов, касающихся как повседневного управления, так и мероприятий, возникающих в организационно-хозяйственной практике судорганов губернии: районирование судебно-следственных участков и проработка штатов – 7; назначение, перемещение и отстранение судебных работников – 75;

возбуждение дисциплинарного преследования – 10; уголовного преследования – 1; представление отпусков судработникам – 3; выдача выходного пособия и вознаграждения за сверхурочные работы – 6; командирование судработников на юридические курсы – 9; закрепление членов Губсуда и запасных судей по подразделениям Губсуда – 1; назначение выездных сессий – 2; изучение судебной работы, дача директивных указаний, заслушивание отчетов о работе отдельных подразделений аппарата Губсуда, нотконтор и т.д.».[141]

Примечательно, что заседания пленума Тамбовского Губсуда, в отличие от современного законодательства применительно к заседаниям президиумов областных и им равных судов,) проводились периодически, по мере необходимости.

Особое значение в организационном обеспечении деятельности Тамбовских судов периода осуществления новой экономической политики, имеет распорядок их работы, и в частности продолжительность рабочего дня судей и работников аппарата судов. В частности в Тамбовском областном архиве в книгах приказов по Тамбовскому губсуду вопросу соблюдения трудовой дисциплины уделялось особое внимание с акцентом на строгое соблюдение соблюдения трудовой дисциплины.

Например, в архиве сохранились Правила внутреннего распорядка для губернского суда, народных судей, губпрокуратуры и нотариата на 1924 год. В них предусматривалось, что в губсуде, губпрокуратуре, канцеляриях уполномоченных Губсуда по уездам, в народных судах, у народных следователей и в нотариате «работа производится полных 6 часов».[147]

В очередном приказе председателя Губсуда в январе 1925 года отмечалось, что многие сотрудники «являются на службу, а также уходят со службы, не дожидаясь конца занятий. Находя, что работа в губсуде должна продолжаться полные 6 часов, начинаясь с 10 часов утра и оканчиваясь в 4

часа дня», всем сотрудникам Губсуда предлагалось внутренний распорядок соблюдать безусловно¹.

В дальнейшем в апреле 1925 года председатель Губсуда издаёт приказ в соответствии с которым для всех сотрудников Губсуда с 1 мая по 30 сентября занятия в губсуде начинать с 9 часов и оканчивать в 15 ½ часов. Накануне дней отдыха и республиканских праздников занятия производятся с 9 часов до 15 часов без перерыва².

За нарушение режима рабочего времени судьи подвергались денежным начетам. Так, приказом от 24 декабря 1927 г. председателя Губсуда «с члена Губсуда Камневой за 10 часов 14 минут опозданий явкой на работу за период с 31 октября с.г. по 17 декабря с.г., составляющих 1 ½ рабочего дня, провести удержания из заработной платы в размере 1/24 месячной ставки за каждый день. Справка (основание): сводка о лицах, нарушающих трудовую дисциплину, с резолюцией председателя Губсуда»³.

Исходя из выше изложенного, следует отметить то, что своего рода укороченный режим работы был характерен для всего периода НЭПа, независимо от времени года, и, очевидно, это было правильным.

В современных условиях признано, что выполнение обязанностей судьи тяжело отражается на его здоровье и психике. Не случайно государство законодательно предусмотрело сокращенный стаж работы в должности судьи для досрочного выхода на пенсию (в почетную отставку) при наличии 20-25 лет работы в этой должности. Представляется разумным и в нынешних условиях рассмотреть вопрос об установлении для судебных работников и аппарата судов сокращенного рабочего времени по аналогии с 20-ми годами прошлого столетия. Это никак не скажется на сроках рассмотрения дел и качестве судебных решений, поскольку работа судьи не

¹ Материалы ГАТО. Ф. Р-524, оп. 1, д. 35, л. 29-30 об.

² Приказы №№ 1-135 по губсуду за 1925 год. Приказ № 14 от 24 января 1925 г.// ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 367, л. 6 об.

³ Приказы №№ 1-186 по губсуду за 1927 год. Приказ № 182 от 24 декабря 1927 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 723, л. 185 об.

нормированная и при необходимости судьи работают и будут работать, не считаясь со временем для достижения поставленных перед правосудием задач.

Анализируя кадровые проблемы судов Тамбовской губернии в период осуществления НЭПа следует обратить внимание на порядок назначения судей. Как было предусмотрено в ст. 42 Положения о судоустройстве 1922 года и воспроизведено в ст. 41 Положения 1926 года, председатель, его заместители и члены губернского суда избирались губернским исполнительным комитетом сроком на один год и утверждались Народным Комиссариатом Юстиции, которому принадлежало право выдвигать и своих кандидатов на эти должности. Указанные лица могли быть переизбраны на новый срок. Досрочные их отзыв или смещение с должности допускался постановлением губисполкома и, как правило, только с «санкции» НКЮ РСФСР.

Этот порядок формирования Губсуда в Тамбовской губернии периода НЭПа в целом соблюдался. Естественно, что кадровые вопросы предварительно рассматривались Губернским комитетом и уездными комитетами ВКП(б), и лишь в случае одобрения той или иной кандидатуры она представлялась к назначению в губисполком и, как правило, проходила.

В областном архиве имеется список номенклатурных должностей Тамбовского губернского суда, из которого следует, что председатель губернского суда, его заместители и члены суда, уполномоченные Губсуда в уездах относились к номенклатуре Губкома ВКП(б); 16 должностей, в том числе уполномоченные Губсуда, не входящие в его штат, а также народные судьи – к номенклатуре Укомов ВКП(б); 23 должности, в их числе истопники, дворники, уборщицы, сторожа – к номенклатуре ячейки ВКП(б)¹.

¹ Список номенклатурных должностей Тамбовского губернского суда с подразделениями на губернский, районный (уездный) и ячейковый масштаб//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 820, л. 1-1 об.

Таким образом, без согласования с перечисленными партийными органами вопрос о приеме на работу положительно разрешен быть не мог. Иллюстрацией кадровых согласований с партийными органами может служить письмо председателя Губсуда Брука в Губком ВКП(б) от 16 сентября 1924 г. Ссылаясь на постановление XIII съезда РКП(б) о выдвижении «работников с низов на ответственные советские должности» и циркулярное распоряжение НКЮ № 52, в котором Губсудам предложено «произвести переброску членов губсудов в народные судьи и обратно, председатель Тамбовского губернского суда «просит санкционировать переброску» члена Губсуда Свиридова на должность народного судьи 6 района Кирсановского уезда, а на судью этого района Распопова назначить членом Губсуда. Ввиду откомандирования члена Губсуда Афанасьевой в Москву он просил вместо нее утвердить членом Губсуда Каменеву. Также он сообщал, что по путевке Губкома в распоряжение Губсуда из Царицына прибыл председатель трудовой камеры Канищев, который им «временно допущен к исполнению обязанностей члена Губсуда», в коей должности Брук просил его и окончившего областные юридические курсы Меншова утвердить¹.

О том, что фактически вопросы по судебным кадрам решались именно партийными органами свидетельствует представление временно исполнявшего обязанности председателя Губсуда Норвейшиса в Тамбовский губком ВКП(б) в июне 1926 года. В представлении указано, что член Губсуда Трофимович, окончивший Высшие юридические курсы в Москве командирован Наркомюстом в распоряжение Псковского губисполкома на ответственную судебную работу, в связи с чем «губсуд просит Губком снять т. Трофимовича с должности члена Тамбовского губернского суда»².

В апреле 1927 г. на заседании секретариата бюро Тамбовского губкома ВКП(б) был намечен будущий состав губернского суда из 22

¹ Копия письма председателя Губсуда Брука в Губком ВКП(б) от 16 сентября 1924 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 176, л. 36.

² СЗ СССР. 1924 г., № 23, ст. 203.

человек с указаниями должностей и фамилий людей, которые эти должности должны замещать. Это решение было направлено в губсуд совершенно секретной выпиской из протокола заседания ¹.

В одном из писем председатель Губсуда «член ВКП(б) Литвинов», не указывая своей должности, сообщает в Тамбовский губком ВКП(б), что кандидаты на перевыборную кампанию народных судей «согласованы с партийными органами» ².

Архивные материалы губисполкома и Губсуда содержат скудные сведения о принципах кадрового отбора на должность судей. Подробные характеристики, материалы собеседования, заключения работников кадровых служб и т.д., как правило, отсутствуют.

Поэтому особый интерес представляют отдельные сведения, позволяющие высказать суждение о приоритетах при отборе граждан на должность судей. Конечно, прежде всего, учитывалось пролетарское происхождение и политическая благонадежность. Но, видимо, учитывались и профессиональные качества кандидата в эпоху низкой общей грамотности, отсутствия какой-либо юридической подготовки. И на первоначальном этапе становления новой судебной системы привлекались и некоторые старые кадры юстиции.

Председатель Губсуда Брук, повторно обращаясь в губисполком с ходатайством об утверждении запасным судьей Яковлева, в представлении указал следующее. «Когда я представлял его в первый раз, я не дал о нем характеристику, полагая, что его в Тамбове хорошо знают как видного бывшего присяжного поверенного. Тов. Яковлев до утверждения был мною допущен к исполнению должности судьи, и на этой работе проявил себя вполне честным и знающим дело. В губсуде отсутствуют квалифицированные судебные работники, и в уголовном процессе

¹ План основной работы Тамбовского губернского суда на 1928 год (до 1 октября 1928 г.)//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 835, л. 10.

² Правила внутреннего распорядка для Губсуда, народных судов, губпрокуратуры и нотариата//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 313, л. 27-27 об.

приходится с натяжкой обходиться. Другое дело в гражданском отделе Губсуда, где Яковлев работает. Здесь процесс сложнее и труднее, и нашим товарищам очень трудно разобраться. Раньше люди годами для этого учились, и все-таки знатоков гражданского права было очень ограничено. В настоящее время нашим товарищам приходится частенько прибегать к помощи тов. Яковлева, тем более, что никаких сомнений в его добросовестности не вызывается, о чем мне сообщили все члены партии – члены Губсуда»¹.

Позиционируя партийную благонадёжность как основное качество судьи, представители судебных органов ставили данное качество как определяющее при решении кадровых вопросов. Например, председатель Губсуда Бруке, на VI-м губернском съезде судебных работников Тамбовской губернии в октябре 1923 г. он заявил, что «тоже не учился ни в университетах, и нигде, мне как рабочему человеку интересы рабочих крайне дороги»². Из скудных анкетных данных усматривается, что Брук по социальному происхождению из ремесленников, с «низшим» образованием, но член РКП до Октябрьской революции³.

Особо следует отметить факты привлечения к судебной работе старых специалистов, которые согласно имеющимся в архивах данным, были редкостью. Так, 2 апреля 1923 года губисполком утвердил в качестве народного судьи Моршанского уезда Рудзиевского, 35 лет, из дворян, со стажем судебной работы 4 года 7 месяцев⁴.

Однако уже на следующих годовых перевыборах народных судей Рудзиевский был отозван с судебной работы «как не избранный при перевыборах нарсудей уезда на 1924 г.»⁵.

¹ Представление председателя Губсуда Брука в президиум Тамбовского губисполкома от 13 февраля 1924 г.//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 650, л. 417.

² Материалы VI губернского съезда судебных работников Тамбовской губернии 10 октября 1923 г.//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 682, л. 58.

³ Протокол № 58 заседания президиума Тамбовского губисполкома от 2 апреля 1923 г.//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 585, л. 12 об.

⁴ Там же.

⁵ Выписка из протокола № 23 от 18 февраля 1924 заседания президиума Тамбовского губисполкома//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 171, л. 37.

В дальнейшем подобные «социально чуждые элементы» к судебной работе не допускались. Причём только семь человек, работавших в Тамбовском губсуде и тринадцать человек в уездах имели дореволюционный юридический стаж, притом, что архивных данных о их дворянском, купеческом происхождении не было. Таким образом отсутствие образования и соответствующего профессионального опыта было в данный период своеобразной нормой.

Проблема квалифицированных кадров не была разрешена и в дальнейшем. В частности, в 1927 году, представляя в НКЮ РСФСР отчет о работе судебных органов в 1926 года, новый председатель Губсуда Литвинов дал следующую характеристику судебному составу Губсуда. «За отчетный период личный состав Губсуда в количественном отношении был вполне достаточным, чего, однако, нельзя было сказать в отношении его качества, так как некоторые из работников обладали низкой квалификацией и пониженной работоспособностью, почему встал вопрос об обновлении личного состава Губсуда новыми силами. Слабость руководства отделами: гражданским, где заведующий развивал линию административного надзора в ущерб судебной деятельности, в которой он никакого участия не принимал; в уголовном, заведующий которого ввиду хронической болезни не мог уделять полного времени на работу, создала значительные залежи дел повысила нормальную нагрузку работников отделов, ослабила связь между ними по обсуждению общих недочетов в работе, уменьшила быстроту прохождения дел и скорость исполнения отдельных поручений»¹.

Подобная кадровая политика, строившаяся на принципе «партийно-пролетарской» преданности, отрицательно сказывалась на качестве функционирования всей судебной системы в целом. Ярким примером подобного процесса могут служить архивные материалы, содержащие сведения о практике партийного выдвиженчества. В частности, речь идёт о

¹ Копия отчета для НКЮ Тамбовского Губсуда о работе судебно-следственных учреждений за вторую половину 1926 г.//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 1680, л. 39

том, что исполнявший обязанности председателя Губсуда Норвейшис 2 сентября 1926 г. направил в Губком ВКП(б) и 4 сентября в губисполком письмо относительно освобождения от обязанностей члена Губсуда в связи с сокращением Наркомюстом штатов Губсуда «выдвиженки» Сыщиковой, как «не соответствующей своему назначению».

В дальнейшем ее служба по должности члена Губсуда отразится тяжелым бременем на его работе», просил «в интересах дела выдвиженку Сыщикову, как нетрудоспособную отозвать и на ее место выдвинуть хорошо развитого политически товарища»¹.

Отказав в данном предложении, президиум губисполкома рекомендовал Сыщикову оставить на работе в качестве члена Губсуда, предложить губсуду уделять больше внимания практической подготовке и использованию её на судебной работе»².

В такой атмосфере текучесть судебных кадров была очень велика. Подтверждая подобное предположение, следует например, привести архивные данные в соответствии с которыми Ядров Н.У. приказом по губсуду от 28 февраля 1923 года: согласно штату, полученному из Наркомюста, был зачислен в гражданский отдел членом Губсуда по 16 разряду³.

Однако уже 5 марта 1923 года приказом по Губсуду Ядров был откомандирован в распоряжение Губкома РКП (б) на основании постановления Тамбовского губисполкома от 26 февраля 1923 г.⁴

Причём 4 апреля 1923 г. НКЮ санкционировал отзыв этого члена Губсуда⁵.

¹ Копии секретного письма врид председателя губсуду Норвейшиса в Тамбовский Губком ВКП(б) от 2 сентября 1926 г. и во фракцию Тамбовского губисполкома от 4 сентября 1926 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 787, л. 87, 86-86 об.

² Выписка из протокола № 145 заседания президиума Тамбовского губисполкома от 25 сентября 1926 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 767, л. 85.

³ Книга приказов Тамбовского губернского суда за 1923 год. Приказ № 25 от 28 февраля 1923 г. по Тамбовскому Губсуду//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 11, л. 18-20.

⁴ Книга приказов Тамбовского Губсуда за 1923 г. Приказ № 28 от 5 марта 1923 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 11. л. 21.

⁵ Материалы ГАТО. Ф. Р-524, оп. 1, д. 16. л. 17.

Такая же ситуация происходила и с членом Губсуда Волковым, избранным членом Губсуда в феврале 1923 года и «освобожденного от исполнения служебных обязанностей вследствие отзыва его губисполкомом как не соответствующий своему назначению» уже через месяц¹.

Подобные факты, свидетельствовавшие о недостаточно глубоком изучении кандидатов на должность членов Тамбовского Губсуда, отрицательно влияли на стабильность судебных кадров и судебной практики в целом по губернии.

В этой связи вызывают интерес материалы проекта циркуляра от 6 июля 1923 года заведующего отделом управления Тамбовского Губисполкома всем уездным исполнительным комитетам губернии.

Из протокольных постановлений президиумов Уисполкомов усматривается, что уездные исполнительные комитеты по своей инициативе или по предложению Укомов, фракций Уисполкомов выносят постановления об отзыве, перемещении и устранении народных судей и об утверждении в должности новых лиц вместо устраненных. Таковы, например, случаи по Борисоглебскому, Кирсановскому и другим уездам. Указывая, прежде всего, на незаконность постановлений, которые противоречат параграфу 26 Положения о губернских Съездах и Губисполкомах и ст. 12 и 13 Положения о судеустройстве, где ясно указано, что народные судьи избираются и утверждаются только Губисполкомом по представлению губернского суда или НКЮ, и что отзывы народных судей до срока или их перемещение в губернии может иметь место исключительно по постановлению того же Губисполкома, президиум Губисполкома отмечает и те отрицательные последствия, которые влечет за собой незакономерность постановлений местных Уисполкомов в этой области: а именно: 1/ подрыв планомерной работы Губсуда, который, стремясь к укреплению судебного аппарата, зачастую бывает совершенно не осведомлен о перегруппировках нарсудей,

¹ Приказы №№ 1-85 по Тамбовскому губсуду за январь-май 1926 г. Приказ № 31 от 17 февраля 1926 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 550, л. 21.

какие допускают уезды вопреки упомянутым законоположениям; 2/ подрывается авторитет самих народных судей в глазах населения, благодаря незаконному отзыву или устранению от должностей, а в лучшем случае нарушается нормальный темп работы народного суда, образуется завал дел и т.п.

Президиум Губисполкома предлагает всем Уисполкомам при определении кандидатур в народные судьи строго руководствоваться указанными законоположениями, не допуская никаких отклонений от их требований. При разрешении вопроса о желательных для Уисполкомов кандидатах на свободные вакансии народных судей, о целесообразности их отзыва или перемещения отдельных судей Уисполкомы своим постановлением по согласованию на месте предоставляют в Губсуд, который уже и представляет со своим заключением на утверждение в президиум Губисполкома.

Отзывы народного судьи до срока или его перемещение в пределах губернии могут иметь место только по постановлению Губисполкома на основании предложений НКЮ или по собственной инициативе Губисполкома.

Смещение с должности нарсудей может иметь место только по суду.

Во всех случаях, когда народные судьи допускают проступки, поведение и действия, хотя и не наказуемые уголовным законом, но несовместимые с достоинством судебных деятелей, вопрос о смещении на низшую должность и устранение со службы разрешается дисциплинарными коллегиями в порядке ст.ст. 69-84 Положения о судеустройстве.

Кроме того, обращает на себя внимание и такой факт, что некоторые судьи губернского суда, да и народных судов, зачислялись в штат и осуществляли судебные полномочия до назначения их губисполкомом и Наркомюстом, а затем не утверждались в установленном Положением о судеустройстве порядке, либо после утверждения вообще не приступали к работе, или, проработав непродолжительное время, отстранялись от

должности или переводились в другие государственные или партийные органы.

Например, 5 февраля 1923 года приказом председателя Тамбовского Губсуда Носкова «впредь до утверждения губисполкомом считать членами Губсуда» ряд лиц, в том числе Ярыгина и Кожевникова ¹.

Таким образом, указанные лица исполняли судебские полномочия, не будучи наделенными ими в установленном нормативными актами того времени порядке.

Подобная практика, а так же исключительно слабое материальное обеспечение судов способствовали серьезной текучести кадров. Так, последний состав Тамбовского губернского суда был утвержден Тамбовским губисполкомом 26 апреля 1928 года и 28 июня Наркомюстом РСФСР в его состав входили: председатель Губсуда Литвинов В.М., заместители председателя: по уголовному отделу – Егоров А.Е., по гражданскому отделу – Мельников В.П., члены Губсуда Каширский П.В., Аносов В.А., Дякин И.Ф., Никитин И.Г., Ивлиев А.Я., Камнева А.Г., Логунов И.М., Воронов П.Ф., Дубровин И.П., Карпов Н.И. и Буковский Н.А. Запасными членами Губсуда избраны Бобылев А.Н., Чепраков В.С., Покалюхина П.Е., Сысолятин Н.М., Ломакин С.Г. На время командирования на Высшие юридические курсы Литвинова временно исполняющим обязанности председателя Губсуда был утвержден Сетинсон Э.К. ².

Таким образом, за 5 лет состав губернского суда сменился практически на 100 %. Ежегодная смена членов Губсуда и народных судей в уездах отрицательно сказывалась на преемственности судебной практики в губернии, на ее стабильности.

Стремясь преодолеть такие тенденции Тамбовский губсуд выдвигает идею защиты стабильности личного состава, пополнения и замены его

¹ Книга приказов Тамбовского Губсуда за 1923 год. Приказ № 14 от 5 февраля 1923 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 11, л. 13-13 об.

² Выписка из распоряжения № 30 по Народному Комиссариату юстиции и Прокуратуре Республике от 28 июня 1928 г. Часть вторая, параграф 1, пункт 1//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 1852, л. 310.

лучшими работниками из числа наиболее ценных в классовом отношении рабочих и крестьян путем продолжения окомунизирования и орабачивания аппарата»¹.

По сути, преследуя прогрессивные цели, стабилизировать личный состав судов, государство использует методы, не только не способствующие достижению подобного результата, но представляющие собой своего рода угрозу для всей судебной системы в целом, так как её основу призваны были составить классово и идеологически близкие кадры, чей профессионализм и личные качества были второстепенны.

В этой связи интересно проследить изменение кадрового состава судов Тамбовской губернии в означенный период исходя из идеологического и социального принципа, профессионального образования и опыта практической деятельности.

Рассматривая кадровый состав тамбовского губернского суда, окончательно определенного 1 апреля 1923 года, следует указать на тот факт, что из 12 судей губернского суда этого состава (Фрейман Ю.Ф., Прохоров С.И., Андрейчук Д.А., Садовец В.Я., Дюндин П.И., Кожевников В.И., Ярыгин Ф.П., Ядров Н.У., Федоров Д.Ф., Афанасьева Е.Т., Фирсов Н.П., Хрусталева И.А.) все были членами ВКП(б) преимущественно с 1917-1919 года. При этом с высшим образованием – 1 (Кожевников В.И.), с домашним – 2, с низшим – 8, с начальным – 1. Причём низшее образование имели как председатель губ.суда, так и два его заместителя. Касаемо социальной принадлежности, картина была достаточно чёткой. В частности в состав губ.суда входило 4 человека из рабочих, из крестьян – 6. Один член губ.суда был выходцем из мещанской среды и один из служащих. Таким образом, десять членов губ.суда были классово-близкими. В свою очередь стаж юридической работы был такой же редкостью для судей губ.суда как и высшее образование. Например, стажем до 1 года включительно обладали 8

¹ План основной работы Тамбовского губернского суда на 1928 год (до 1 октября 1928 г.)//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 835, л. 10.

человек. Двое имели стаж до 2 лет и стаж только одного судьи превышал 32 года. При этом один судья не имел никакого стажа юридической работы. Особо следует отметить тот факт, что 9 судей были членами РКП(б).

В целом в Тамбовской губернии на 1 октября 1923 года было 80 народных судей, из них: членов РКП(б) – 51 (63,75%); из ремесленников – 3, из рабочих – 22, из крестьян – 44. из интеллигенции – 11; с высшим юридическим образованием – 10, со средним – 8, с «низшим» - 62¹.

Подобное положение дел констатировали и власти Тамбовской губернии, в частности в докладе об обследовании судебных органов Кирсановского уезда указывалось, что главное и основное нарушение народных судов Кирсановского уезда в практике при производстве судебных дел заключается в слабом знакомстве с Положением о народном суде и непонимании его духа, проводника новых правовых понятий, стоящих в прямой зависимости от изменения экономических условий жизни.

Незнание этого основного фундамента процессуального советского права, естественно, влечет за собой и неправильное толкование материального советского права. Указанные причины стоят в прямой зависимости также и от контингента судебных работников, ибо 92% работников прежней отжившей юстиции с налетом в 50% волостной кабацко-кулацкой юстиции и со стажем прежней работы от 10 до 25 лет, естественно, придало работе в пролетарском суде все специфические навыки и подходы к делу»².

Означенное положение дел сохранялось длительное время. В частности на 1 января 1924 года в состав Тамбовского Губсуда входил его председатель из ремесленников, член ВКП(б) до Октябрьской революции, один заместитель, член РКП(б) с 1918 г., из крестьян, оба с низшим образованием; 12 членов суда: 10 членов ВКП(б); из рабочих – 6, из крестьян

¹ Ведомость о составе ответственных работников Тамбовского губернского суда по состоянию на 1 октября 1923 г.//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 557, л. 106.

² Материалы ГАТО. Ф. Р-1, оп. 1, д. 415, с. 92.

– 4, из интеллигенции – 2; с высшим образованием – 1, со средним – 1, с низшим – 10¹.

Соответственно в 1927 году всего так называемых ответственных работников в губернском суде было 27 из 28 по штату (вакантной была должность старшего следователя). Членами ВКП(б) были 15 человек (партийный стаж: до Октябрьской революции – 1, с 1917-19 гг. – 10, с 1920-21 гг. – 2, с 1924-26 гг. – 1, кандидат в члены ВКП(б) – 1, член ВЛКСМ – 1); по социальному положению: рабочих – 6, хлеборобов – 1, служащих – 20; возраст: до 25 лет – 1, 25-30 лет – 3, 30-35 лет – 9, 35-40 лет – 6, 40-45 лет – 6, старше 50 лет – 2; образование: высшее – 1, высшее юридическое (до революции) – 9, среднее – 1, низшее – 12, домашнее – 1; по профессиональной подготовке: окончивших Высшие юридические курсы – 1, областные юридические курсы – 2; стаж в органах юстиции: до революции – 7, с 1917-1919 гг. – 4, с 1920-1921 гг. – 7, с 1922-1923 гг. – 9, с 1924-1925 гг. – 5, с 1925-1926 гг. – 2, в военных трибуналах «работало» - 6.

В контексте выше изложенного, примечательно процентное повышение числа служащих (с 68% до 74%). Однако это может быть обосновано более точной классификацией социальной принадлежности работников Губсуда. Данный факт вызвал озабоченность советских органов, призывавших в этой связи к «большей советизации и орабачиванию аппарата Губсуда»².

Стремясь дать оценку кадровому составу губернских судов, председатель Губсуда Литвинов, отмечал, что личный состав судебных учреждений количественно недостаточен, а качественный его характер отличается крайней пестротой и случайностью подбора, причинами чего является недостаточность изучения аппарата и в силу практиковавшегося местами порядка самостоятельного назначения, отзыва и замены судебных

¹ Ведомость о составе ответственных работников Тамбовского Губсуда по состоянию на 1 января 1924 г. // ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 175, л. 13.

² Копия отчета Тамбовского Губсуда о работе судебно-следственных учреждений за вторую половину 1926 г. в НКЮ/ГАТО, Ф. Р-1, д. 1680, л. 39 об.-40.

работников. В интересах единства административно-судебного управления в губернии и в целях устранения в дальнейшем случаев подобных изменений на местах в личном составе судебных учреждений губсудом перед Губисполкомом и Губкомом был поставлен вопрос о прекращении системы комплектования без согласования с губсудом личного состава подведомственных ему органов.

Основным препятствием при комплектовании личного состава судебных работников заключается в трудности подыскания достаточно квалифицированных сил и в значительном отставании размера заработной платы деятеля юстиции от такого же на предприятии, почему рабочие вступают в органы юстиции с большой неохотой, а те из них, которые уже ведут судебную работу, часто возбуждают ходатайства об отозвании их на предприятия»¹.

Обращая внимание на такого рода оценки, следует указать на их соответствие государственно одобренной кадровой политике. В этой связи интересной представляется точка зрения Н.В. Крыленко, сводящаяся к тому, что вопрос ... идет только о том, какая должна быть эта квалификация – политическая или юридическая по специальности, или, как бы мы сказали, техническая. «Мы думаем, писал Крыленко, что здесь последовательно нужно отстаивать политическую квалификацию. И низовой общественный работник должен быть политически воспитан, и одновременно сама работа должна быть построена так, чтобы она не требовала какой-либо сугубо специальной квалификации. Конечно, наш кодекс, в особенности с развитием товарооборота, делается все сложнее и сложнее, и работа народного судьи становится все более трудной для работника, не имеющего специального технического юридического образования, но отсюда должен быть вывод не тот, что нужно ставить препоны представителям рабочих масс в виде требования технического юридического стажа для допущения его к

¹ Копия отчета для НКЮ Тамбовского Губсуда о работе судебно-следственных учреждений за вторую половину 1926 г.//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 1680, л. 39

занятию должности народного судьи, а тот, что нужно стремиться так упростить деятельность наших судебных органов, чтобы человек, обладающий достаточным общественно-политическим стажем, т.е. определенным политически-культурным уровнем, был бы в состоянии без специальной большой подготовки охватить ту совокупность вопросов, с которыми ему придется иметь дело, и освоить ту сумму технических знаний, без которых он вообще не может быть допущен к этой работе»¹.

В связи с этим необходимо остановиться на социальном и качественном составе судебных работников народных судов Тамбовской губернии. Сам порядок комплектования и идеологический подход к советским кадрам, реализация известного лозунга об управлении государством кухаркой приводили к тому, что к судебной работе, от которой зависели судьбы людей, да и в известной мере экономические процессы в государстве, привлекали людей не только в правовом отношении не развитых и нисколько не подготовленных, но и просто малограмотных.

В конце периода НЭПа в Тамбовской губернии отмечается увеличение и преобладание на должностях судей не рабочих, крестьян или интеллигенции, а новой прослойки - совслужащих и формирование из них судебного, и, по-видимому, всего государственного аппарата.

В этом отношении показательно высказывание народного судьи Борисоглебского уезда Никитина И.Н.: «Было указано, что отменена масса решений народных судов только потому, что мы плохо проводим уголовно-процессуальное право. Но посмотрите, кто здесь судьи. Большинство судей – рабочие, пролетариат от станка. Юридических наук мы не знаем. ... Да, нам приходится делать ошибки, потому что рабочие головы не могут усвоить изменений статей, которые меняются чуть ли не каждый час»².

¹ Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. Теоретический и практический комментарий к Основам судостройства, судопроизводства и материального уголовного права СССР. Часть первая. Основы судостройства. М.-Л.: 1927. – с.49-50.

² Материалы VI губернского съезда судебных работников Тамбовской губернии 10 октября 1923 г.//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 682, л. 57.

Очень образно высказался на том же съезде народный судья Бобров, который сравнил судебную деятельность с медициной. «Врач, приступая к своей работе на практике, учится, но уже имея определенный запас технических знаний, применяя их на мертвом теле. И если бы каждый врач изучал свое дело на живом теле, ни один бы из нас не предложил бы себя для такого эксперимента. Точно также и каждый судья, посвящая себя судебной работе, должен предварительно заняться изучением этого мертвого тела, ознакомиться, прежде всего, с кодексом, но не приступать к работе, не имея никакого понятия о законе»¹.

Учитывая имевшие место специфические особенности в деятельности судов, следует обратить внимание на те поручения, которые Губисполком давал Губсуду в организационной области.

В частности в разное время в 1924-1925 годах Губисполком предлагал Губсуду:

- для большего нажима по выполнению сельхозналога и воздействия на отдельных упорствующих неплательщиков послать выездные сессии Губсуда в первую очередь в Борисоглебский, Тамбовский, Кирсановский уезды, а во вторую очередь – в остальные уезды (протокол № 126 от 29 октября);

- прекратить посылку на места выездные сессии по делам сельхозналога и к 15 февраля отозвать их (9 февраля 1925 г.);

- предложить Губсуду выделить часть судебных работников часть судебных работников в Губцентре и на местах в помощь административных органов по разгрузке от дел, налагаемых в административном порядке;

- предложить Губсуду и ГАО (Губернскому административному отделу) привести в исполнение постановление ВЦИК об амнистировании осужденных за неуплату сельхозналога - 893 человека.

Вместе с тем, президиум Губисполкома дал Губсуду следующие директивы. Обратить внимание народных судей строго придерживаться

¹ Материалы VI губернского съезда судебных работников Тамбовской губернии 10 октября 1923 г.//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 682, л. 58.

классового подхода при разборе дел, наиболее затрагивающих интересы трудящихся (самогонные дела, неплатежи налогов и др.). ... Усилить организацию юридических бюро и кружков при избах-читальнях, вовлекая в работу всех народных судей. Признать необходимым организацию выездных сессий народных судов для разбора дел на местах в деревне и проведение показательных процессов по наиболее характерным бытовым явлениям. Установить как правило для народных судов не менее одного раза в 3 месяца отчитываться перед населением в своей работе.

В разделе «что сделано» имеется запись: Издано циркулярное распоряжение от 23 января 1925 г. № 9 по всем судучреждениям губернии о мерах, кои надлежит принять для организации помощи демобилизованным красноармейцам – отчет за 2-й квартал 24/25 г..

Помимо этого судебные органы периодически подвергались проверке и чисткам в административном порядке, о чем также свидетельствуют архивные материалы. В частности, в конце 1922 – начале 1923 года в России была проведена кампания по борьбе со взяточничеством. Проходила массовая проверка служащих различных учреждений, не избежали этого и судебные органы Тамбовской губернии.

При этом сведения о том или ином работнике, попавшем под подозрение, были недостоверными, базировались на слухах и предположениях. Лица, увольняемые с работы комиссиями по борьбе со взяточничеством, могли быть внесены в «секретные списки», в которых указывались возраст, происхождение, партийность, семейное положение, судимость, владение недвижимым имуществом до 1917 года, специальность, место прежней службы, последнее место службы и причина увольнения¹.

Подобные факты свидетельствовали как о формировании административно-командной системы, та и о реальном сращивании судебной власти с исполнительной ветвью, находящейся под определяющим влиянием партийного фактора. В частности, Постановлением президиума

¹ Анкеты на лицо, вносимое в «секретный список»//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 478, л. 25, 26.

Тамбовского губисполкома от 9 ноября 1922 года при губпрокуратуре и судах была утверждена ведомственная комиссия по борьбе со взяточничеством, в состав которой руководителем комиссии был назначен председатель губревтрибунала, будущий председатель Губсуда Носков С.Л

В дальнейшем, в апреле 1924 года по докладу инструктора 1-го райкома РКП(б) Мордовкина об обследовании ячейки Губсуда президиум райкома постановил, что в органах Губсуда «много чуждого, даже с уголовным прошлым элемента, а потому возбудить ходатайство перед Губкомом о пересмотре штата и удаления упомянутого элемента»¹.

К концу 20-х годов прошлого столетия чистки государственных, в том числе и судебных, органов под благозвучным названием пересмотра личного состава принимают системный характер. Постановлением бюро Тамбовского губкома ВКП(б) была образована комиссия по пересмотру личного состава органов юстиции Тамбовской губернии, в которую были включены работники партийных органов и ОГПУ, с привлечением ответработников Тамбовского Губсуда, которые решали вопросы пока только увольнения тех или иных судебных работников по причине политической неблагонадежности.

Иными словами, судебные органы стали представлять собой элемент государственного аппарата, соответственно должность судьи ничем не отличалась от должностей чиновников, лишая их какого либо особого статуса.

Подобное нивелирование роли судьи и судебной власти в целом в период свёртывания НЭПа сделало возможным применение к судьям уголовных репрессий по политическим мотивам.

Принципиальный интерес вызывает авторский анализ материалов предоставленных УФСБ по Тамбовской области, содержащих сведения о

¹ Выписка из протокола № 11/38 заседания президиума 1-го Райкома РКП(б) от 25 апреля 1924 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 176, л. 17.

привлечении судебных работников к уголовной ответственности за политические преступления.

В качестве примера следует привести факт, об аресте народного судьи города Рассказово Тамбовской области, члена ВКП(б), Верещагина Никиты Григорьевича, в дальнейшем, привлекавшегося органами УНКВД по Тамбовской области по ч. 1 ст. 58-10 и ст. 58-11 УК РСФСР за активное участие в антисоветской правотроцкистской организации, «вскрытой на территории Рассказовского района Тамбовской области»¹.

Материалы сходного характера имеют место в Архивном уголовном деле в отношении Симакова Д.З. № Р-953 УФСБ по Тамбовской области. В частности, Симаков Дмитрий Захарович в 1927-1928 годах назначенный народным судьей 7-го района Кирсановского уезда, Тамбовской губернии, был привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 58-10 УК РСФСР².

Таким образом, представляется возможным говорить об использовании карательного механизма для воздействия на судебную систему, призванную постепенно стать неотъемлемой частью подобного механизма.

Означенные процессы нашли своё обоснование в трудах классиков большевизма, призывавших открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы. Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого³.

Характерным для периода свёртывания НЭПа является высказывание П.И. Стучки, том, что процессуальные гарантии прав личности суть

¹ Архивное уголовное дело в отношении Верещагина Н.Г. № П-1355 УФСБ по Тамбовской области.

² Архивное уголовное дело в отношении Симакова Д.З. № Р-953 УФСБ по Тамбовской области).

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 33. М.: Политиздат. 1974. – с.321-322.

словесная форма, фиговый лист классовой юстиции, «совершенно поглощающая все культурные завоевания, скрывающиеся за этими формами»¹.

Примечательно в этой связи точка зрения А.П. Угроватова, считавшего, что хотя террор ограничивался статьями уголовного кодекса, большевики угрожали своим классовым ... противникам свирепыми мерами наказания и не отказывались от террора как метода осуществления диктатуры пролетариата. Проведение в жизнь этих и других жестких классовых установок вождя ... без последующих демократических коррекций делали проблематичным установление законности, адекватной НЭП.²

Вышеизложенные данные позволяют сделать вывод о том, что общеобразовательная и профессиональная подготовленность судей губернского суда, формирующего судебную практику в регионе, была крайне низкой, судебный стаж – небольшим в условиях постоянно меняющегося судебного аппарата. При этом к концу двадцатых годов появляются тенденции, свидетельствующие о практике формирования судебного корпуса из числа особой группы чиновников, выходцев из совслужащих, постепенно вытеснявших представителей рабочих и крестьян (хлеборобов).

По сути речь идёт о формировании системы номенклатурного способа подбора кадров, ставшей постепенного господствующим во всём государственном аппарате Советского государства.

В силу высказанных соображений представляется возможным заключить, что формирование системы судов, как элемент становления государственности тесным образом связано с конкретной исторической обстановкой. Впервые послеоктябрьские десятилетия упрочение судебной системы было процессом болезненным и трудным, однако, именно в тот

¹ Стучка П.И. Тезисы о реформе УПК ///Революция права. 1928. № 1. С. 120.

² Угроватов А.П. НЭП и законность (1921-1929 гг.). – Новосибирск, 1997. – с.58.

период закладывались правовые устои Советского государства, в частности принимались первые кодексы законов, повышалась роль суда и адвокатуры, сужалась сфера государственного принуждения.

Однако период свёртывания новой экономической политики в середине двадцатых годов XX века, во многом опосредованный тем, что в советском государстве не были оформлены политические и правовые механизмы, призванные обеспечивать верховенство закона, препятствующие установлению режима личной власти, сделал возможным возникновение и упрочение административно-командных методов управления, неизбежно связанных с ограничением демократии и грубыми нарушениями прав граждан.

Пренебрежение правом, с точки зрения современных правоведов, неминуемо влечет за собой деформацию государственного строя. Это стало возможным не только из-за «правовой незащищенности» политической системы, но и в силу невысокой политической культуры всего общества, упрощенной трактовки социалистической идеологии, бюрократизации аппарата власти и т.п. Попирались важнейшие демократические ценности: независимость судей, презумпция невиновности, принцип состязательности сторон, гуманизм¹.

Своеобразным завершающим этапом судебной реформы периода НЭПа представляется полный переход РСФСР на областное (краевое) деление 1928 году, когда губернские суды были упразднены, и стала действовать следующая система судов:

- а) народный суд;
- б) окружной суд (суд первой инстанции, кассационная инстанция для народных судов и судебно-административный центр округа);
- в) краевой (областной) суд (судебно-административный центр края (области) и суд первой инстанции для небольшой категории дел);

¹ Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М., 1994. – с.341-342.

г) Верховный суд (кассационная инстанция для окружных и краевых судов, суд первой инстанции по наиболее важным делам и высший орган судебного надзора).

Иными словами, новым экономическим отношениям должно было соответствовать новое законодательство, и как следствие новая судебная система, отражавшая социально-экономическую сущность и пределы НЭПа, при регулирующей роли государства.

Результатами осуществления реформирования в судебной сфере также стали: переход к пониманию права как системы позитивных норм, санкционированных государством и обеспеченных силой государственного принуждения; создание многозвенной судебной системы, способной в достаточной степени гарантировать соблюдение принципа законности при рассмотрении уголовных и гражданских дел; формирование профессиональных кадров для работы в судебных учреждениях; появление системы правоохранительных органов.

Таким образом, в основе преобразований судебной системы в период осуществления новой экономической политики лежал, прежде всего, экономический фактор, который потребовал усиления всей законодательной деятельности, создания новых институтов, нуждавшихся в правовом регулировании. Представляя собой позитивный фактор в истории страны, реформа призвала к жизни трехзвенную систему судебных органов, которая в силу своей многолетней практической деятельности, сохраняет актуальность и в наши дни.

В русле представленных суждений следует указать на исключительный исторический опыт данного периода, выражающийся в возможном предпочтении продуманной либеральной политики, осуществляемой судебной властью, позволяющей обеспечить стабильность социально-экономических процессов в государстве и содействовать формированию правосознания общества, высшей ценностью которого будут

являться не политические пристрастия, а права и свободы каждой отдельно взятой личности.

§ 2.3 Отечественный опыт становления и функционирования судебных органов Тамбовской губернии периода НЭПа и его роль в совершенствовании современной судебной деятельности

Представляя собой одну из самых ярких страниц становления и развития судебной системы, период НЭПа вызывает особый интерес как попытка осуществить посредством преобразований в судебной сфере изменения во всей государственно-правовой жизни общества.

Стремясь оценить итоги судебной реформы, следует указать на тот факт, что не были решены основные задачи, которые были поставлены в начале двадцатых годов.

В частности, не была успешно разрешена как проблема подготовки квалифицированных кадров, так и проблема их материального обеспечения.

Основной «кузницей кадров» в данный период можно считать краткосрочные курсы при Академии общественных наук и ее подразделениях, результаты образовательной деятельности которых ставили под сомнение успех осуществляемых реформ.

Стремясь готовить судебные кадры на местах, в 1922 году СНК принимает Декрет об открытии юридических курсов на местах, основные положения которого заключались в увеличении по сравнению с предыдущим периодом срока обучения судей и включении, в программу новых предметов. В дальнейшем, подобные учебные заведения действовали уже практически во всех губерниях России ¹.

Резюмируя сказанное целесообразно солидаризироваться с воззрениями исследователей, считавших, что благодаря реформе, в стране начала действовать стройная система правоохранительных органов. Об эффективности деятельности этой системы говорят цифры: в 1922 году

¹ Еженедельник советской юстиции. М., 1923. № 24.

впервые за весь послеоктябрьский период преступность в стране начинает падать, а к 1926 году снижается втрое¹.

Особого внимания заслуживает тот факт, что периода НЭПа характеризуется смягчением судебной практики. Однако вожди большевизма призывали не считать это нормой. В частности В.И. Ленин отмечал: «... не спит ли у нас Нкюст? Тут нужен ряд образцовых процессов с применением жесточайших кар. Нкюст, кажись, не понимает, что новая экономическая политика требует новых способов, новой жестокости кар»².

Немного позже Ленин резюмирует: «Величайшая ошибка думать, что НЭП положит конец террору. Мы еще вернемся к террору, и к террору экономическому»³.

Организованная таким образом российская судебная система представляла наибольшие возможности для установления единообразного применения законов и судебной практики, хотя бы в масштабах губерний, исправления допускаемых судебных ошибок, укрепления законности в деятельности судов, но и влияния советско-партийной номенклатуры на направления судебной деятельности, влияние на и классовой линии и формирование карательной политики.

Результатами осуществления реформы также стали создание многозвенной судебной системы, способной в достаточной степени гарантировать хотя бы формальное соблюдение принципа законности при рассмотрении уголовных и гражданских дел; формирование профессиональных кадров для работы в судебных учреждениях; появление системы правоохранительных органов; переход к пониманию права как системы позитивных норм, санкционированных государством и обеспеченных силой государственного принуждения.

¹ Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969. – с.186.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 54. М.: Политиздат. 1975. – с.160.

³ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 5. Д. 18. Л. 197.

Оценивая ход и результаты первой советской судебной реформы, современные учёные указывают, что можно считать наиболее результативной из всех осуществленных при советской власти судебных преобразований»¹.

В этой связи А.Смыкалин отмечает, что в основе преобразований советской судебной системы в 20-е годы лежал, прежде всего, фактор экономического, который потребовал усиления всей законодательной деятельности, создания новых институтов, нуждавшихся в правовом регулировании².

Кроме того, современные авторы отмечают, что судебная реформа 1922 года закрепила полный отказ от принципа «единого народного суда» провозглашенного Д.И. Курским и включенного в программу РКП(б). Положение о судеустройстве последовательно проводит централизацию с построением судебной системы и назначении кадров. Место губернских советов народных судей, которые формировались самими судьями губернии, занимают губернские суды, члены которых назначаются губернскими исполкомами и утверждаются Наркоматом юстиции. При этом принципы партийности и классовости в назначении судей и народных заседателей не только не отменены, но и получили дальнейшее развитие³.

В силу высказанных соображений, судебная реформа 1922 г. явилась, безусловно, позитивным событием в истории страны. Жизненность варианта трехзвенной системы судебных органов подтверждена многолетней практикой деятельности судов, а некоторые идеи и принципы тогдашней Судебной реформы сохраняют актуальность и в наши дни.

В свою очередь, к недостаткам Положения о судеустройстве РСФСР 1922 года и всех процессов реформирования в начале осуществления новой

¹ Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. Изд 2-е, исправл. и дополн. – Санкт-Петербург, Юридический центр Пресс, «Наука». 2002. – с.228.

² Смыкалин А. Судебная реформа 1922 г.//Российская юстиция. - 2002. - № 4. - С. 42.

³ Чекунов Н.А. Судебная реформа и преемственность в судебной системе/Актуальные проблемы теории и истории государства и права. Материалы международной научно-теоретической конференции/Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – Санкт-Петербург. Санкт-Петербургский университет МВД России. 2004. – с.198.

экономической политики, следует отнести отсутствие в нем определений подсудности судебных учреждений. Этот пробел восполнили соответствующие главы УПК и ГПК РСФСР 1923 года.

Таким образом, при разработке Положения о судостроительстве учитывался опыт предшествующих лет в вопросе построения советского суда. Как отмечал советский учёный М.В. Кожевников, действующая на территории РСФСР судебная система учреждалась в целях ограждения завоеваний пролетарской революции, обеспечения интересов государства, прав трудящихся и их объединений. Тем самым подчеркивалось, что все советские суды являются классовыми судами и действуют по осуществлению задач диктатуры пролетариата ¹.

Иными словами, в законодательных актах провозглашался принцип осуществления правосудия только судом. Однако на практике это положение не выполнялось.

Особое значение для формирования системы судов данного периода имело осуществление процесс экономического районирования, начавшийся в 1924 и закончившийся в 1928 году. В результате которого вводилось новое административное деление на края (области), округа и районы вместо губерний, волостей и уездов, в следствии чего возникали соответственно краевые (областные) суды.

При этом в мае 1928 года ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление об образовании на территории бывших Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерний Центрально-Черноземной области (ЦЧО) с центром в г. Воронеже ².

Другим важным аспектом судебной реформы представляется проблема прокурорского надзора. В соответствии с Положением о прокурорском надзоре, введённым в действие в августе 1922 года,

¹ Кожевников М.В. История советского суда. 1917-1956 годы. – М.: Государственное издательство юридической литературы. 1957. – с.133.

² СУ РСФСР. 1928. № 54. Ст. 406.

прокуратура являлась органом, осуществляющим от имени государства надзор за соблюдением революционной законности со стороны всех органов власти, учреждений, предприятий, отдельных лиц и руководила деятельностью органов расследования, поддерживала от имени государства обвинение на суде и наблюдала за правильностью содержания заключенных.

Появление в суде прокурора поставило вопрос об учреждении адвокатуры. Право на защиту в суде было закреплено еще в Декрете о суде № 1. Однако, у самостоятельной адвокатуры было много противников. Наиболее «левые» из них считали, что ей не должно быть места вообще. Советский суд охраняет диктатуру пролетариата от преступников, и адвокаты для защиты преступника от советского суда не нужны. Другие, исходя из социального состава адвокатуры, выражали ей недоверие, которое порой доходило до курьезов: например, выдвигались предложения запретить коммунистам работать адвокатами, так как их труд оплачивал «клиент», т.е. преступник. Сами адвокаты требовали полной «автономности», независимости адвокатуры «от политики», от Советской власти¹.

В мае 1922 г. ВЦИК утвердил декрет о создании коллегии защитников при губернских судах, предоставив губисполкомам право отвода кандидатур адвокатов. Тем самым институт защиты ставился под контроль Губисполкомов. В 1928 г. решением НКЮ местным судебным органам, осуществлявшим надзор за коллегиями, было предоставлено право устанавливать предельное число их членов и ежегодно пересматривать, а также отводить кандидатуры зачисляемых и исключать из членов коллегии².

Оценивая сложившуюся ситуацию, современные правоведы указывали, что в годы НЭПа, в результате судебной реформы были образованы адвокатура и прокуратура, создана единая система судебных учреждений. Вместе с тем, в судебной системе велико было влияние

¹ Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М., 1994. – с.190.

² Елоховский А. Коллективизация защиты//Еженедельник советской юстиции. 1929. № 7. С. 162-164.

«чрезвычайщины». Продолжали действовать чрезвычайные суды. Велико было влияние ОГПУ на судебную систему¹.

Принципиально важным представляется тот факт, что в данный период прослеживается катастрофическое снижение роли правосознания как одного из определяющих источников права.

По сути речь идёт о том, что именно нормативно-правовой акт был призван препятствовать произвольному толкованию общественной опасности того или иного деяния, либо неправомерности той или иной гражданско-правовой сделки. Однако, здесь следует учесть своеобразное отношение к закону лидеров партии, в частности В. И. Ленина, который сформулировал его так: «Плох тот революционер, который в момент острой борьбы останавливается перед незыблемостью закона»².

При этом карательная политика в рамках уголовного судопроизводства претерпело значительное смягчение касаясь совершивших противоправные деяния лиц.

Вместе с тем, необходимо отметить, что в качестве основной сферы законодательного внимания в данный период предстаёт корыстная преступность. При этом основополагающей опасностью для советского государства представлялось «чрезмерное увлечение НЭПом».

Об этом ярко свидетельствует тот факт, что в конце двадцатых годов положение в области гражданского правосудия резко ухудшилось. Судебная практика по гражданским делам приобрела ярко выраженный карательный уклон. В судах появились случаи необоснованных репрессий к лицам, занимавшимся предпринимательской деятельностью. По многим категориям гражданских дел (например, по искам о взыскании заработной платы с предпринимателей, по делам о взыскании налоговых недоимок) суды без

¹ Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в советском государстве (1917-1941 гг.). – Уфа, Уфимская высшая школа академии МВД. 1994. – с.209.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 36. М.: Политиздат. 1974. – с.504.

учета общественной опасности деяния возбуждали уголовное преследование. В этой связи следует указать на воззрения правоведов утверждавших, что деформации гражданского судопроизводства способствовало усиление централизованного начала в управлении¹.

Определяя конкретное значение формирования вышеозначенной системы судов, следует указать на то, что многозвенная судебная система, пришедшая на смену единому народному суду, выступила в качестве своеобразной гарантии, призванной противостоять незаконным, необоснованным приговорам, выносимым народными судьями. Особое значение в этой связи придавалось деятельности Верховного Суда РСФСР, как истине в последней инстанции.

Резюмируя вышеизложенные положения, представляется возможным установить в качестве положительного результата судебной реформы формирование многозвенной судебной системы, способной гарантировать соблюдение принципа законности при рассмотрении уголовных и гражданских дел. Кроме того, логически обоснованным представляется определить в качестве серьезного результата судебного реформирования государственно признанную потребность в профессиональном комплектовании штата судей. Своеобразным итогом изменения системы судов в период НЭПа так же может быть признана необходимость восприятия права как системы позитивных норм, санкционированных государством и обеспеченных силой государственного принуждения.

Наряду с выше отмеченными положительными итогами судебной реформы имели место обстоятельства, сводившие на нет все прогрессивные стремления советских властей. В частности речь может идти о том, что судебная власть представлялась как неотъемлемая часть государственной машины, основная задача которой – это обеспечение политической воли господствующего класса. В частности государственные деятели того времени

¹ Вершинин А.П. Советское государство и право. 1989. № 8. С. 134-135.

утверждали, что незачем искать в деле обвинительные улики и нужно решать его исходя лишь из социальной принадлежности обвиняемого ¹.

Стремясь укомплектовать суды профессиональными кадрами, советское государство не смогло отойти от господствовавшего в тот период принципа назначения «политически надёжных кадров», что длительное время препятствовало профессиональному росту советских судей.

Особое внимание следует уделить тому, что материальная база советских судов данного периода оставляла желать лучшего. Подобное положение дел влияло на недолжное отношение местных властей к судьям, что кроме того влияло на процесс текучести судейских кадров. Кроме того, имел место постулат, в соответствии с которым большевики отвергали принцип несменяемости и независимости судей от Советского государства. Зависимость суда от государства, по их мнению - это зависимость от общих целей и задач Советского государства, а не от чиновников местной власти ².

Одним из важных направлений, имевших отрицательное значение для осуществлявшегося процесса судебного реформирования представлялась допустимость и целесообразность отхода от «буквы закона» в угоду политическим и партийным потребностям.

По сути, революционная целесообразность противопоставлялась законности и отрицала правовой характер декретов Советской власти.

В этой связи современники отмечали, что ...декреты диктатурно-пролетарской власти - в сущности, говоря, даже не законы, не правовые нормы, а боевые приказы и распоряжения, передаваемые по прямому проводу ³.

Учитывая выше отмеченные положительные и отрицательные результаты судебной реформы данного периода, необходимым представляется заключить, её серьёзное государственно-правовое и историческое значение.

¹ Лацис М.Я. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. - М., 1921. - с.65.

² Лаговнер Н. Народный суд. Лекции заочных курсов советского строительства. М. 1930. - с.9.

³ Звягинцев В. Как узаконили беззаконие//Человек и закон. - 1990. -№ 1. - с.22.

Признавая имевшие место недостатки, невозможно переоценить значение судебной реформы для осуществления новой экономической политики в государственном масштабе в целом. Закрепив сверхцентрализованную судебную систему, во многом сохранившую свою форму и сегодня, судебная реформа периода НЭПа заложила основы практики судоустройства, просуществовавшей в России длительное время.

Заключение

Проведённое выше диссертационное исследование позволяет установить, что становление и функционирование системы судов в Тамбовской губернии в 1922-1929 гг. представляется неотъемлемой частью общегосударственного процесса, при этом имеющего специфические институционально-организационные черты, опосредованные аграрным статусом и длительное время сохранявшимися активными протестами крестьянства, что наложило серьёзный отпечаток не только на процесс формирования системы судов, но и на структуру, особенности функционирования, специфику судебной деятельности как инструмент политического воздействия на противников существовавшего государственного устройства.

Соответственно, правовую базу деятельности судов и судоустройства в Тамбовской губернии в период осуществления новой экономической политики, как и в стране в целом составлял нормативно-правовой акт, пришедший на смену революционному правосознанию, но сохранявший классовый характер и представлявший собой часть идеологизированного государственного аппарата, находившегося в прямой зависимости от осуществляемой государственной политики, строящейся на основе принципов революционной целесообразности и партийной необходимости.

Примечательно, что специфические особенности организации и функционирования судебных органов периода НЭПа в рамках отдельно-взятой Тамбовской губернии позволяют говорить о возможности совершенствования современного правоприменительного механизма, с учетом отечественного опыта. Организованная таким образом судебная система призвана способствовать установлению единообразного применения законов и судебной практики, исправлению допускаемых судебных ошибок, укреплению законности в деятельности судов, что в свою очередь опосредует изменения во всей государственно-правовой жизни общества.

Судебная система Тамбовской губернии периода НЭПа функционировала в условиях реального сращивания судебной и исполнительной ветвей власти, под определяющим влиянием партийно-идеологического фактора. «Советизация» и «очиновничивание» судов, обусловленные стремлением устранить политически ненадежное крестьянство Тамбовщины от участия в отправлении правосудия, закрепили практику партийного выдвиженчества, результатом которой стало неустойчивость структуры судебной системы, серьезная текучесть кадров, отказ от привлечения к работе старых специалистов, невысокий образовательный уровень судей, недостаточный стаж работы, низкая профессиональная дисциплина и как следствие стабильно высокий уровень судебных ошибок, подрывавший не только авторитет суда, но и принцип законности в целом.

Соответственно, основным звеном советской судебной системы стал народный суд, компетенция которого была значительно расширена. Он рассматривал уголовные и гражданские дела с участием двух народных заседателей, за исключением небольшой категории дел, которые народный судья мог рассматривать единолично. Кассационной инстанцией по делам, рассмотренным народным судом, стал губернский суд. Он также был судебным центром губернии с функциями судебного управления в отношении народных судов губернии. Члены губернского суда избирались на один год губернским исполнительным комитетом и утверждались НКЮ РСФСР. Судебная реформа 1922 г. упразднила советы народных судей и губернские революционные трибуналы, а их функции были переданы вновь учрежденным губернским судам.

Таким образом, создание трехзвенной системы (народный – губернский – Верховный суд РСФСР) представлявшееся последовательным проведением в жизнь принципа единого народного суда, с точки зрения современной науки права, в действительности, означало отказ от идеи единства местного народного суда, так как народный суд перестал быть единым и не ему принадлежала заглавная роль в общей судебной системе.

Кроме того, появилось два вышестоящих звена, которые могли в качестве судов первой инстанции рассматривать уголовные и другие дела, временно создавалась и чрезвычайная юстиция, которая не имеет ничего общего с демократическим и гуманным правосудием в его марксистской трактовке. В качестве очередного этапа судебной реформы представляется возможным определить принятие 29 октября 1924 года Основ судостроительства СССР и союзных республик, способствовавших принятию в ноябре 1926 года нового положения о судостроительстве РСФСР.

С учётом изменений, произошедших в административно-политическом делении страны, действовали две системы судов: губернская - народные и губернские (в автономных республиках главные) суды и в районированных краях и областях – народные, окружные и краевые или областные суды. Особо следует отметить тот факт, что для рассмотрения некоторых категорий дел ввиду их особой сложности или необходимости для их разрешения специальных знаний и навыков, а также для рассмотрения дел о преступлениях, представляющих особую опасность для военной мощи СССР, наряду с единой системой судебных учреждений действовали специальные суды: по делам о воинских и некоторых других преступлениях – военные трибуналы; по делам земельным – земельные комиссии; по делам о спорах об имущественных правах между государственными органами – Высшая арбитражная комиссия и местные арбитражные комиссии.

Особое значение имеет тот факт, что реформа судопроизводства по сути означала возрождение института адвокатуры и оформление института прокуратуры как неотъемлемых элементов процесса отправления правосудия.

В целом от правовой системы сформировавшейся в данный период теперь требовалось, чтобы она легко реагировала на постоянно меняющиеся партийные установки. Поэтому принятые при НЭПе законы постепенно

переставали действовать, заменяясь многочисленными подзаконными актами.

Таким образом, процесс создания судов Тамбовской губернии, в ходе реформы 1922-1929 гг., тесным образом связан с конкретной исторической обстановкой и выступает в качестве действенного элемента формирования правовых устоев государства. Организованная таким образом судебная система предоставляла возможности для установления единообразного применения законов и судебной практики в масштабах губернии, соблюдение принципа законности при рассмотрении уголовных и гражданских дел, утверждение основ состязательности в судебном процессе, однако при этом она была не свободна от влияния советско-партийной номенклатуры, обеспечивавшей формирование карательной политики Советского государства.

Подобная постановка вопроса находила свое отражение и в превращении чрезвычайных революционных органов в постоянные институты. Особое место в этой связи отводилось судебной системе, призванной выступить в качестве правового гаранта осуществлявшихся в период НЭПа преобразований. Таким образом, сущность реформы можно свести к двум основным направлениям. Это утверждение принципа законности и создание сети правоохранительных органов, основной функцией которых стала бы защита прав граждан. Советское законодательство в данный период все настойчивее занимает место основного источника права.

Означенное опосредование не снимало имевшие место затруднения и сохраняло дискуссионность вырабатываемой новой политики. Особо следует отметить тот факт, что в самом руководстве партии и государства не было единства в понимании сущности НЭПа. Брались под сомнение или вообще отвергались возможности новой политики как методики и плана строительства социалистического общества. Особое значение в этой связи приобрела необходимость реформирования судебной сферы, как основы формирования новой экономики. Был взят курс на укрепление так

называемой «революционной законности. Иными словами революционная законность представляла собой установленный и определенный государством правопорядок, комплекс правил, что связывалось с необходимостью разработки системы соответствующих норм, призванных сформировать своеобразную основу судебной власти.

В этом смысле следует указать на проводившуюся с 1922 года кодификации, в ходе которой, несмотря на противодействие отдельных работников юстиции, видевших в ней олицетворение буржуазного понимания закона», были приняты кодексы практически во всех важнейших отраслях права, что в свою очередь стало важным подспорьем укрепляемой в стране законности и повлиял на деятельность судов.

В силу высказанных соображений, представляя собой один из принципиальных этапов становления и развития отечественной судебной системы, период НЭПа, вызывает особый интерес как попытка осуществить посредством преобразований в судебной сфере изменения во всей государственно-правовой жизни общества. Закрепив сверхцентрализованную систему судов, во многом сохранившую свою форму и сегодня, судебная реформа 1922-1929 гг., заложила основы практики судоустройства, просуществовавшие в нашей стране длительное время. Имевшие место преобразования системы судов Тамбовской губернии, не ликвидировали господство принципа политико-идеологической целесообразности.

Иными словами, отечественный опыт судебной деятельности позволяет пересмотреть организационно-правовые основы судебной системы в контексте современных преобразований, что призвано способствовать формированию новых форм организации судопроизводства, уточнению принципов судебной деятельности путем обеспечения открытости, доступности и как следствие повышению эффективности деятельности судов.

Список использованной литературы

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации 1993 года. М.: Известия, 1993.
2. Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 года № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (в ред. от 06.12.2011) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 18. Ст. 1589.
3. Федеральный конституционный закон от 26 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 25.12.2012) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
4. Гражданский процессуальный кодекс от 23 октября 2002 г. (в ред. от 28.12.2013) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
5. Арбитражный процессуальный РФ от 14 июня 2002 г. (в ред. от 02.11.2013) // Собрание законодательства РФ. 2002. №30. Ст. 3012.
6. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 21 октября 1994 г. // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
7. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 22 декабря 1995 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
8. Концепция судебной реформы в РСФСР. Принята постановлением Верховного Совета РСФСР № 1801-1 от 24 октября 1991 г. – «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1991, N 44, ст. 1435.

Книги, монографии, учебники, учебные пособия

1. Боффа Д. История Советского Союза. НЭП. Мятежи от Тамбова до Кронштата. М.: Международные отношения. 1990.
2. Буков В. А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. М., 1997.

3. Гимпельсон Е.Г. НЭП. Новая экономическая политика Ленина-Сталина. Проблемы и уроки (20-е годы XX века). М.: Собрание. 2004.
4. Голунский С.А., Карев Д.С. Учебник по судоустройству. М., Юридическое издательство НКЮ Союза ССР, 1939.
5. Декреты советской власти. Т. 7. М., 1974.
6. Десятый съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1963.
7. Генкина Э.Б. Государственная деятельность В.И. Ленина (1921-1923 гг.) М., 1969.
8. Кожевников М.В. История советского суда. 1917-1956 годы. – М.: Государственное издательство юридической литературы. 1957.
9. Карев Д.С. Советское судоустройство. М., 1951.
10. Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М., 1994.
11. Кривоногов В.В. Формирование социалистических принципов советского судоустройства (1917-1926 гг.). Свердловск. 1971.
12. Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. Теоретический и практический комментарий к Основам судоустройства, судопроизводства и материального уголовного права СССР. Часть первая. Основы судоустройства. М.-Л.: 1927.
13. Крыленко Н.В. Судоустройство РСФСР. М., 1924.
14. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969.
15. Курицын В.М. Переход к непу и революционная законность. М., 1971.
16. Курицын В.М. Переход к НЭПу и революционная законность. М.: Изд-во «Наука». 1972.
17. Курицын В.М. Становление социалистической законности. М.: Изд-во «Наука», 1983.
18. Кудрявцев В.Н., Трусков А.И. Политическая юстиция в СССР. Изд 2-е, исправл. и дополн. – Санкт-Петербург, Юридический центр Пресс, «Наука». 2002.

19. КПСС в резолюциях. Изд. 9. Т. 2. М., 1983.
20. Лаговнер Н. Народный суд. Лекции заочных курсов советского строительства. М. 1930.
21. Лацис М.Я. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. - М.,1921.
22. Ленин В.И. Доклад о замене развёрстки натуральным налогом. М.: Издательство политической литературы. 1970.
23. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 22. М.: Политиздат. 1974.
24. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 27. М.: Политиздат. 1974.
25. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 33. М.: Политиздат. 1974.
26. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 36. М.: Политиздат. 1974.
27. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 38. М.: Политиздат. 1974.
28. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 42. М.: Политиздат. – 1974.
29. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.43. М.: Политиздат. 1974.
30. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44. М.: Политиздат. 1974.
31. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. М.: Политиздат. 1975.
32. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 54. М.: Политиздат. 1975.
33. Макеев В.В., Серебрякова Т.Е. Развитие советского государства и права в годы НЭПа (1921-1929 гг.). Учебная лекция. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 1999.

34. Портнов В.П., Славин М.М. Становление правосудия Советской России (1917-1922 гг). М., 1990.
35. Рабцевич О.И. Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование. М.: Лекс-Книга, 2005. 318 с.
36. Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в советском государстве (1917-1941 гг.). – Уфа, Уфимская высшая школа академии МВД. 1994.
37. Рейснер М. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. М.; Л., 1925.
38. Стучка П.И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. М, 1931.
39. Стучка П. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига. 1964.
40. Терехова Л.А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. М. 2007.
41. Угроватов А.П. НЭП и законность (1921-1929 гг.). – Новосибирск, 1997.
42. Чекунов Н.А. Судебная реформа и преемственность в судебной системе/Актуальные проблемы теории и истории государства и права. Материалы международной научно-теоретической конференции/Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – Санкт-Петербург. Санкт-Петербургский университет МВД России. 2004.
43. Швеков Г. В. Первый советский Уголовный Кодекс. М., 1970.
44. IV Всероссийский Съезд деятелей советской юстиции. М., 1922.
45. Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968.

Статьи

1. Бранденбургский Я. Просто законность или революционная законность //Еженедельник советской юстиции. 1922. № 31-32. С.1-2.
2. Вершинин А.П. Советское государство и право. 1989. № 8. С. 134-135.
3. Добровольская Т. Вклад В.И. Ленина в развитие советской судебной системы//Советская юстиция, 1970. № 7. С. 10-12.
4. Еженедельник советской юстиции. М., 1923. № 24.
5. Елоховский А. Коллективизация защиты//Еженедельник советской юстиции. 1929. № 7. С. 162-164.
6. Ермошин Г.Г. Органы судебной власти и органы правосудия в судебной системе России: проблемы дефиниции // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. №6. С.20-26.
7. Звягинцев В. Как узаконили беззаконие//Человек и закон. - 1990. -№ 1
8. Какоурова Н.А. Карательно-репрессивный характер судебно-прокурорской системы и партийно-государственное влияние на формирование органов суда и прокуратуры в Восточной Сибири в 20-е гг. XX века. – <http://mion.isu.ru/pub/power/13.html>.
9. Клеандров М.И. Об органе, олицетворяющем судебную власть // Российское правосудие. 2014. №8 (100) С.5-15.
10. Крыленко Н. В. Реформа судоустройства // ЕСЮ. 1922. № 27-28.
11. Крыленко Н.В. Реформа советского уголовного процесса: доклад на заседании Комакадемии //Революция права. 1928. № 1.
12. Крыленко Н.В. Тезисы доклада на V Всероссийском съезде деятелей советской юстиции//Еженедельник советской юстиции. 1924. № 12-13.
13. Курицын В.М. Проблемы демократии и законности в первые годы НЭПа// Вопросы истории. 1972. №4. С.56.

14. Малофеев С.С. Формирование судебных органов РСФСР и законодательные основы деятельности юстиции в 1917-1921 гг. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. №3 с.102-109.
15. Материалы работы криминалистической секции. Реформа советского уголовного процесса //Революция права. 1928. № 2.
16. Ноув А. О судьбах НЭПа// «Вопросы истории». № 8. 1989. С. 172-173.
17. Пролетарская революция и право. 1918. № 1.
18. Рабцевич О.И. О содержании права на справедливое судебное разбирательство // Мировой судья. 2004. № 2.
19. Селезнева М.В. Стабильность карательной политики государства – залог успеха в борьбе с преступностью. //www. samoupravlenie.ru.
20. Смыкалин А. Судебная реформа 1922 г.//Российская юстиция. - 2002. - № 4. - С. 39.
21. Стучка П.И. Тезисы о реформе УПК ///Революция права. 1928. № 1. С. 120.
22. Топильская Л. Как нам обустроить судебную власть // Российская юстиция. 2000. № 11.
23. Титов Ю. П. ВЧК в первые годы Советской власти // Вестник Московского университета. 1963. № 1. Серия X. Право. С. 55-58.
24. Ундерович В.С. Основные вопросы нашего судопроизводства //Революция права. 1928. № 1.
25. Чечельницкий И.В. Принцип справедливости в правоприменительной деятельности // Таможенное дело. 2013. № 2. С. 33 - 38.
26. Эстрин Я.В. Сводоклад от криминалистической подсекции //Революция права. 1928. № 1. - С. 112-117.

Авторефераты и диссертации

1. Бондаренко А. В. Судебная система РСФСР в условиях НЭПа. Автореферат дисс. ...к.ю.н. М., 2010.
2. Брыжинская Е.В. Формирование и развитие судебных органов Мордовии в 1917-1937 гг. Автореферат дисс. ...к.ю.н. Н.Новгород, 2006.
3. Кузнецов М.Ю. Реализация контрольной функции судебной власти в Российской Федерации. Автореферат дисс. ...к.ю.н. М., 2007.
4. Лезов И.Л. Советский суд в 1917-1940-х гг.
5. Максимов В.В. Становление и деятельность правоохранительных органов советской провинции:1917-1928гг. (на примере Курской губернии). Автореферат дисс. ...к.ю.н. Тамбов, 2006.
6. Нестеров В.М.Осуществление судебной власти мировыми судьями в РФ. Автореферат дисс. ...к.ю.н. М., 2008.
7. Сангаджиев Б.В. Институциональные характеристики судебной власти Российской Федерации: вопросы теории и практики. Автореферат дисс. ...к.ю.н. М., 2013.
8. Серопян Г.С. Становление и развитие судебных органов Кубани 1920-1941гг. Автореферат дисс. ...к.ю.н. Краснодар, 2010.
9. Шахназаров И.Я. Концепция создания ми становления советской судебной системы на региональном уровне: 1917 – конец 1920-х годов (на материалах Пензенской губернии). Дисс. ...к.ю.н. Пенза. 2003.

Архивные материалы, статистические данные

1. Анкеты на лицо, вносимое в «секретный список»//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 478, л. 25, 26.
2. Архивное уголовное дело в отношении Верещагина Н.Г. № П-1355 УФСБ по Тамбовской области.

3. Архивное уголовное дело в отношении Симакова Д.З. № Р-953 УФСБ по Тамбовской области).
4. Ведомость о составе ответственных работников Тамбовского губернского суда по состоянию на 1 октября 1923 г.//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 557, л. 106.
5. Ведомость о составе ответственных работников Тамбовского Губсуда по состоянию на 1 января 1924 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 175, л.13.
6. Выписка из протокола № 23 от 18 февраля 1924 заседания президиума Тамбовского губисполкома//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 171, л. 37.
7. Выписка из протокола № 11/38 заседания президиума 1-го Райкома РКП(б) от 25 апреля 1924 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 176, л. 17.
8. Директивы V пленума Губисполкома 20-24 сентября 1924 г. Губсуду//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 797, л. 1-1 об.
9. Выписка из протокола № 145 заседания президиума Тамбовского губисполкома от 25 сентября 1926 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 767, л. 85.
10. Выписка из распоряжения № 30 по Народному Комиссариату юстиции и Прокуратуре Республике от 28 июня 1928 г. Часть вторая, параграф 1, пункт 1//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 1852, л. 310.
11. Доклад предГубсуда Брука на ревизионном совещании при НКЮ РСФСР 28 апреля 1926 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 571, л. 32-32 об.; Ф. Р-524, оп. 1, д. 571, л. 32-32 об.
12. Книга приказов Тамбовского Губсуда за 1923 год. Приказ № 14 от 5 февраля 1923 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 11, л. 13-13 об.
13. Книга приказов Тамбовского Губсуда за 1923 г. Приказ № 25 от 28 февраля 1923 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 11, л. 19.
14. Книга приказов Тамбовского губернского суда за 1923 год. Приказ № 25 от 28 февраля 1923 г. по Тамбовскому Губсуду//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 11, л. 18-20.
15. Книга приказов Тамбовского Губсуда за 1923 г. Приказ № 28 от 5 марта 1923 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 11. л. 21.

16. Копия препроводительного письма НКЮ РСФСР от 16 февраля 1923 г. о штатах Тамбовского губернского суда//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 86, л. 3, 4-7.

17. Копии секретного письма врид председателя губсуду Норвейшиса в Тамбовский Губком ВКП(б) от 2 сентября 1926 г. и во фракцию Тамбовского губисполкома от 4 сентября 1926 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 787, л. 87, 86-86 об.

18. Копия письма председателя Губсуда Брука в Губком ВКП(б) от 16 сентября 1924 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 176, л. 36.

19. Копия секретного письма врио председателя губернского суда Норвейшиса в Тамбовский Губком ВКП(б) от 12 июня 1926 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 787, л. 38.

20. Копия отчета Тамбовского Губсуда о работе судебно-следственных учреждений за вторую половину 1926 г. в НКЮ//ГАТО, Ф. Р-1, д. 1680, л. 39 об.-40.

21. Копия постановления СНК РСФСР от 20.07.26 г. «По отчетному докладу Народного Комиссариата Юстиции РСФСР»//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 587, л. 274-276

22. Копия отчета Губсуда о работе судебно-следственных учреждений за первое полугодие 1927 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 839, л. 95-96.

23. Копия резолюции объединенного совещания Управления прокуратуры Республики, Отдела судебного управления Народного Комиссариата Юстиции, Верховного Суда РСФСР от 20 апреля 1927 г. по докладу о деятельности Тамбовского губернского суда и о работе прокуратуры Тамбовской губернии//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 1678, л. 15-15 об.

24. Копия Твердых штатов Тамбовского губернского суда, установленных Народным комиссариатом рабоче-крестьянской инспекции РСФСР согласно постановлениям СНК РСФСР от 20 сентября 1927 г. и 20

февраля 1928 г. «О государственном нормировании заработной платы»//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 850, л. 29.

25. Копия отчета для НКЮ Тамбовского Губсуда о работе судебно-следственных учреждений за вторую половину 1926 г.//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 1680, л. 39

26. Копии протоколов №№ 7, 9, 14 заседаний президиума Тамбовского Губсуда от 28 сентября 1925 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 359.

27. Копия постановления коллегии Тамбовской РКИ от 29 сентября 1927 г., протокол № 63, по докладу инспектора Боброва об обследовании прохождения дел в судебно-следственных органах с целью ускорения и упрощения расследования в разборе дел и соблюдения классовых интересов//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 839, л. 17-19.

28. Материалы ГАРФ. Ф. 353. Оп. 5. Д. 52. Л. 138.

29. ГАРФ. Ф. 353. Оп. 5. Д. 18. Л. 197.

30. ГАРФ. Ф. 353. Оп. 5. Д. 52. Л. 211.

31. Материалы ГАТО. Ф. Р-634, оп. 1, д. 3, л. 92.

32. Материалы ГАТО. Ф. Р-524, оп. 1, д. 16. л. 17.

33. Материалы ГАТО. Ф. Р-524, оп. 1, д. 29, л. 4-6.

34. Материалы ГАТО. Ф. Р-524, оп. 1, д. 35, л. 1-2 об.

35. Материалы ГАТО. Ф. Р-524, оп. 1, д. 35, л. 7-11.

36. Материалы ГАТО. Ф. Р-524, оп. 1, д. 35, л. 11а-15 об.

37. Материалы ГАТО. Ф. Р-524, оп. 1, д. 35, л. 29-30 об.

38. Материалы ГАТО. Ф. Р-524, оп. 1, д. 35, л. 184-184 об.

39. Материалы ГАТО. Ф. Р-5201, оп. 1, д. 121, л. 9, 11, 14, 16, 18 и др.

40. Материалы ГАТО. Ф. Р-1, оп. 1, д. 151, л. 11-13 об.

41. Материалы ГАТО. Ф. Р-1, оп. 1, д. 300, л. 77-77 об.

42. Материалы ГАТО. Ф. Р-1, оп. 1, д. 415, л. 28.

43. Материалы ГАТО. Ф. Р-1, оп. 1, д. 415, с. 92.

44. Материалы ГАТО. Ф. Р-1, оп. 1, д. 415, л. 142-143.

45. Материалы ГАТО. Ф. Р-1, оп. 1, д. 461, л. 7.
46. Материалы ГАТО. Ф. Р-1, оп. 1, д. 557, л. 11-11 об.
47. Материалы ГАТО. Ф. Р-1, оп. 1, д. 640, л. 284 об.
48. Материалы ГАТО. Ф. Р-1, оп. 1, д. 682, л. 80-81.
49. Материалы ГАТО. Ф. Р-1, оп. 1, д. 691, л. 124 об. – 134.
50. Материалы ГАТО. Ф. Р-524, оп. 1, д. 715, л. 332 об-333.
51. Материалы ГАТО. Ф. Р-524, оп. 1, д. 716, л. 60 об-63.
52. Материалы ГАТО. Ф. Р-524, оп. 1, д. 839, л. 17-19.
53. Материалы ГАТО. Ф. Р-524, оп. 1, д. 839, л. 40 об-41.
54. Материалы ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 1261, л. 71.
55. Материалы ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 1261, л. 75-76.
56. Материалы ГАТО. Ф. Р-1, оп. 1, д. 1925, л. 25.
57. Материалы ГАТО. Ф. Р-1, оп. 1, д. 1925, л. 29-34.
58. Материалы НКЮ. Вып. II. М., 1918.
59. Материалы VI губернского съезда судебных работников Тамбовской губернии 10 октября 1923 г.//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 682, л. 57.
60. Материалы VI губернского съезда судебных работников Тамбовской губернии 10 октября 1923 г.//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 682, л. 58.
61. Материалы VI-го губернского съезда судебных работников Тамбовской губернии 10 октября 1293 г.//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 682, л. 69 об.
62. Материалы 7-го съезда судебно-следственных работников и народных заседателей Тамбовской губернии от 19-21.09.1925 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 368, л. 20-21
63. Отчет Тамбовского Губсуда о работе судебно-следственных учреждений губернии за 2-ю половину 1926 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 576, л. 45.
64. Отчет ТГС о работе судебно-следственных учреждений губернии за 2-ю половину 1926 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 576, л. 46 об.-49.
65. Письмо председателя Тамбовского губисполкома председателю Тамбовского Губсуда от 14 апреля 1927 г.//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 1680, л. 8.

66. Приложение к протоколу № 12 заседания пленума Губ.суда от 9, 11 декабря 1924 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 3, л. 106 об.

67. Письмо уполномоченного Губсуда по Козловскому уезду председателю Тамбовского губернского суда от 13 мая 1926 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 787, л. 29.

68. Письмо председателя Тамбовского Губсуда Литвинова В.М. в Тамбовский губком ВКП(б) от 16 января 1928 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 830, л. 16-16 об.

69. План основной работы Тамбовского губернского суда на 1928 год (до 1 октября 1928 г.)//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 835, л. 10.

70. Правила внутреннего распорядка для Губсуда, народных судов, губпрокуратуры и нотариата//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 313, л. 27-27 об.

71. Представление председателя Губсуда Брука в президиум Тамбовского губисполкома от 13 февраля 1924 г.//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 650, л. 417.

72. Приказы №№ 1-135 по губсуду за 1925 год. Приказ № 14 от 24 января 1925 г.// ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 367, л. 6 об.

73. Приказы №№ 1-235 по Тамбовскому губсуду за 1925 год//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 367, л. 34.

74. Приказы №№ 1-85 по Тамбовскому губсуду за январь-май 1926 г. Приказ № 31 от 17 февраля 1926 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 550, л. 21.

75. Приказы №№ 1-186 по губсуду за 1927 год. Приказ № 182 от 24 декабря 1927 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 723, л. 185 об.

76. Приложение к протоколу № 1 заседания пленума Губсуда от 16-17.01.25 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 357, л. 15.

77. Приложение к протоколу № 1 заседания пленума Губсуда от 16-17.01.25 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 357, л.16.

78. Приложение к протоколу пленума Губсуда от 11-12 февраля 1925 г. за № 2//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 967, л. 33-41; Ф. Р-524, оп. 1, д. 357, л. 56-57 об.

79. Приложение к протоколу пленума Губсуда от 11-12 февраля 1925 г. за № 2//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 967, л. 33-41; Ф. Р-524, оп. 1, д. 357, л. 56-57 об.

80. Протокол № 139 заседания президиума Тамбовского губисполкома от 9 ноября 1922 г.//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 477, л. 2.

81. Протокол № 58 заседания президиума Тамбовского губисполкома от 2 апреля 1923 г.//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 585, л. 12 об.

82. Протокол № 6 заседания пленума Тамбовского губернского суда от 9 июля 1923 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 1, л. 29.

83. Протокол совещания народных судей г. Тамбова от 21 февраля 1924 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 13, л. 46-47.

84. Протокол заседания пленума Тамбовского Губсуда № 3 от 26 февраля, 2-3 марта 1924 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 167, л. 6-7 об.

85. Протокол № 47 заседания президиума Тамбовского Губисполкома от 16 апреля 1924 г.//ГАТО, Ф.Р-1, оп. 1, д. 640, л. 189.

86. Протокол губернского совещания административных работников Тамбовской губернии с 15 по 18 января 1925 г.//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 681, л. 142.

87. Протокол губернского совещания административных работников Тамбовской губернии с 15 по 18 января 1925 г.//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 681, л. 134 об.

88. Протокол № 16 заседания пленума ТГС от 21.10.26 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 542, л. 84-89 об.

89. Протокол № 17 расширенного заседания пленума Тамбовского Губсуда от 25 августа 1927 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 715, л. 271-275 об.

90. Протокол № 17 расширенного заседания пленума Тамбовского Губсуда от 25 августа 1927 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 715, л. 271-275 об.

91. Протокол № 25 расширенного заседания пленума Тамбовского Губсуда от 24 ноября 1927 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 716, л. 145, 146 об-147.

92. Протоколы №№ 1-9 заседаний президиума Тамбовского Губсуда за январь-март 1923 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 4.

93. Протоколы №№ 1-16 заседаний пленума Тамбовского Губсуда за февраль-декабрь 1923 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 1.

94. Протокол № 111 заседания президиума Тамбовского Губисполкома от 19 сентября 1924 г.//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 640, л. 489-489 об.

95. Протоколы №№ 1-11 заседаний пленума Тамбовского Губсуда за январь-декабрь 1925 г и материалы к протоколам//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 357.

96. Протокол совещания при Организационном отделе Тамбовского Губисполкома от 23 апреля 1925 года//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 967, л. 67

97. Протоколы №№ 1-19 заседаний пленума Тамбовского Губсуда за январь-сентябрь 1927 г. и материалы к ним, т. 1//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 715.

98. Протоколы №№ 1-44 заседаний президиума Тамбовского Губсуда за 1927 год//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 720.

99. Протоколы №№ 1-21 заседаний президиума Тамбовского Губсуда за январь-июль 1928 г. и материалы к ним//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 820.

100. Протоколы №№ 1-23 заседаний пленума Тамбовского Губсуда за январь-июль 1928 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 818.

101. Распределение нагрузки на один судебный участок (судью) на 20 июня 1927 г. (доклад-заключение члена Губплана Орловского)//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 1680, л. 32 об.

102. Резолюция объединенного совещания Управления Прокуратуры Республики, Отдела судебного управления НКЮ, Верховного Суда РСФСР от 20 апреля 1927 г. по докладу о деятельности Тамбовского Губсуда и работе прокуратуры Тамбовской губернии//ГАТО, Ф. Р-1, оп. 1, д. 1680, л. 5.

103. Сеть судебных учреждений Тамбовской губернии по состоянию на 1 июня 1928 г.//ГАТО, Ф. Р-524, п. 1, д. 851, л. 3.

104. Совершенно секретная выписка из протокола № 13 заседания секретариата бюро Тамбовского губкома ВКП(б) от 22 апреля 1927 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 647, л. 31-31 об.

105. Сообщение члена ВКП(б) Литвинова в Тамбовский губком ВКП(б) от 10 мая 1927 г. о перевыборной кампании судей//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 648, л. 42-43.

106. Сообщение члена коллегии НКЮ Бранденбургского председателю Тамбовского Губсуда от 11 апреля 1924 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 311, л. 2, 304.

107. Список должностей, необходимых для доукомплектования штата Тамбовского губернского суда, направленный Народному комиссару юстиции 18 октября 1923 г. за исх. № 24988//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 14, л. 10.

108. Список районирования народных судов Тамбовской губернии на 1924 год//Ф. Р-1, оп. 1, д. 797, л. 2-9.

109. Список номенклатурных должностей Тамбовского губернского суда с подразделениями на губернский, районный (уездный) и ячейковый масштаб//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 820, л. 1-1 об.

110. СЗ СССР. 1924 г., № 23, ст. 203.

111. СУ РСФСР. 1921. № 15. Ст. 97.

112. СУ РСФСР. 1921. № 39. Ст. 209.

113. СУ РСФСР. 1921. № 49. Ст. 262.

114. СУ РСФСР. 1921. № 51. Ст. 294.

115. СУ РСФСР. 1922. №15. Ст.153.

116. СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 425.

117. СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

118. СУ РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903.

119. СУ РСФСР. 1926. № 85. Ст. 624.

120. СУ РСФСР. 1928. № 54. Ст. 406.

121. Тезисы к отчетному докладу уполномоченного Губсуда по Моршанскому уезду о деятельности судебно-следственных органов уезда за время с 1 января 1927 г. по 16 июня 1928 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 839, л. 41.

122. Штат Тамбовского Губсуда, составленный согласно предписанию НКЮ от 27 октября 1923 г. за № 12/4291, представленный в НКЮ для утверждения 31 октября 1923 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 14, л. 12-14 об.

123. Штаты Тамбовского губернского суда, утвержденные на заседании Центральной штатной комиссии от 11 июля 1924 г., присланные ИЗ НКЮ 25 августа 1924 г.//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 86, л. 1-2.

124. Штаты губернского суда, утвержденные на 1925-1926 бюджетный год Совнаркомом РСФСР//ГАТО, Ф. Р-524, оп. 1, д. 560, л. 43-44 об.